С. Изместьев
ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

S. Izmestyev
GLOBAL ALTERNATIVE

С. ИЗМЕСТЬЕВ

ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

S. IZMESTYEV

GLOBAL ALTERNATIVE

С.В. Изместьев

ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
GLOBAL ALTERNATIVE

С переводом на английский

МОНОГРАФИЯ

Москва
2023

УДК 340.1 [316.3 + 321]
ББК 67.022
DOI 10.32986/978-5-94472-115-0-01-2023
И37

Под редакцией:
Тюлюковой М.О. (Гл. I-III); Ящук Т.Ф. (Гл. IV); Ситниковой О.В. (Гл.V).

Перевод на англ.: Черниковой О.В., под редакцией Петрова Ю.Ф.

Рецензенты:
Бабурин Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук.
Керимов Александр Джангирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук.

Изместьев Сергей Владимирович.

И37 Глобальная альтернатива (Global Alternative) : монография / С. В. Изместьев. – М. : Изд-во Триумф, 2023. – 326 с.
ISBN 978-5-94472-115-0

Настоящая работа посвящена проблемам трансформации общественных институтов государства и права под влиянием процессов глобализации и информатизации. Предметом исследования выступают государство и право в их исторической и функциональной перспективе, исследуются феномены ритуализации утрачиваемых с глобализацией функций государства (ритуальное государство), «присвоения» государства (суверенитета) группами влияния, поглощения суверенитета глобальной олигархической властью, последовательной подмены традиционного права законодательством.

Параллельно рассматривается генезис процессов глобализации общества, выделяются два основных направления: интернациональная глобализация – объединение государств и их союзов в структуры транснационального управления, «глобализация сверху», и народная социомедийная глобализация – формирование глобального общества, публичной сферы, через диалог в сети Интернет, «глобализация снизу», их проблемы и перспективы.

В качестве итога процессов глобализации в государственной и правовой сфере рассматривается концепция глобального конституционализма, её проблемы и перспективы практической реализации.

Предлагается модель развития глобального конституционализма на основе народной социомедийной глобализации, в глобальной публичной сфере, объединённой общими традиционными, гуманистическими и духовными ценностями человечества, признанными правами и свободами человека, дополненными правом на свободу диалога в Сети (правом на свободу коммуникации) и свободу доступа к средствам коммуникации (правом на интернет), посредством инициирования и одобрения основных норм формируемым глобальным гражданским обществом в Сети.

В качестве инициаторов проектов норм глобального права предлагаются международные объединения активистов и верующих мировых традиционных религий.

Принятие глобальной конституции предлагается путём её всемирной поддержки (одобрения) обществом через глобальное прямое голосование в сети Интернет.

РИНЦ (Изместьев С.В.) SPIN-код: 3322-7171, AuthorID: 1108120

© Изместьев С. В., 2023

Sergey Izmestyev

GLOBAL ALTERNATIVE

Russian and English Edition

MONOGRAPH

Moscow
2023

UDC 340.1 [316.3 + 321]
LBC 67.022
DOI 10.32986/978-5-94472-115-0-01-2023

Translated by Oksana Chernikova, edited by Yuri Petrov

Izmestyev Sergey.
Global Alternative : monograph / S. V. Izmestyev. –
Moscow : Triumph Publishing, 2023. – 326 c.
ISBN 978-5-94472-115-0

The present work is dedicated to the issues of transformation of social institutions of state and law under the influence of globalization and informatization processes. The subject of the research is the state and law in their historical and functional prospective; the phenomena of ritualization of state functions being lost as globalization (ritualistic state) progresses, 'appropriation of states' (sovereignty) by influence groups, absorption of sovereignty by global oligarchic power, consistent substitution of traditional law by legislation are investigated.

In parallel, the genesis of the society globalization processes is also discussed, two key trends are distinguished: international globalization – the integration of states and their alliances into structures of transnational governance, «top-down globalization», and popular socio-media globalization – the formation of a global society, the public sphere, through dialogue on the Internet, «bottom-up globalization», their problems and prospects.

The concept of global constitutionalism, its problems and prospects in terms of practical implementation is considered as an outcome of the processes of globalization in the state and legal sphere.

A model is proposed for the development of global constitutionalism on the basis of a popular socio-media globalization, in a global public sphere united by common traditional, humanistic and spiritual values of the mankind, recognized human rights and freedoms, complemented by the right to freedom of dialogue in the Net (right to free communication) and freedom of access to the means of communication (right to the Internet), by initiating and approving basic standards shaped by the global civil society in the Net.

International associations of activists and believers of the world's traditional religions are proposed as the initiators of the global law.

The adoption of a global constitution is proposed by its worldwide support (approval) by the society through a global direct vote on the Internet.

Copyright © Sergey Izmestyev, 2023

Новым поколениям, которые во всём лучше предыдущих!

С благодарностью замечательным землякам, сибирякам, родным, друзьям, коллегам, без поддержки которых сохранение веры в успех исследования невозможно, особенно учителям, преподавателям, наставникам, которые учили нас мыслить критически!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

ГЛАВА I. КРИЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 11

ГЛАВА II. ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И «РИТУАЛЬНОЕ» ГОСУДАРСТВО 31

ГЛАВА III. ПРАВО НАРОДОВ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО 50

ГЛАВА IV. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ВСЕМИРНОЙ ДИКТАТУРЕ 78

ГЛАВА V. ПРИСВОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 96

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ПРАВО НАРОДОВ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ 132

Список литературы 149

Библиография 161

Книги, монографии 161

Статьи в периодических изданиях и сборниках 166

Интернет-ресурсы 168

Нормативные и официальные акты 170

Перевод на английский (English Edition)..... 171

ПРЕДИСЛОВИЕ

«A tenebris ad lucem».
(«Из тьмы к свету» лат.)

Последние десятилетия из уст учёных: правоведов, социологов, историков, общественных и культурных деятелей можно слышать встревоженные заявления об охватившем общество и его базовые институты – право и государство – кризисе. Проблему связывают чаще всего с революционными изменениями в технологической и информационной сферах, оказывающих существенное влияние на нашу жизнь. И чем стремительней изменения, тем чаще разговоры о кризисе. Значит, кризис связан с изменениями?

Что если, оглядываясь на историю человечества, задаться вопросом: был ли когда-либо сравнительно долгий период, когда современники не считали изменения кризисом? Безусловно, в далёком прошлом темп научно-технического прогресса был менее стремительным, были эпохи, когда столетия трудно было отличить, не видя календаря. Но изменения, обусловленные прогрессом, были всегда. Общество, вышедшее из первобытности, всегда сталкивалось с изменениями и жаловалось на кризис.

Из этого можно предположить, что под «кризисом» скрывается обычное неумение правильно и своевременно реагировать на вызываемые прогрессом изменения вследствие неумения их должным образом предвидеть и оценить. Именно такие неожиданные изменения становятся «вызовом» и «проблемой». В этом случае вместо принятия изменений, управления ими общество вынуждено преодолевать проблемы и адаптироваться к рискам, переживать кризисы.

В чём же причина кризиса сегодняшнего?

Взрывной рост информационно-коммуникационных технологий, цифровизация и цифровая трансформация ускорили формирование глобального общества, объединили торговые и финансовые рынки, усилили культурную интеграцию народов. Собственно, не

произошло ничего такого, чего не случалось бы прежде. Эти процессы шли и благополучно нарастали на протяжении всей истории человечества. И уже в начале прошлого века мыслящим умам было очевидно, что нас ожидает.

В этих условиях подлинным «кризисом» стала попытка присвоивших народный суверенитет политико-экономических групп сохранить государственную монополию на управление обществом, осуществляемую прежними политическими средствами.

Поскольку глобализация, как и её причина – научно-технический прогресс, явления объективные, игнорирование реальности неизбежно привело к транзиту ранее присвоенного группами политиков суверенитета на наднациональный (глобальный) уровень, где отсутствие эффективных механизмов транснационального управления отдало бразды правления обществом в руки мафиозно-коррупционной глобальной олигархической власти.

В этих условиях жертвой столкновения интересов национальных и транснациональных «элит», глобальной олигархии и ритуальных государств стали народы мира, фактически утрачивающие свой народный суверенитет.

Кратко – причины кризиса в невозможности регулирования нового уровня правоотношений старым «вестфальским» государственно-политическим инструментарием. Утрата монополии на управление обществом политиками ввергла их во взаимное недоверие и агрессию, вылившуюся в глобальный политический кризис – борьбу за мировое доминирование, угрожающую человечеству физическим истреблением. Даже если представить, что чьё-либо мировое политическое господство было бы возможным, перспективы такого будущего не вызывают оптимизма…

Выход должен быть только в умении правильно, вовремя, объективно и всесторонне оценивать происходящие изменения и реагировать на них должным и лучшим образом.

Образ желаемого лучшего будущего успешно сформирован народами в принятых ими конституциях, философских и правовых доктринах, он исходит из естественных нравственных и духовных

начал человека. Собственно, нет смысла говорить о том, каким наше будущее мы хотим видеть. Вопрос в том – как и какими средствами этого достичь? Каков путь «из тьмы к свету»?

Нельзя сомневаться, что мы созданы таковыми, что способность к преодолению любых вызовов времени заложена в нас изначально, в нашей высшей природе, надо лишь позволить этому свершиться.

Данная книга, написанная между 2019 и 2021 годами, главы которой были опубликованы в этот период как научные статьи, как итог различных исследований и размышлений в данной сфере на протяжении последнего столетия и не только, и есть скромная попытка ответить на этот вопрос.

ГЛАВА I.
КРИЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В Главе I рассматривается влияние процессов глобализации на государство как социально-политический институт, связанные с этим угрозы и проблемы в исторической перспективе на примере Европы. Особое внимание уделяется перспективе эволюционного «расслоения» полномочий государства между образуемыми наднациональными структурами управления обществом и наделёнными государственными полномочиями муниципалитетами. Также выделяются два сложившихся типа глобализации, оцениваются их проблемы и перспективы.

Государство, возникшее в человеческом обществе на заре его развития, несколько тысяч лет являлось важнейшим социальным институтом, основой политической системы общества, силой, организующей, направляющей и контролирующей совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов, союзов.

История образования государства как целостного механизма регулирования общественных отношений восходит своими корнями к развитию патриархальных семей, родов и в конечном итоге сформированных ими народов.

На определённом этапе развития человеческое общество пришло к необходимости установления универсального баланса интересов личностей, сословий, конфессий в интересах общего выживания и общего блага. Механизмом балансирования интересов стала политическая власть, наделённая функциями регулирования и принуждения.

На формирование и развитие института государства повлияла территориальная раздробленность человеческого общества, что прочно привязало данный общественный институт к отдельным

территориям, а также связало его с устоями, культурой, традициями и экономическим укладом отдельных народностей.

Поскольку будущее ковалось в постоянной конкуренции между территориально обособленными народностями, то государство неизбежно приобрело свойства защиты национальных интересов от посягательств иных народов, а также право на насилие по отношению к конкурентам.

Ошибочно полагать, что развитие государства сильно способствовало развитию человеческого общества. В самом обществе присутствовали и присутствуют иные регуляторные механизмы: мораль, традиции, религия, культура.

Можно сказать, что государство было, скорей, инструментом выживания народов в условиях жестокой борьбы за ограниченные ресурсы и межнациональной конкуренции.

Так, укрепление государственности Рима, формирование военной аристократии и диктатуры были связаны с необходимостью его обороны и захвата ресурсов у соседей.

В ходе реализации захватнической политики государства вырабатывали различный подход к составляющим их народам и территориям: коренным, союзным, завоёванным. Так появились империи, справедливо названные впоследствии «тюрьмой народов» [1.1].

Всё больше и больше государство выражалось в применении насилия как во внешней, так и во внутренней политике. Право на осуществление данного насилия присваивалось кланами, группами, классами, получившими политическую власть.

Сильная и централизованная государственная власть стала признаком обществ с низким уровнем самосознания, культуры и развития, для которых был характерен разрыв между интересами общества и правящим кланом. Крупные государства с узурпированной политической властью и порабощёнными народами не способствовали развитию в них общественных и экономических отношений, сдерживали их, что неизбежно приводило их к распаду до естественных единиц – мононациональных «малых

государств», естественность существования которых обоснована в работе Леопольда Кора «Распад государств». Он справедливо отмечал, что «в промежуточный период между интеллектуальными ледниковыми периодами господства великих держав, история, по всей вероятности, повторится, и мир, вновь малый и свободный, опять испытает те чары культурного величия, которые характеризовали миры малых государств Средневековья и Древней Греции» [1.2, с. 241].

Действительно, наряду с протогосударствами (самоуправляемыми общинами – «полисами») Древней Греции, ярким примером этого является Европа в начале и середине периода Средневековья (VI–XIII в. н.э.), когда освободившиеся от римского ига народы, фактически при отсутствии государственной власти (феодальная революция), сделали значительный рывок в экономическом, демографическом и культурном развитии – только численность населения Европы увеличилась втрое. Различные слои общества пережили небывалый подъём «вовлечённости и участия» в управление общественными делами. Об этом замечательно пишет Крис Уикхем в монографии «Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации» [1.3, с. 288].

Место государства заняли общинное самоуправление, традиции и религиозная мораль. В то время когда высокоцентрализованные государства Европы – Византия, Омейядский халифат и Аль-Андалус в Испании – стали примером деградации, коррупции и постепенного упадка.

Дальнейшее укрепление института государства в Европе было вынужденным ответом на внешние политические и климатические вызовы: неурожаи, голод и эпидемию чумы после 1400 года. Возникновение в Европе централизованных государств отбросило развитие гражданского общества, местного самоуправления, культуры на много столетий назад, привело к религиозным войнам, агрессии, инквизиции, массовой гибели населения и упадку экономик. Европе потребовалось ещё 400 лет на поиск механизмов

защиты личности и общества от государственного произвола, насилия и узурпаций.

Ситуация изменилась в ходе Реформации, в эпоху Просвещения посредством череды социальных потрясений – революций, когда обществом были выработаны принципы общественного контроля, разделения властей, «сдержек и противовесов», баланса между интересами личности, общества и навсегда отчуждённого от них государства в лице политических и аристократических элит (теория «общественного договора»).

Собственно с этого момента начинается уменьшение значимости государства как социального института.

Это обуславливается следующими факторами:

– появлением механизмов общественного контроля и саморегулирования в рамках формирования гражданского общества;

– развитием местного самоуправления как деятельности граждан по самостоятельному и под свою ответственность решению вопросов местного значения;

– появлением механизмов международного регулирования конфликтов;

– развитием международного права и международного правосудия;

– глубокой международной экономической интеграцией;

– ростом международного культурного и информационного обмена.

Ярким примером «разгосударствления» стали Соединённые Штаты, где большая часть властных полномочий закрепилась на местном уровне, а некоторые – делегированы общественным институтам.

По этому же пути после падения в конце XX века «железного занавеса» пошли народы Европы, делегировав часть государственных полномочий надгосударственным общеевропейским и иным международным структурам (например, оборону – НАТО), а также наделив государственными полномочиями широко развитые

муниципалитеты, передав часть регуляторных функций общественным институтам.

Происходившие в первой половине XX века попытки строительства сильных централизованных государств в Европе были связаны с политической узурпацией, насилием, тоталитаризмом и международной агрессией. Такие государства, основанные на тоталитарных идеологиях и насилии, показали себя нестабильными, недолговечными и потерпели политический и экономический крах. На их территории возникли в большинстве своём мононациональные «малые» государства, включившиеся в европейскую, евразийскую и мировую экономическую и политическую интеграцию. При этом на каждом этапе такой интеграции государства утрачивают свои государственные признаки, добровольно делегируют часть своего суверенитета международным структурам.

Основным фактором ослабления государства как социального института в начале XXI века стала: культурная и экономическая глобализация.

Так, в начале нашего столетия с развитием всемирной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, технологий мобильного доступа и ускоренной цифровизацией всех отраслей жизни общества начало формироваться единое глобальное социокультурное пространство, основанное на принципах интернационализма, антропоцентризма, плюрализма и толерантности, с огромной скоростью затягивающее в свой ареал молодые поколения жителей различных государств. При таком подходе размываются традиционные понятия национальных интересов, исчезают культурные различия, а глобализованная экономика уравнивает экономические интересы людей.

Большим шагом станет внедрение технологии нейрокомпьютерных интерфейсов для связи мозга человека с глобальной беспроводной Сетью, которые сейчас активно разрабатываются. Какими государственными интересами будет руководствоваться такой «глобализованный», подключённый к единой Сети, человек?

Регулирование международных политических и экономических споров всё больше делегируется отдельными государствами и их союзами международным ассамблеям и арбитрам. Появилась практика распространения ведущими странами и их объединениями норм своего законодательства на регулирование правоотношений за пределами их территорий, например всемирное признание патентов отдельных стран (США, стран ЕС) на международном уровне.

Резко снижается роль национального права, которое либо унифицируется с международными нормами, либо закрепляет делегирование прав по регулированию вопросов международным структурам. Яркий пример тому действующая Конституция России 1993 года, закрепляющая приоритет международного права.

Глобализованная финансовая система столкнулась с вызовом появления криптовалют, эмитируемых негосударственными структурами, разрушающими исконную монополию государств на денежную эмиссию.

Широко распространяется практика использования корпорациями частных военных компаний (армий) для решения экономических вопросов силовыми средствами. Потенциал таких «войск» зачастую превосходит возможности вооружённых сил отдельных государств.

При сохранении таких тенденций формирование единых культуры, идеологии, права, правосудия, возможно электронного, и человеческой морали – вопрос ближайшего будущего. Наступает эпоха «глобального человечества» без барьеров, наций и границ. Географические и культурные границы «размываются», формируются транснациональные общности людей, подобные тем, что были в раннем Средневековье, основанные на общих целях, экономических и культурных ценностях.

Будет ли в этом новом глобальном мире место такому социальному институту как государство? Каков его генезис?

По сути своей государство носит территориальный и национальный характер, направлено на защиту или продвижение тер-

риториальных и национальных интересов. В новой глобальной среде эти понятия постепенно размываются, как и понятие самой личности, какой мы её знаем. Так, в большинстве развитых стран сегодня человек свободен в определении своей национальности, гендерной принадлежности. Не кажется невероятной и ситуация, когда выбор гражданства станет таким же лёгким и свободным, будет осуществляться в заявительном порядке по сети Интернет, а государства смогут привлекать себе граждан, как акционеров на бирже, скажем, в обмен на инвестиции. Уже сегодня рядом государств успешно применяется практика подобной «продажи» гражданства (инвестиционных паспортов).

«Глобализация – сила, которая буквально разрушает значение и суть государства. Это, в свою очередь, ускоряет распад государства. Например, правительства индустриально развитых государств заявляют своим гражданам, что причиной безработицы является аутсорсинг – рабочие места экспортируются за рубеж, и власти никак не могут с этим бороться. В результате в глазах граждан государство теряет своё значение. Государство становится институтом, который не достоин их лояльности», – заявляет директор Центра культурного консерватизма при исследовательском институте Free Congress Foundation Уильям Линд [1.4].

Последовательная тенденция ослабления государств, отказа ими от экономического и социального патернализма, неспособность противостоять глобальным вызовам, раздражает людей, вынуждает искать защиты и справедливости у международных организаций и институтов: в международных судах, правозащитных и гуманитарных организациях.

Вызывает беспокойство, что сегодня государственная власть как всё ещё эффективный инструмент насилия и принуждения часто узурпируется и используется отдельными группами, кланами, промышленными корпорациями в корыстных, националистических или преступных целях. Возникают феномены «корпорации-государства», государств-изгоев, криминальных и даже террористических государств. Процесс деградации власти и образования

«мафиозного государства» детально описан на историческом примере Венгрии политиком-публицистом Балинтом Мадьяром в его известной работе «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии». Он описывает механизм «захвата» государства «криминальным подпольем», включившимся в политический процесс [1.5].

Хотя, можно предположить, правильно говорить в данном случае не о «криминальных государствах», а о криминальных политических режимах, жертвами которых становятся «несостоятельные», «неразвитые» общества и государства с неразвитыми или поражёнными общественными институтами, не способные на защиту своих прав и законных интересов от внутренней гибридной агрессии. Развитие термина «несостоятельного государства» (Failed state), озвученного в Стратегии национальной безопасности США за 2006 год, было предложено Ульрихом Шнеккенером (научный сотрудник в исследовательской группе «Глобальные вопросы», Фонда «Наука и политика», Германия, Берлин) в статье «Распад государства как глобальная угроза. Неустойчивые государства и транснациональный терроризм» [1.6]. Он предложил подразделять «проблемные» государства на: «слабые», «непрочные», «деградирующие или не справляющиеся со своими функциями», «несостоявшиеся или развалившиеся». Данной классификацией в настоящее время пользуется в своих ежегодных рейтингах несостоятельности государств международная организация «World Peace Foundation», США.

Такие, «захватившие государства» режимы (группы, кланы, секты, партии) способствуют национальному изоляционизму, угнетают население своих стран, провоцируют международные военные конфликты, угрожают миру и безопасности на планете, особенно с учётом разрушительного потенциала современных вооружений и угрозы распространения оружия массового поражения. Это требует выработки международных механизмов «оздоровления» таких «захваченных» государств, критериев лишения

их международно-правового статуса, юридических механизмов фиксации их компрометации.

Учеными-правоведами справедливо ставится вопрос об уголовной ответственности государств за преступные деяния [1.7, с. 182–192]. Достаточно вспомнить, что тягчайшие преступления против человечества и человечности в XX веке были совершены именно государствами, власть в которых была присвоена антисоциальными элементами. Ярчайшим примером злоупотребления возможностями государственного насилия в интересах конкретной группы людей стала нацистская Германия с её доктринами «национального превосходства» и «расширения жизненного пространства», ввергшая народы мира в кровопролитнейший в истории человечества военный конфликт. Данное государство было всего в «одном шаге» от обладания ракетно-ядерным оружием. Трудно представить, чем это грозило человечеству. Военно-технический и научный потенциал современных государств настолько высок, что сама мысль о «военном соревновании» народов, как это было раньше, недопустима. При этом уровень защиты государств от узурпации остался на прежнем уровне или даже ослаб на фоне широкого применения демократических процедур и роста возможностей массовой пропаганды в условиях открытого информационного пространства.

Отрадно отметить, что уровень агрессии общества последовательно снижается. На смену вооружённым поединкам приходят методы экономической, информационной, гибридной, пропагандистской войны. Возможно, это следствие демаскулинизации патриархальной политики за счёт усиления роли женщин и гендерной революции. «Soft power» вытесняет собой «hard power» [1.8, с. 167], но угроза глобального конфликта реальна и обоснованна.

Однако в современной правовой науке и политике присутствуют призывы к созданию «сильного государства», способного якобы противостоять любым вызовам современности. Так А.Д. Керимовым признаками такого государства называются: сильный властный, экономический и производственный потенциал,

собственность на средства производства, монополия на насилие и принуждение, значительный государственно-бюрократический аппарат с широкими властными и регуляторными полномочиями во всех сферах общественной жизни, способность к мобилизации общества и монопольная идеология [1.9].

Именно такое государство в свете вышесказанного и является наиболее привлекательной целью для «захвата» заинтересованными группами, а будучи «захваченным», представляет наибольшую внутреннюю и внешнюю угрозу. С целью противостояния вызовам современности правильнее говорить о «стабильном» государстве, демократические и социальные институты и основы которого надёжно защищены от коррупции и узурпаций. Но проблема стабильности государств неотделима от стабильности его оснований: нации, территории и культурного пространства, которые с неизбежностью размываются процессами глобализации.

Криминализация политических режимов, как правило, влечёт глубокие поражения государственных институтов, прежде всего призванных противодействовать преступности, – правоохранительной и судебной системы. В этом случае передача такими государствами функций по борьбе с преступностью и правосудия наднациональным международным институтам является эффективным средством внешнего «исцеления».

Наряду с «захватчиками» ярыми поборниками фетишизации роли государства являются бюрократические кланы и содружества «силовых» органов, преследующих корыстные интересы сохранения властных сверхполномочий для защиты своего экономического и политического влияния в обществе. Такие оторванные от интересов социума профессиональные сообщества зачастую шантажируют общество мнимыми или искусственно создаваемыми ими же угрозами и «ритуализируют» функции государства. Что интересно, даже их не обходят процессы глобализации, формируя из них организованные международные «тайные интернационалы спецслужб», как назвал их А.С. Панарин в работе «Искушение глобализмом» [1.10, с. 54]. Действуя «в тени», они часто

объединяют интересы с международными хищническими финансовыми кланами и преступными сообществами, направляя свои усилия на противодействие международному объединению здоровых сил общества, исповедуя принцип «Разделяй и властвуй!». Таким образом, национальным интересам различных стран угрожает не процесс глобализации, а глобализованный преступный интернационал.

Развитие информационного обмена, социальных сетей сегодня создаёт эффективный механизм защиты от подобных явлений – народную дипломатию – открытый диалог и обмен информацией между простыми людьми из разных концов мира. Свобода такого взаимодействия должна гарантироваться и защищаться международным сообществом от нападок и ограничений «ревнителей» и «жрецов» государств в любой точке мира.

Противниками глобализации обоснованно высказывается опасение о «захвате» экономик вышедшими из-под государственного контроля международными финансовыми кланами, сторонниками бесчеловечной монетаристской идеологии, нацеленными на несправедливый передел мировых ресурсов, урезание социальных функций государств. Спасение им видится в укреплении роли государства в экономике. Однако, как показывает практика, адепты монетарной политики неплохо закрепились в правительствах современных государств, успешно используя принципы монетаризма для проведения агрессивной государственной политики на глобальных финансовых и экономических рынках. Такое явление усиливает финансовое и экономическое неравенство народов, создаёт условия для экономической экспансии отдельных государств.

Как справедливо писал по этому поводу российский мыслитель А.С. Панарин: «Если глобализацию узурпируют известные политические силы, то выход может быть не в том, чтобы противостоять глобализации и оспаривать её как принцип, а в том, чтобы расширить своё участие в этом процессе, попутно исправляя его перекосы. Иными словами, в отношении глобализации нельзя занимать позиции луддитов – разрушителей машин» [1.10, с. 397–398].

В этом случае передача международным институтам функций экономического и финансового регулирования позволит создать глобальные механизмы защиты товарных и финансовых рынков от экономических экспансий, обеспечить гарантии прав и интересов всех их участников.

Известным аргументом «государственников» против глобализации является угроза утраты народами национального суверенитета как неотъемлемого и естественного права.

Рассматривать данную проблему следует с учётом произошедшего «транзита» суверенитета и утраты духовных основ власти в Европе на протяжении XVII–XX веков. Первоначальным источником суверенитета большинства европейских государств была Римская католическая церковь в лице её главы Римского Папы, который наделял полновластием над народами по праву «наместника Сына Бога, Иисуса Христа» («Vicarius Filii Dei», «Vicarius Christi») средневековых правителей – «суверенов». Как нельзя лучше данный принцип отражён в славянском термине «господарь», означающем «дарованный Господом». Таким образом, первоначально доктрина суверенитета, описанная Ж. Боденом, базировалась на трансформации божественной власти над народами в священную власть монархов – её носителей. После буржуазных революций и падения монархий возобладала концепция «народного суверенитета», предложенная Ж.-Ж. Руссо, которая заключается в верховенстве народа в государстве, а народ рассматривается как единственный законный и правомерный носитель верховной власти и как источник государственного суверенитета. Эта норма сегодня закреплена в конституциях большинства современных государств [1.11]. Теперь источником суверенитета стал не Господь Бог, а народ – как совокупность граждан государства, а его носителем не «помазанник Божий» – монарх, а представительные и законодательные органы государства, согласно принципам представительной демократии. Следствием такого «транзита» суверенитета стали десакрализация власти в глазах общества, утрата носителями суверенитета духовной миссии (ответственности перед

Богом), присвоение суверенитета правящими политическими силами (парламентским большинством), всё более зависимыми от международных групп экономического и политического влияния.

Следовательно, частичная утрата суверенитета государствами в пользу международных групп влияния стала состоявшейся реальностью. В этих условиях предлагаемое глобализацией легальное делегирование части суверенитета законным и признанным международным структурам только упорядочит этот процесс.

Никакие негативные явления не способны изменить общего вектора развития общества. Рассуждения об «особом пути» отдельных народов столь же результативны, как попытки веером отогнать ураган. Глобализация – объективный процесс человеческой истории, знаменующий постепенное слияние семей в племена, племён – в народы, народов – в нации и цивилизации, с неизбежной утратой самобытных традиций, верований, языков и культур. Вопрос не в том, будет ли глобализация, а в том, какие и кому она принесёт плоды? Не может быть сторонников или противников глобализации, может быть эффективный либо неэффективный ответ на изменяемые ей условия жизни общества.

Идеи экономической и политической конкуренции между народами базируются на устаревшей социал-дарвинистской теории выживания сильных в условиях ограниченности ресурсов и жизненного пространства для развития народов, теории «золотого миллиарда». Такие подходы более свойственны животному миру, не обладающему разумом и технологиями, не способному к познанию мира, поиску новых ресурсов и освоению новых пространств. Отсюда происходит неверная идея о необходимости агрессивной и оборонительной политики, реализуемой средствами государства. Это величайшее заблуждение прежних веков, апогеем которого стала идеология фашизма. Опыт и современная наука говорят об обратном. Человек, обладающий разумом, способен к поиску и освоению новых энергий и ресурсов, которыми мы окружены: энергии Солнца, ветра, приливов, земного ядра,

распада элементов, вплоть до сооружения сферы Дайсона, добыче ресурсов в Мировом океане, на иных планетах и астероидах.

Вопреки заблуждениям, невольным или корыстным, Создатель, повелевший людям «плодиться и размножаться», не запер нас в замкнутом пространстве с исчерпаемыми жизненными ресурсами на неминуемую гибель и съедение друг другом. Он наделил нас Разумом – способностями к освоению не только ещё больших пространств нашей планеты, но и планет Солнечной системы, дальнего космоса, которые по мере роста самого человечества возрастают экспоненциально. Таким образом, жизненным пространством и источником ресурсов для разумного человечества является вся Вселенная, в современном понимании – практически безграничная.

С осознанием этого факта происходит последовательная смена парадигмы развития человеческого общества: от множества – к единству, от конкуренции народов – к объединению. Выход на новый технологический уровень развития позволит в ближайшем будущем достичь избыточности ресурсов, забыть о борьбе за выживание, создать комфортные условия для жизни каждого человека за счёт введения безусловного основного дохода и передачи роботам тяжёлого и рутинного труда, достижения медицины значительно увеличат продолжительность жизни, технологии расширят возможности человеческого организма.

Уже сегодня перед человечеством возникают новые глобальные задачи и проблемы, решение которых невозможно силами отдельных государств. Это освоение соседних планет, к которому мы подошли вплотную, защита климата Земли, защита от ядерной войны, суперинфекций и астероидной угрозы (которые признаны наукой самыми опасными для человечества угрозами), борьба со всемирными террористическими и преступными организациями.

В новом глобальном мире всё становится глобальным: мировая финансовая система, мировая торговля, наука, культура, всемирное здравоохранение, планетарный климат и даже организованная преступность. Для решения глобальных задач нужен глобальный

инструментарий. Отдельные государства, как институт прошлого, не способны решить данные задачи самостоятельно. «Глобализация средств сообщения и коммуникаций, экономического производства и его финансирования, продажи технологий и оружия, а прежде всего – экологической и военной опасности, ставит перед нами проблемы, которые уже не могут быть разрешены в национально-государственных рамках или общепринятым доныне способом заключения соглашений между суверенными государствами. Всё говорит о том, что ослабление национально-государственного суверенитета будет продолжаться и потребует создания и расширения возможностей политического действия на наднациональном уровне», – говорит немецкий философ Юрген Хабермас в работе «Вовлечение другого» [1.8, с. 111]. Организация сложных межгосударственных отношений по каждой из задач потребует невероятно много усилий и времени, сильно усложнит процедуру.

Объединение усилий человечества в формате объединённых наций не показало себя эффективным механизмом решения международных задач, став полем для международной «анархической властной конкуренции между государствами» [1.8, с. 112]. Человечество принесло слишком много необоснованных жертв на алтарь честолюбия политиков, загнавших прогресс в «прокрустово ложе» международных внешнеполитических конфликтов. Миру требуется «постнациональное понимание политического целого», создание нового «послеполитического мира» [1.8, с. 112].

Глобализация, в 1990 году первоначально определённая лордом Э. Гидденсом как «уплотнение сети всемирных связей, которое имеет своим следствием взаимовлияние местных и отдалённых событий» [1.12, с. 64], а в 2017 году в его совместной работе с Филиппом Саттоном описанная как: «Разнообразные процессы, через которые географически разобщённые популяции людей обретают более близкие и непосредственные связи друг с другом, становясь единым сообществом или глобальным обществом» [1.13, с. 14], даёт нам уникальный шанс формирования единого наднационального социокультурного этноса – человечества,

способного ко вхождению в новый «послеполитический» мир. По мнению данных исследователей, можно говорить о формировании в связанном мире «глобальной взаимозависимости», когда «решения, принятые в одной точке земного шара, могут оказать огромное влияние на весь мир, а национальное государство, будучи до этого центральным актором, ныне частично утратило свою власть и способность к контролю» [1.13, с. 16]. Современная наука, опираясь на исследования Малькольма Уотерса в работе «Глобализация» (2001), называет три основных направления, или «измерения», глобализации: экономическое, культурное и политическое [1.13, с. 15]. Если экономическое и культурное измерения глобализации не вызывают сомнений, то понятие «политического» измерения глобализации, определяемого некоторыми авторами как: «Растущая международная политическая кооперация (заявляющая о себе активно использующимся понятием «международное сообщество» или применением многонациональных войск по поддержанию мира), которая демонстрирует политическую и военную координацию поверх национальных границ» [1.13, с. 15, 16], может рассматриваться только как один из вариантов глобализации в сфере управления обществом.

Главной глобальной задачей должно стать именно поступательное, стабильное и безопасное развитие человеческого общества через полноценную реализацию прав и свобод каждой человеческой личности, раскрытие и развитие её творческого потенциала в труде, науке, искусстве и духовной сфере.

Интуитивно человечество постепенно объединяет свои усилия, формируя систему глобальной безопасности и глобального развития, которые должны поглотить часть государственных полномочий, «впитать» суверенитет государств в отдельных отраслях. Это приведёт к неизбежному «концу международной политики» и формированию мировых органов безопасности, правосудия и развития.

Остальные полномочия государств могут быть постепенно переданы на местный уровень, местному самоуправлению, позво-

лив жителям агломераций, общин полностью и свободно регулировать вопросы жизни и развития своих территорий.

Такая конструкция «расслоения государства» создаст посылы и гарантии глобальной безопасности и развития человечества, сконцентрировав в руках местных общин большую часть вопросов их повседневной жизни. При этом муниципалитеты из государственно-территориальных единиц преобразуются в корпорации жителей, участников хозяйственных и финансовых отношений. Такой подход к муниципалитетам уже широко применяется в законодательстве США, ЕС и России.

Опорой на местные, общинные, интересы можно объяснить высокую эффективность правительств в небольших государствах Европы, которые по сути своей являются формой национального самоуправления народов, активно делегирующих часть суверенитета на наднациональный уровень.

Следуя этой логике, можно выделить два типа глобализации в сфере управления обществом: глобализацию наций и «народную» глобализацию.

Первый тип характеризуется объединением национальных государств в глобальные международные объединения, скрепляемые международным правом. Именно этот тип глобализации можно справедливо назвать «союзом неравных», где более крупные игроки «цивилизованного мира» зачастую решают свои задачи за счёт более слабых партнёров, навязывая им свою политическую и экономическую волю. Все вышесказанные опасения, связанные с процессами глобализации, всецело относятся к указанному типу. Более того: волей политиков, движущих данные процессы, такая глобализация зачастую вырождается в средство экспансии отдельных её участников.

В последние десятилетия благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, формируемому ими единому социокультурному пространству можно говорить об ином типе – «народной» глобализации в сфере управления обществом – массовому стремлению людей мира к снятию барьеров для культурного

и экономического взаимодействия. Оно выражается в значительном общественном давлении на власти национальных государств со стороны общества, в основном молодёжи, по вопросу участия таких государств в процессах глобализации, передаче части полномочий наднациональным структурам. Такой народный порыв объясняется очевидным осознанием гражданами преимуществ снятия барьеров для экономического и социального развития. По данному пути идут общества стран Восточной Европы, требующие от политиков ускоренной евроинтеграции. При этом интересы политиков, как стран-кандидатов, так и стран-участников глобальных образований, не всегда совпадают со стремлением общества, что приводит к реальным политическим конфликтам.

Учёными высказываются обоснованные предположения о том, что в ближайшем будущем «можно ожидать организацию социальных движений, превосходящих уровень местной или национальный политики» без участия существующих международных организаций [1.13, с. 17–18]. Это позволяет говорить о феномене пробуждения массового глобального самосознания на фоне неспособности политиков и создаваемых ими международных организаций решить жизненно важные для человечества вопросы в таких сферах, как экология, здравоохранение, защита прав и свобод человека, социальное обеспечение.

В этой связи остро требуются международно-правовые механизмы защиты интересов общества в реализации естественного права на участие в глобализации, учитывающие законные права и интересы всех участников данного процесса. Глобализация должна быть открытым и честным процессом, а не достоянием «избранных народов».

Трансформация государственных образований, конечно же, будет носить постепенный, эволюционный характер в виде образования глобального союза (или нескольких союзов), затягивающих в свою орбиту больше и больше народов и территорий. Временным исключением могут стать «захваченные» государства, угрожающие миру и безопасности, народы которых не способны

к самостоятельному освобождению и выбору своей судьбы, чья перспектива должна определяться мировым сообществом исключительно на основе норм международного права и уважения естественных прав личности, народов и государств.

Огромная роль в этом процессе будет принадлежать всемирному праву, мировой законности, на долю которой выпадет сложение «каркаса» новых глобальных отношений, обязанного быть прочным и обеспечивать мир и справедливость новой эры человечества. Идеи всемирного права (ius gentium) и всемирного гражданства (ius cosmopoliticum) были объявлены естественным продолжением государственного и международного права для достижения вечного мира ещё И. Кантом в его работе «К вечному миру» [1.14, с. 257–311].

Миссия всемирного права – законодательное урегулирование глобализованных процессов, в силу объективных обстоятельств вышедших из сферы национального государственного регулирования, заполнение данного правового «вакуума» на основе норм права, принимаемых всеми, в перспективе каждого.

Способами формирования такого права в современных условиях могут стать:

– признание приоритета норм международного права над нормами национального законодательства;
– принятие национальными легислатурами типовых (модельных) актов и кодексов;
– формирование глобальных законодательных органов, с делегированием им полномочий отдельными государствами.

Особая роль также принадлежит формированию всеобщей духовности, взаимослиянию судеб, личностей и народов в единый общечеловеческий «сплав», планетарную и космическую ноосферу, развитие которой предсказывал в своих трудах учёный-философ В.И. Вернадский на заре XX века [1.15].

Можно ли говорить о перспективе формировании в ближайшем будущем некоего глобального «супергосударства» в планетарных

масштабах, о чём размышлял в вышеупомянутой работе Л. Кор [1.2]? На данном этапе, думаю, что это преждевременно. Новый глобальный информационный миропорядок не предполагает централизацию властных полномочий в каком-либо географическом центре, он обязан быть многополярен, правильнее сказать, распределён. В противном случае принцип взаимослияния подменится принципом поглощения, возможно, породив трагедию порабощения народов планетарного масштаба, словами И. Канта это привело бы к «самому ужасному деспотизму» [1.14, с. 103].

Эволюционное угасание роли государства в XXI веке не будет скоротечным. Возможно, утратив реальные функции, государства ещё надолго переживут сами себя, сохраняясь, подобно монархиям, номинально в силу традиции.

Однако хочется верить, что в будущем человечество переживёт новый «золотой век» духовного, культурного, экономического подъёма и единства, а опыт сильной и централизованной государственности может потребоваться объединённому глобальному человечеству лишь при возможном взаимодействии с иными внешними недружественными силами, цивилизациями. На пути строительства глобального мира человечеству предстоит создать его подлинным союзом народов, а не союзом держав, как это и было изначально.

ГЛАВА II.
ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И «РИТУАЛЬНОЕ» ГОСУДАРСТВО

В Главе II рассматривается влияние процессов глобализации на общество и государство. Здесь выделяются два сложившихся типа глобализации: объединения государств и объединения людей на основе глобальных информационно-коммуникационных технологий, демонстрируется взаимосвязь между развитием информационного обмена и демократизацией, дебюрократизацией общества. Отдельно анализируются проблемы проявлений фундаментализма, изоляционизма и противодействия процессам народной глобализации заинтересованными группами с использованием коллективных и медиаритуалов, ограничения прав граждан на свободу обмена информацией, доступа к сети Интернет на государственном уровне. В Главе II рассматриваются феномен противодействующего глобализации на общественном уровне постмодернистского «ритуального» государства, попытки монополизации им информационной и духовной сфер, ответное объединение усилий общества – глобальная революция. В связи с этим высказываются идеи расширения международно-правовых гарантий на участие личности в обмене информацией и свободный доступ к средствам такого обмена как естественных прав человека, международно-правовой регламентации статуса и деятельности глобальных объединений, создания гарантий для участников глобального информационного обмена.

В современном мире всё становится глобальным: мировая финансовая система, мировая торговля, наука, культура, всемирное здравоохранение, планетарный климат и даже организованная преступность. Для решения глобальных задач нужен глобальный инструментарий. Отдельные национальные государства не способны эффективно решить их самостоятельно.

Глобализация – объективный процесс человеческой истории, знаменующий постепенное слияние семей в племена, племён – в народы, народов – в нации и цивилизации, с неизбежной утратой самобытных традиций, верований, языков и культур. Само понятие глобализации справедливо рассматривать не как отдельное явление, а как осознание обществом естественного процесса диалектического развития человечества в его исторической перспективе. Отрицание данного факта – сознательное искажение сути истории, отрицание собственно прогресса.

Интуитивно человечество постепенно объединяет усилия, формируя системы глобальной безопасности и глобального развития, которые должны поглотить часть государственных полномочий, «впитать» суверенитет государств в отдельных отраслях. Это приведёт к неизбежному «концу международной политики» и формированию мировых органов безопасности, правосудия и развития.

Развитие информационного обмена, социальных сетей предоставляет эффективный механизм глобализации на личностном уровне – народную дипломатию – открытый диалог и обмен информацией между простыми людьми из разных концов мира. Свобода такого взаимодействия должна гарантироваться и защищаться международным сообществом от нападок и ограничений «ревнителей» и «жрецов» государственной монополии на управление обществом в любой точке мира.

Ранее было предложено выделить два исторически сложившихся типа глобализации в сфере управления обществом: глобализацию наций и народную глобализацию. «Первый тип характеризуется объединением национальных государств в глобальные международные объединения, скрепляемые международным правом. Именно этот тип – «интернациональный» – можно справедливо назвать союзом неравных, где более крупные игроки «цивилизованного мира» зачастую решают задачи за счёт более слабых партнёров, навязывая им свою политическую и экономическую волю. <…> Волей политиков, движущих данные процессы, такая

глобализация зачастую вырождается в средство экспансии отдельных её участников.

В последние десятилетия благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, формируемому ими единому социокультурному пространству можно говорить об ином типе глобализации в сфере управления обществом – народной, массовом стремлении людей мира к снятию барьеров для культурного и экономического взаимодействия» [2.1].

Этот процесс роста самосознания народных масс по всему миру за счёт свободного обмена информацией, координации совместных действий и усилий в сфере защиты прав и свобод человека, борьбы за сохранение и создание благоприятной экологической и социальной среды смело можно назвать глобальной революцией. Яркими доказательствами этого служит появление всемирных народных движений активистов в сфере защиты экологии и прав человека, таких как экологическое движение сторонников Греты Тунберг за спасение климата Земли и международное правозащитное движение Black Lives Matter (BLM). Однако как на национальном, так и на международном уровнях отсутствуют законодательные основы статуса и гарантий деятельности таких объединений, их участников. Это создаёт предпосылки как для ущемления прав их участников отдельными государствами, так и для злоупотреблений участниками самих объединений.

Появление глобальных «социальных движений, превосходящих уровень местной или национальный политики», без участия существующих международных организаций было предсказано британскими социологами Э. Гидденсом и Ф. Саттоном в работе «Основные понятия в социологии» в 2018 году [2.2, с. 17–18].

Наиболее успешным примером наднациональной глобализации сегодня является европейский опыт делегирования части государственного суверенитета на наднациональный уровень и перехода к единому европейскому послеполитическому обществу. В рамках Европейского союза найден необходимый баланс между трансформирующимся институтом государства и формирующейся

глобализованной общностью, который открывает перспективы как расширения сферы глобализации, так и возможности включения в данный процесс новых и новых народов и территорий. При этом каждый новый участник получает больше готовых механизмов наднационального взаимодействия и транснационального управления, уже отлаженных и оформленных законодательно.

Отдельного исследования заслуживают обратные процессы, характерные для обществ и государств, скептически настроенных по отношению к участию в процессах мировой глобализации. Действующие общественные институты в таких обществах и государствах также подвержены трансформации, а органы власти неизбежно утрачивают реальные механизмы регулирования в глобализуемых сферах общественной жизни, прежде всего в финансах, экономике, культуре и информационном обмене.

Современные исследователи отмечают взаимосвязь между уровнем демократии, развития общественных институтов и способностью общества к выходу на уровень наднационального взаимодействия. Чем выше уровень демократии и развития гражданского общества, тем более активно оно включается в формирование наднациональных структур.

Социологи свидетельствуют, что «распространению демократии в последнее время сильно способствовало развитие глобальных коммуникаций», а «права на участие в демократическом процессе сочетаются с гражданскими свободами – свободой самовыражения и дискуссии» [2.3, с. 82].

Таким образом, можно говорить о взаимосвязи процессов глобализации и демократизации общества, взаимоусиливающихся на протяжении всего XX столетия и начала нашего века, охвативших большую часть мира.

Расширяющаяся под влиянием прогресса международная информационно-коммуникационная среда предоставляет людям из разных стран и обществ глобальную дискуссионную площадку, предназначенную для взаимообмена информацией об отдалённых и близких событиях, выражения мнения о них. Данная среда, сла-

бо регламентированная национальным и международным правом, проявила способность к саморегулированию. Самым подходящим «уравнением» такого плюралистического диалога стали принципы равенства, взаимоуважения, корректности и терпимости, без которых невозможен плодотворный конструктивный диалог.

Следовательно, информационно-коммуникационная среда породила дискуссию, а дискуссия – демократию, которую, собственно, можно определить как равноправный общественный диалог. По словам Э. Гидденса, «наличие глобального информационного общества представляет собой мощную демократизирующую силу» [2.3, с. 92].

Благодаря развитию электронной коммуникации и демократизации этой коммуникационной среды государства и финансовые группы постепенно утрачивают право на информационную монополию в условиях глобального открытого обмена информацией. Это объясняется тем, что «авторитарное правление больше не соответствует новым условиям жизни, в том числе гибкости и динамизму, необходимым для конкурентоспособности в рамках глобальной электронной экономики. В мире, основанном на активном обмене информацией, жёсткая власть теряет свою силу» [2.3, с. 86].

Однако информационные технологии могут быть использованы и широко применяются в пропагандистских целях. Это относится прежде всего к авторитетным международным и государственным СМИ, обеспечивающим одностороннюю трансляцию информации неограниченному кругу пользователей. Будучи подконтрольными государственным или частным влиятельным структурам, они служат распространению односторонней официальной тенденциозной оценки событий, без возможности их общественного обсуждения и диалога. Так, словами Э. Гидденса, «телевидение и другие СМИ уничтожают само публичное пространство для диалога» [2.3, с. 92]. Эта проблема стоит особо остро в обществе, где свобода слова не обеспечена законами и не контролируется общественными институтами. Существуют также примеры, когда

благодаря глобализации мирового информационного пространства авторитетные международные СМИ, особенно новостные теле- и радиоканалы, интернет-гиганты, служат инструментом политического и экономического давления в рамках межнациональной, межгосударственной политической и экономической конкуренции, обслуживают интересы крупных держав или транснациональных корпораций. Данное обстоятельство часто используется как повод для обоснованной критики процессов глобализации информационного пространства.

Таким образом, можно выделить два направления глобализации в информационном секторе: расширение сферы влияния крупных компаний и СМИ и развитие международных дискуссионных площадок на базе социальных площадок и сервисов в сети Интернет. Если первый тип не способствует совершенствованию гражданского общества и формированию наднационального послеполитического мира, часто служит целям международного давления, протекционизма, незаконной слежки и вмешательства, то второй тип выступает инструментом народной глобализации путём включения людей в свободный равноправный диалог, выражением народной дипломатии без предрассудков и границ.

В связи с этим как никогда насущной является задача законодательно гарантировать на международном уровне естественное право людей на свободное участие в глобальном диалоге и обмене информацией посредством электронных сервисов и технологий. В отсутствие таких международно-правовых норм некоторыми государствами принимаются законодательные акты, направленные на ущемление прав человека в области свободного информационного обмена и доступа к сервисам и технологиям. Надо признать, что зачастую такие усилия нельзя назвать успешными в силу неподконтрольности данной глобализованной сферы отдельным государствам.

Передовым можно считать законодательство Финляндии, согласно которому каждому гражданину с июля 2010 года гарантируется скоростное подключение к сети Интернет. Такое под-

ключение в силу закона отнесено не к возможностям, а к правам гражданина Финляндии. Согласно опросам, четыре из пяти человек во всём мире сегодня считают, что доступ к Мировой паутине является фундаментальным правом [2.4].

Видится возможной и актуальной постановка вопроса о дополнении Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями о гарантиях естественного права человека на свободный доступ к интернету и обмен информацией в данной сети. Более того, защита информационных прав и свобод человека на доступ в интернет и свободное пользование им заслуживает отдельных международных актов на уровне ЕС.

Докладом Генеральной Ассамблеи ООН от 16 мая 2011 года № A/HRC/17/27 «право на доступ в интернет признаётся неотъемлемым правом человека. Таким образом, намеренное лишение людей в различных регионах мира возможности выйти в сеть Интернет отныне является нарушением прав человека» [2.5]. В докладе также говорится о том, что «интернет имеет значительный потенциал и множество преимуществ, которые заключаются в том, что информация между пользователями распространяется с высокой скоростью, являясь при этом общедоступной, что вызывает страх многих правительств. Интернет является одним из способов объединения людей и борьбы за справедливость, считают авторы документа. Также подчёркивается, что обеспечение населения доступом в интернет должно являться одним из приоритетных направлений развития любого государства» [2.5].

Среди различных возрастных групп по всему миру с каждым годом увеличивается число людей, использующих интернет для свободного обмена информацией. Так, по данным агентства GfK, в России (стране со средними мировыми показателями информатизации) в 2019 году в категории 65 лет и старше количество пользователей сети составило 36%, 50–64 – 66%, 40–49 – до 89%, 30–39 – до 94%, в категории 20–29 лет этот показатель находится на уровне 97%, а среди подростков (16–19 лет) проникновение интернета достигло 100% [2.6]. Таким образом, в ближайшее время

по мере смены поколений свободный доступ к сети станет неотъемлемой частью жизни каждого жителя планеты.

Исходя из высказанной Генеральной Ассамблеей ООН позиции, попытки отдельных политиков или национальных правительств ограничить свободный демократический диалог в сети Интернет должны рассматриваться как покушение на права человека, гражданского общества и собственно – демократию. Полагаем, что в этих случаях можно вести речь о противодействии глобализации, право на участие в которой должно быть признано естественным и неотъемлемым правом личности и также требует международной правовой защиты. Поскольку глобализация связана с развитием технологий, то противодействие этому процессу неизбежно является «кражей будущего», вынуждающей последующие поколения ускоренно догонять упущенное.

Ежегодно неправительственная организация Freedom House публикует результаты исследования Freedom on the Net, посвящённого свободе интернета в разных государствах мира. Данной организацией используется градация по степени свободы доступа к сети на страны свободного интернета, относительно свободного интернета, несвободного интернета. В отчёте за 2019 год эксперты выразили обеспокоенность действиями правительств ряда стран, которые всё чаще стали использовать Мировую паутину и социальные сети для того, чтобы следить за своими гражданами, контролировать их онлайновое поведение и манипулировать результатами выборов. Среди типичных нарушений свободы Freedom House назвала следующие:

– препятствия для доступа (Obstacles to Access) – инфраструктурные и экономические барьеры для доступа к интернету, государственный контроль над операторами связи, провайдерами, органами саморегулирования интернета и пр.;

– ограничения распространения контента (Limits on Content) – законодательное регулирование интернет-контента, системы фильтрации и блокировки, механизмы самоцензуры, ограничение

разнообразия средств массовой информации в сети и использования цифровых инструментов для гражданской активности;

– нарушения прав пользователей (Violations of User Rights) – массовая слежка, нарушения конфиденциальности и преследование пользователей за выраженные в интернете мнения (тюремное заключение, насилие в отношении блогеров, кибератаки и пр.) [2.7].

Строительство открытого информационного общества, как и глобализация, – это не вариант возможного развития, а осознание вектора многовекового движения человечества, осознание обществом реальности, требующее своевременной правовой регламентации. В то время как изоляционизм – продукт мифотворчества, уход от объективной реальности как таковой.

Под изоляционизмом (от фр. isolation – отделение, разобщение) понимается «тип политического поведения, направленный на ограничение связей и отношений с другими субъектами» [2.8]. В фокусе процессов глобализации причинами изоляционизма на национальном уровне могут выступать как желание политической или экономической элиты законсервировать существующую в стране модель, сохранить влияние или рынки, так и намеренное сдерживание крупными игроками потенциальных сильных игроков путём их принудительной политической либо экономической изоляции. Интерес к вынужденной изоляции национальных рынков может быть продиктован желанием заинтересованных групп сохранить искусственные непрозрачные, теневые зоны для получения или размещения нелегальных доходов.

Это ещё один минус глобализации в интернациональном формате, которого лишены массовая народная глобализация и порождаемая ею глобальная революция. Предпосылками и признаками позитивной народной глобализации можно назвать свободный информационный обмен, равный открытый диалог, развитие гражданского общества, рост демократии, взаимотерпимости, укрепление мира и взаимопонимания между народами.

В современных условиях молодёжь справедливо рассматривает традиционную политику как корыстную деятельность самих политиков. Классический парламентаризм, представительная демократия более недостаточны для учёта мнений граждан, нужна прямая электронная демократия, учитывающая интересы «заинтересованных групп» избирателей. Такая практика станет подлинным возрождением общинного духа, продолжением традиций народных сходов и советов на новом витке развития человечества, знаменующим возврат власти от элит к самому обществу.

Не вызывает сомнения, что «в детрадиционализирующемся мире политики для оправдания своей деятельности уже не могут полагаться на прежние формы – помпезные и торжественные церемонии» [2.3, с. 87]. Однако со стороны правящих кланов, политических элит в отдельных государствах можно наблюдать усиление организованного противодействия осознанию обществом нарастающих процессов глобализации. Речь идёт именно о сознательной подмене повестки, мистификации, реально не противостоящей процессу глобализации, а лишь направленной на отвлечение от него общественного сознания. Возникает феномен «ритуального» государства, в котором утрачиваемые в связи с выходом из-под государственного контроля отдельных сфер жизни общества регуляторные полномочия государства в этих сферах замещаются демонстративной деятельностью госаппарата, носящей показной, ритуальный характер. При этом необходимость существования тех или иных властных структур обосновывается необходимостью совершения ими таких «ритуалов и церемоний».

Нежелание политических структур включаться в процесс глобального взаимодействия на наднациональном уровне, очевидная слабость и недееспособность политической системы подаются обществу как результат внешних заговоров и угроз. Это выражается в идеологии фундаментализма, который метко определён Э. Гидденсом как «традиции в осаде» или «традиции, которые отстаиваются традиционным способом – ссылками на ритуальную истину – в условиях глобализующегося мира, требующего

разумных обоснований». Фундаментализм не имеет ничего общего с контекстом убеждений, религиозных или атеистических. Главное здесь «то, каким образом истинность этих убеждений отстаивается и утверждается» [2.3, с. 65, 66]. Фундаментализм категоричен и непримирим, «это отказ от диалога в мире, где спокойствие и будущее именно от диалога и зависят. Фундаментализм – дитя глобализации. Он одновременно является реакцией на неё и методом её эксплуатации» [2.3, с. 66]. В отличие от демократического диалога, логики убеждения и взаимоуважения, фундаментализм – требование категорического следования ритуальной традиции, обеспечиваемое нетерпимостью и насилием по отношению к любому от неё отступлению.

Фундаментализм часто маскируется под традиционализм, под которым понимается опора на выраженную в традиции историческую мудрость и опыт. Традиционализм предполагает осмысление нового через призму сложившихся традиций, он открыт к социальным новациям, облекая их в традиционные формы, выражает готовность разделять свои традиции с партнёрами и уважать традиции других. Традиционализм характерен для стран с азиатской культурой. Особое восточно-традиционалистское понятие традиционалистического ритуала можно встретить в трудах Конфуция, который рассматривал его как способ общения с расчётом на взаимность. Ритуал у Конфуция – культурная традиция – средство профилактики разного рода коллизий и осложнений в общении, чья функция была средством адаптации к «внешней среде» на личностном и социальном уровнях. Конфуцианский традиционный ритуал – способ выстраивания позитивных отношений, адаптации к новому и общения с внешним миром [2.9, с. 51–56].

Грань между традиционализмом и фундаментализмом в категоричности, непримиримости и враждебности последнего к иным традициям и новым практикам.

Исторически ритуализация власти как подмена её эффективности чётко проявлялась при распаде империй. В период раннего Средневековья, после краха Римской империи, само

существование государств в глобализованном европейском обществе поддерживалось исключительно за счёт коллективных ритуалов. Власть суверенов на том этапе не была чётко оформлена ни законодательно, ни территориально. Единственным её проявлением было право на совершение публичных ритуалов, которые и воспринимались обществом как проявление власти, в то время как реальное регулирование общественных отношений осуществлялось на местах, на уровне самоорганизации профессиональных сообществ (гильдий, палат), а также семейно-традиционным и общинным способом. «В средневековом обществе власть дисперсна: она актуализируется и ощущается подвластными непосредственно отнюдь не часто. Например, герцоги и графы, фактические хозяева обширных территорий и обладатели большой власти, собирались по большим церковным праздникам к королевскому двору. И именно при таких встречах подданные могли увидеть, притом многие впервые, как «выглядит» их королевство: оно не абстрактно, а персонифицировано и предстаёт взорам как совокупность людей, которые обладают определённым статусом, находящим внешнее выражение в облачениях, знаках власти, пространственном расположении тех или иных фигур и т. п. Королевство тем самым «прочитывалось» присутствовавшими в ходе определённого ритуала, разворачивавшегося у них на глазах», – говорит историк М. Бойцов в статье «Ритуалы – это и есть власть» [2.10].

Феномен «ритуального» государства в данный период был характерен и для «наследника» Рима – Византии, теряющей экономическое и политическое влияние, замещаемое бюрократизацией и ритуализацией государственных функций, о чём красноречиво повествует византийская книга «О церемониях византийского двора», составленная для императора Константина VII Багрянородного (913–959 гг. н. э.), которая «подробнейшим образом описывает придворные ритуалы, часто с поминутной детализацией, с точки зрения распорядителей двора, описывая, как они должны проводить их, бывшая пособием, содержащим консультации и указания для византийских чиновников и придворных» [2.11].

В условиях упадка Византии это было замещение государственной деятельности бюрократическими ритуалами. Для Европы это был постимперский период, когда государствам нового типа ещё только предстояло организоваться.

Характерная ритуализация прослеживалась и в позднем императорском Риме, в «эпоху бездарных цезарей», безуспешно подражавших Юлию и Августу, опиравшихся не на волю и мнение общества, а на фундаментализм, террор и бесконечные ритуалы.

По мнению социологов, ритуал в современном понимании представляет собой «выработанный обычаем или установлением порядок совершения чего-либо, церемониал» [2.12, с. 5]. Ритуалы, согласно исследованиям французского социолога Э. Дюркгейма, характеризуются коллективизмом их исполнения и направлены на выделение и сплочение группы их участников. Так, «следствием постоянного и систематического исполнения ритуалов становится постепенная выработка социальной категории причинности, отличающейся от природной (естественно-научной) причинности; различие в том, что в случае ритуала не виден результат изменения» [2.12, с. 9]. Э. Дюркгейм выделяет следующие основные виды ритуалов по направленности: отрицательные, представляющие собой систему запретов, и положительные, цель которых – приблизить человека к миру священного. По типу совершаемых действий он выделял ритуалы имитационные – инсценировочные действия и коммеморативные, воспроизводящие события почитаемого прошлого [2.12, с. 12].

Таким образом, в общих чертах ритуализацию сознания можно охарактеризовать как сознательный коллективный уход от реальности, где процесс воздействия на изменяющуюся социальную среду подменяется формальными действами, эффективность которых не является значимым критерием для их участников. Единственным результатом, с точки зрения участников ритуалов, выступают сплочение их группы и групповой отказ от осознанного взаимодействия с реальностью. Это тот самый случай, когда для участников важен не результат, а процесс.

Характерной и многообъясняющей чертой ритуализации является выделение из социальной группы участников ритуалов особых лидеров-жрецов, на долю которых выпадает роль «хранителей традиций… избранных толкователей, приобретающих светскую и духовную власть» [2.3, с. 65]. Следовательно, сколько бы ни было игроков в ритуале, выигрывает тот, кто им руководит. По мере развития общественных ритуалов число «жрецов» и «служителей» – бюрократов – резко возрастает, формируются их общественные слои. Бюрократизация как форма ритуализации на протяжении своей истории – верный спутник деградации государств, противопоставить которому можно централизацию полномочий на наднациональном уровне или возврат их зрелому гражданскому обществу, что и предполагают процессы глобализации.

Собственно бюрократия – это и есть псевдоуправленческий ритуал. Исходя из этого, дебюрократизация – это и есть деритуализация.

Подобным образом ритуализация государственных функций влияет и на правотворчество, формируя ритуальное право наподобие поздневизантийского, когда органами власти издаются множественные законодательные и иные нормативные акты, направленные не на фактическое регулирование общественных отношений, а на бесконечную регламентацию действий чиновничьего аппарата, выстраивание его иерархии, установление всякого рода празднований, почитаний или запретов. При принятии данных норм не производится необходимая оценка их реального регулирующего воздействия на актуальные правоотношения в обществе, критерии и обязательность которой хорошо было бы закрепить в международно-правовых нормах.

Глобализация, в свою очередь, требует освобождения от ритуалов, различных для каждого из обществ и государств, высвобождения, очищения от ритуальной маскировки смысла целей и понятий, однородных и общих для всего человечества.

Существенными особенностями ритуализированного сознания являются подчёркнутая отчуждённость от фактов реально-

сти и непримиримая враждебность ко всему, что не согласуется с ритуальной логикой, задаваемой организаторами ритуалов. Эти обстоятельства делают ритуализацию общественного сознания первейшим орудием фундаментализма в деле манипуляции обществом.

Благодаря ритуализации общественного сознания происходит отказ от описанного М. Вебером модернистского научного «расколдовывания» (демистификации, интеллектуализации) действительности, шедшего со времён античности [2.13], и вновь возникает новая «непрозрачность», мистификация сознания, погружающая современное общество в постмодерн.

Описывая эту загадку, Ю. Хабермас в работе «Философский дискурс о модерне» не без основания называет модернизм «незавершённым проектом XX столетия», удивляясь его внезапно прерванному полёту [2.14, с. 7].

Российская наука вслед за мыслителем А. Панариным искала объяснение современному постмодернизму в процессах глобализации и «утрате национальной идентичности атомизируемым обществом» [2.15, с. 91].

В свете изложенного есть основания предполагать, что истоки современного постмодернизма, точнее сказать, отступления от модерна, кроются именно в феномене «ритуального» государства, базирующегося на фундаменталистских идеях и мистификациях, заслоняющих от личности реальность и её перспективы. Характерной чертой постмодерна «ритуального» государства является отказ от будущего, коллективная ритуальная коммеморация взамен идей о едином прогрессивном будущем. Глобализация, напротив, рассматривается идеологами модерна как средство для созидания общего будущего человечества.

В процессе ритуализации общественного сознания и формирования «ритуального» государства нелёгкой выглядит участь церкви и религии, испытывающих серьёзное давление со стороны политиков и органов управления, которые неизбежно пытаются подменить их собой (или поглотить, «огосударствить»), вернее,

вытеснить подлинные Веру и Религию, подменив их псевдодуховной официальной идеологией. В этом духовном суррогате, эрзаце религии, предметом поклонения становятся «гуру» и «жрецы», а предметом исповедания – государственная идеология. Духовная открытость подлинной Веры заменяется на оскалившуюся замкнутость тоталитарной секты. Ярким примером этого могут служить те же «бездарные цезари» позднего императорского Рима, провозглашавшие самих себя богами, ослабление и раздробление церкви в поздний период средневековой Европы, гонения на верующих в революционной России, квазиязычество национал-социалистов гитлеровской Германии.

В конституциях и законодательстве многих стран присутствуют нормы, направленные на гарантии светского характера государства, но сегодня необходимы и международно-правовые гарантии для религиозных организаций от давления и присвоения их функций самим государством, что можно назвать огосударствлением церкви.

Так, христианской церковью Европы пройден «крестный» путь от источника праведной власти, который наделял полновластием над народами по праву «наместника Сына Бога, Иисуса Христа» (Vicarius Filii Dei, Vicarius Christi) средневековых правителей – суверенов, до фактического инструмента госпропаганды в нацистской Германии и насильственно отстранённого от управления обществом института в современной Европе.

Отказ от фундаментализма, «ритуального» государства и навязываемой идеологии является залогом возврата общества к истинной Вере, подлинного возвращения обществу религиозной духовности.

Пагубную роль в ритуализации общественного сознания играют массмедиа, которые тоже подвержены процессам глобализации. Немецкий исследователь Н. Луман описывает это так: «Глобализация системы медиа ведёт к всеохватному характеру распространения информации: масштаб и быстрота сообщения приводят к созданию ощущения, что буквально в следующую секунду

она уже известна всем» [2.12, с. 29]. Основной характеристикой вещательных СМИ является однонаправленный – от источника к получателю, линейный характер процесса передачи информации, в отличие от социальных сетей, без возможности отклика и общественного обсуждения. Таким образом, группы влияния («жрецы») используют вещательные СМИ для вовлечения в ритуалы масс потребителей их контента, превращая саму передачу и коллективное одностороннее восприятие (зачастую некритическое) данного контента в «медиаритуал».

Поскольку общественный контроль за медиагигантами весьма сложен и дорог для общества, нужно законодательно ограничивать их влияние на аудиторию путём демонополизации и либерализации медиапространства, введения квот на вещание на международном законодательном уровне. Сегодня остро стоит проблема злоупотреблений в информационной сфере интернет-гигантов, бесконтрольно собирающих и использующих данные граждан и компаний в интересах национальных правительств и международного бизнеса. Правовое регулирование данных вопросов возможно исключительно на международном уровне.

Фундаментализм использует ритуализацию, «заколдовывание» реальности при помощи «медиаритуалов» как эрзац-религию для растерянных умов, столкнувшихся со сложностями глобализующегося мира, отгораживая их от реальности, погружая в «омут» постмодернизма, заслоняя от них подлинную действительность и истинную духовность.

Парадокс заключается в том, что фундаментализм, как и всё иное, активно использует плоды глобальных информационных технологий, словами Э. Гидденса: «одновременно является реакцией на глобализацию и методом её эксплуатации, благодаря современным технологиям, мировым СМИ, обретает мировой, глобальный масштаб» [2.3, с. 66]. Этим объясняется непримиримая атака фундаменталистов всех мастей на право граждан участвовать в свободном глобальном информационном диалоге в сети.

Именно с развитием интернета и социальных сетей как глобальной дискуссионной среды, площадки подлинной народной дипломатии, саморегулируемой на основе принципов демократии и толерантности системы, связан новый, народный тип глобализации, направленный на формирование независимых наднациональных объединений, саморегулируемых общественных структур единого послеполитического мира. Это и есть подлинное возрождение модерна в его глобальном мировом масштабе, глобальная революция.

На противоположном полюсе этих процессов находится иной тип глобализации, когда крупные национальные или интернациональные группы борются за расширение влияния путём ритуализации общества, отчуждения его от реальности, навязывания ему идеологии фундаментализма или изоляционизма. Это путь усиления политической борьбы, невозможной без разрушения, подавления и насилия. Именно с ним связаны крен общества к бездуховности, современному постмодерну, отказу от идеи покорения будущего, погружение в пучину современной магии, эрзац-религии, медиаритуалов и бюрократического произвола.

Надежда, как всегда, устремлена в будущее, к тем, кому оно по праву принадлежит, – к молодёжи, которая подсознательно выбирает демократичные формы глобализации, активно используя возможности интернета, участвует в глобальной революции, изменяющей личность и общество на современном этапе. Тогда как в ловушки фундаментализма и изоляционизма «ритуального» государства попадают люди старших поколений, очарованные СМИ и не сумевшие освоить новые технологии информационного обмена.

Таким образом, залогом формирования нового наднационального послеполитического будущего является единая и свободная информационно-коммуникационная среда, основанная на доступе к сети Интернет. Создаваемый в рамках данной среды свободный информационный обмен и коммуникация способствуют развитию гражданского общества и демократии, торжеству справедливости, укрепляют мир между народами.

Несмотря на экспоненциальный рост данных процессов, права их участников на свободный доступ к информационно-коммуникационной среде, на объединение усилий на наднациональном уровне требуют международных гарантий и законодательных механизмов защиты от глобальных информационных манипуляций и ритуализации сознания, насаждаемых преследующими корыстные цели международными группами влияния, фундаменталистами и «захваченными» ими «ритуальными» государствами.

Следствием отказа общества от псевдоуправленческих ритуалов станет не только крах фундаментализма и бюрократии, но и выработка, очищение единых глобальных смыслов, которые будет использовать человечество при глобальном взаимодействии, в том числе с участием искусственного интеллекта.

Залогом формирования единого послеполитического будущего, подлинной народной глобализации, возвращения к проекту модерна и истинным духовным ценностям на новом наднациональном уровне являются защита прав человека на свободный доступ и обмен информацией, запрет на подмену религиозной морали и духовности порождаемыми бюрократией и группами влияния идеологическими эрзацами. Ведущая роль в этом процессе должна принадлежать международному и, в идеале, мировому (глобальному) праву, нормам, принимаемым всеми в разрезе каждого.

Таким образом, на современном этапе необходимы срочная разработка и принятие норм международного права: о дополнении европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями о гарантиях естественного права человека на свободный доступ к сети Интернет и обмен информацией в ней; о международной конвенции о правах и статусе наднациональных объединений активистов; о международном кодексе об обмене и использовании информации (информационном кодексе); о единых механизмах защиты прав человека на свободный обмен информацией от незаконного ограничения государственными органами (международном суде по защите прав в сфере информационного обмена).

ГЛАВА III.
ПРАВО НАРОДОВ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО (перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации)

В Главе III представлен анализ перспективных направлений эволюции права и государства как общественных институтов в условиях глобализации. Особо рассматривается влияние на право и государство глобализации человеческого общества, объединяемого средствами электронной коммуникации на базе социальных сервисов и дискуссионных площадок в сети Интернет, обозначенной как социомедийная глобализация.

На основе идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса предлагается концепция глобального частичного транзита суверенитета от населения национальных государств к формируемому глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных и судебных полномочий, формирования высшего уровня глобального права («права народов», «основных норм») и глобального правосудия. При этом национальное законодательство предлагается привести в соответствие с нормами глобального права, «права народов».

За существующими государствами предлагается сохранить право нормотворчества, правоприменения и судопроизводства на национальном уровне в соответствии с положениями глобального права, признанными государствами. Такая «вертикальная» модель сдержек и противовесов между глобализованной законодательной и распределённой исполнительной властью в будущем обеспечит реализацию суверенитета глобального общества (глобального суверенитета), позволит защитить национальные интересы отдельных народов, создаст надёжные механизмы противодействия узурпации. Отмечается, что упразднение национальных государств, предлагаемое многими идеологами глобализма, откроет путь к формированию глобального сверхгосударства, безразличного к интересам отдельных народов, и создаст

предпосылки для глобальной узурпации власти и планетарной диктатуры.

Реализация предлагаемой модели являет окончательное воплощение принципа «верховенства (господства) права» и установление единого нравственного закона для человечества и создаваемого им искусственного интеллекта.

В данной Главе III анализируется генезис форм общественно-политической активности в условиях формирования глобального общества, рассматриваются возможные механизмы реализации прав населения на участие в глобальном самоуправлении, описываются принципы деритуализации, дебюрократизации и демократизации социального управления.

В условиях глобализации многих отраслей общественной жизни современные государства переживают кризис утраты полномочий. Они неизбежно утрачивают возможность регулирования глобализуемых отраслей на национальном уровне. Это приводит к утрате государствами своих регуляторных полномочий в данных отраслях. Развитые демократические государства объединяют усилия, делегируя часть своего суверенитета создаваемым ими наднациональным структурам, которые централизуют в своих руках регулирование глобальных отраслей современной жизни общества: экономики, финансов, информационного обмена, культуры и образования.

Сам процесс глобализации идёт по двум параллельным направлениям: «интернациональная» глобализация – объединение усилий государств и правительств для регулирования глобальных вопросов; и «народная» глобализация – «формирование единого сообщества людей на базе информационных и дискуссионных площадок в сети Интернет за счёт расширения коммуникативного пространства» [3.1], которую можно также назвать социомедийной глобализацией. Данный вид народной (социомедийной) глобализации получил своё развитие в начале XXI века наряду с финансово-экономической глобализацией и интернациональной

глобализацией правительств существующих государств (международные объединения и союзы государств).

Объединённое на основе информационно-коммуникационных технологий общество приобретает принципиально новое качество субъектности в политической сфере через самостоятельное определение и решение вопросов, затрагивающих его права и интересы. В процессе глобализации происходит установление информационного взаимодействия и диалога между всеми членами общества и разрушение государственной монополии на информацию. Словами Ю. Хабермаса, «расширяется коммуникативное пространство», в котором участники начинают одинаково реагировать на одни и те же события [3.2, с. 19]. Общество становится связанным и информированным, перестаёт нуждаться в представителях – политиках, часто коррумпированных, обслуживающих интересы финансово-экономических кланов, и в управленческой бюрократии (рудимент госуправления), преследующих личные цели. Происходит неизбежное укрепление и развитие народной дипломатии в рамках социомедийной глобализации, формирование глобального общества и установления им своих глобальных «правил игры».

Несостоятельные и захваченные группами влияния государства подменяют утрачиваемые ими полномочия показной, ритуальной деятельностью бюрократических структур, насаждают идеологию фундаментализма и изоляционизма. Возникает феномен «ритуального» государства. Особенностью «ритуального» государства является целенаправленное ограничение государственными структурами прав граждан на участие в глобальном информационном обмене и свободном выражении мнения в сети Интернет путём ограничения доступа к самой сети либо преследования за свободу выражения мнений в ней. Это делается с целью оторвать граждан от неизбежного процесса народной (социомедийной) глобализации – образования качественно нового целостного мирового общества на основе расширения коммуникативного пространства, связанного информационным обменом и диалогом в социомедийном пространстве сети Интернет.

Стремление общества к народной глобализации и глобальному самоуправлению наряду со способностью к глобальному протесту являются составляющими глобальной революции. Под данным термином можно понимать: «рост самосознания глобализованного общества в стремлении к самостоятельному решению жизненно важных глобальных вопросов и защите прав и свобод человека, в том числе на свободное участие в глобальном обмене информацией» [3.3].

Глобальная революция ставит общество на путь защиты своих прав от посягательств со стороны правительств и политических режимов как отдельных «ритуальных» государств, так и международных политических, финансовых и экономических групп, преследующих интересы, противоположные запросам глобального общества, препятствующих его формированию и развитию.

Главным противником развития глобального общества являются глобализованные политико-экономические группы, стремящиеся навязать обществу свои корыстные или преступные интересы в глобальном масштабе – установить свой глобальный миропорядок, основанный на подавлении, пропаганде и тотальном контроле над обществом. Инструментарием установления такого миропорядка выступают подконтрольные им СМИ, интернет-гиганты и используемые ими технологии контроля за личностью с использованием информационно-коммуникационных технологий («цифровой концлагерь»). Проводниками такого «нового миропорядка» нередко выступают политические режимы захваченных ими национальных «ритуальных» государств, рассматривая это как средство сохранения своих властных и экономических привилегий путём встраивания своих государств в такой «новый миропорядок» [3.3].

В противостоянии сторонников открытой и «теневой» глобализации происходит трансформация государства и права как основных социальных институтов современности.

Прогноз дальнейшего развития этих основополагающих институтов современного общества является в последние годы

центральным вопросом исследования правоведов, социологов, философов и политологов нашего времени. Так как полученный ответ определит своеобразные «контуры будущего» нашей цивилизации.

В 2019 году на основе широкого анализа работ классиков европейской мысли и ведущих европейских учёных IXX и XX веков британский исследователь Боб Джессоп опубликовал монографию «Государство: прошлое, настоящее и будущее» [3.4]. В данной работе он выделяет основные признаки государства через «трёхэлементный подход континентальной европейской традиции – конституционной, юридической и теории государства» к определению понятия государства посредством трёх его обязательных элементов.

Это:

– «(1) политически организованный репрессивный, административный и символический аппарат, наделённый и общими, и специфическими полномочиями (государственная власть, государственный аппарат, государственный суверенитет);

– (2) чётко ограниченная основная территория, находящаяся под более или менее бесспорным и постоянным контролем государственного аппарата (государственная территория);

– (3) постоянное или стабильное население, для которого политическая власть и решения государства (государственного аппарата) являются обязывающими» [3.4, с. 72].

Сам институт государства, определяемый через обладающий правом насилия аппарат, по своему происхождению связанный с защитой территории и межнациональной конкуренцией, в своём развитии проходит следующие условные этапы:

– «оборонительные государства» – ранние государства племён или народов, создававшие наделённый правом насилия государственный аппарат, способный в случае необходимости организовать противодействие внешним или внутренним угрозам путём мобилизации ресурсов и населения;

– «экспансионистские государства» – государства народов или наций, обладающие регулярной военной и полицейской силой, направленной на захват территорий и ресурсов других государств и обеспечение на захваченных территориях своего постоянного господства;

– «охранительные государства» – государства, обладающие регулярной военной и полицейской силой, используемой для обеспечения управления на его территории, для защиты данной территории от внешних посягательств и сохранения существующего порядка управления.

По способу реагирования на вызовы глобализации, современные государства можно подразделить на:

– «глобализуемые государства» – государства, активно делегирующие часть своего суверенитета наднациональным структурам управления, участвующие в создании и деятельности таких структур;

– «ритуальные государства» – государства, замыкающиеся в своём развитии и маскирующие утрату в связи с глобализацией своих управленческих полномочий бюрократическими ритуалами и церемониями.

Предложенное Б. Джессопом трёхэлементное определение государства не случайно не включает в себя сформулированный Карлом Шмиттом на основе взглядов Т. Гоббса и Ж. Бодена признак «государственного суверенитета» – обладания государства (его аппарата) всей полнотой власти на своей территории и независимостью в принятии решений, абсолютной свободой действий и неподчинённостью, и неподзаконностью во внутренней и внешней политике [3.5].

Размышляя о суверенитете, Ж. Боден имел в виду абсолютную власть монарха, исходящую от Бога, а К. Шмитт понимал под термином «суверен» того, «кто принимает решение о чрезвычайном положении», кто приостанавливает или отменяет действие законов [3.4, с. 75].

С такой категоричной характеристикой государственной власти трудно согласиться хотя бы потому, что не всё в мире и обществе регулируется писанным правом или законом. Это изначально признавал Ж. Боден, исключая из суверенитета вопросы религии, морали и семейных отношений, в своём труде «Шесть книг о государстве» [3.6]. Кроме того, исторически объём независимости правителей не всегда был абсолютным. В Средневековье это были полномочия, соответствующие месту правителя в феодальной иерархии, а абсолютным «сувереном» признавался только глава Римской Католической церкви.

Взгляды Ж. Бодена о неограниченной воле суверена отражали идеальное видение государства абсолютными монархами после заключения Вестфальского мира в Европе 1648 года. По его мнению: «суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства над гражданами и подданными, не связанная никакими законами» [3.6]. Эта абсолютистская концепция нашла своё концентрированное выражение в словах французского монарха Людовика XIV, заявившего в 1655 году парламенту Франции: «Государство – это я» [3.7].

Разумеется, взгляды Ж. Бодена, также в своё время известного обоснованием преследований ведьм, об «абсолютном суверенитете», а тем более К. Шмитта с его теорией «децизионизма» (от лат. – «решимость», примата воли правителя над законом и обществом), пришлись по душе тиранам и диктаторам различного толка от А. Гитлера до современных диктатур третьего мира, как оправдание произвола и насилия, возводимого государственной машиной в закон. В такой трактовке суверенитет из народной воли, реализующей закон, превращается в своеволие правителя, грозящее перерасти в произвол – внутренний террор или внешнюю агрессию – войну.

Следует согласиться с классическим европейским подходом Б. Джессопа о более точном определении государства, основанном на положениях научного труда Ганса Кельзена «Чистое учение о праве» [3.8], основанном на развитии философских идей

И. Канта. Определяющими элементами государства Г. Кельзен называет: население, территорию и государственную власть. Под государственной властью он также предлагает понимать «принудительный порядок, причём централизованный принудительный порядок с ограниченной территориальной сферой действия» [3.8, с. 72]. Саму суть государства он сводит к возникновению легального порядка принуждения к исполнению правовых норм, к легализованному аппарату такого принуждения. «Поскольку правопорядок есть принудительный (в указанном смысле) порядок, то его можно описать с помощью предложений, согласно которым при определённых (т.е. определённых правопорядком) условиях должны быть осуществлены определённые (т.е. определённые правопорядком) акты принуждения», – говорит он [3.8, с. 77].

Таким образом, в понимании Г. Кельзена, государство – принудительный механизм обеспечения правомерного поведения, из права исходящий и им же определяемый, от него неотделимый.

Исходя из этого раскрывается и смысл суверенитета – как реализации воли народа, принимающего законы и им же следующего (согласно модели народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескьё).

Следовательно, государство как общественный институт неотделимо от права и основывается на нём.

Ещё И. Кант предрекал единство мирового права, формирующегося из актов международного торгового права, межгосударственных договоров и соглашений и актов единого человеческого сообщества, уже сегодня объединённого социомедийной глобализацией, в работе «К вечному миру», говоря, что: «Правовое устройство в отношении лиц, к нему причастных, таково:

1) устройство по праву государственного гражданства людей в составе народа (ius civitatis);

2) устройство по международному праву государств в их отношении друг к другу (ius gentium);

3) устройство по праву всемирного гражданства (ius cosmopoliticum), поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимовлияющих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства». [3.9, с. 9].

Развивая данные положения, Г. Кельзен предлагает идею иерархии права в национальной системе, где низшие нормы вытекают из высших.

Высшая ступень – это конституция, которая черпает свою обязательность непосредственно в «основной норме».

Следующая ступень в иерархии норм – законы и общие нормы. Они устанавливаются в указах, распоряжениях или обычаях.

Низшая ступень – это индивидуальные нормы, судебные и административные нормы для решения дел.

При этом источник права – «основную норму», он видит в высшей надстройке – международном праве, по отношению к которому национальное право – совокупность государственных правопорядков под эгидой международного права. «Государственный правопорядок может пониматься как делегированный международным правом и подчинённый ему; тогда государственное право оказывается частичным правопорядком, включённым в универсальный мировой правопорядок. Существование нескольких государственных правопорядков в пространстве и во времени оказывается возможным лишь благодаря международному праву. Это означает примат международного права», – писал он [3.8, с. 407–408].

Исходя из этого, закономерный генезис права Г. Кельзен видит в установлении мирового правопорядка на основе добровольного подчинения государств органам международной юрисдикции. Анализируя диалектику развития института права, он отмечает: «Пропорционально степени, в которой международное право вторгается в те вопросы, которые до этого нормировались только правопорядком отдельного государства, должна усилится тенденция международного права к прямым обязыванию и управомочи-

ванию индивидов. В той степени, в которой развивается данная тенденция, индивидуальная ответственность за виновное поведение должна прийти на смену коллективной ответственности за невиновное поведение. Одновременно должно продолжиться заметное сегодня только в рамках партикулярных международно-правовых сообществ образование центральных органов для создания и реализации правовых норм. Как и в процессе развития государственного правопорядка, здесь централизация сначала распространяется на судоговорение и затем ведёт к образованию международной юстиции. Единство международного и государственного права, всё описанное здесь развитие юридической техники в итоге обнаруживает тенденцию к стиранию пограничной линии между международным правом и государственным правопорядком. В этой перспективе в качестве конечной цели реального правового развития, направленного на всё усиливающуюся централизацию, предстаёт организационное единство универсального мирового правового сообщества» [3.8, с. 397]. Признаком верховенства и универсальности международного права Г. Кельзен называет его обязательность на практике по отношению ко всем правоотношениям и государствам, вне зависимости от акта признания ими его норм [3.8, с. 404]. Таким образом, он предлагает: «понять юридическое бытие отдельных государств… лишь как частичные правопорядки, входящие в международное право» [3.8, с. 418].

Под человеческим обществом («всемирным гражданским объединением» [3.9, с. 30] И. Канта) сегодня следует понимать – организованное и объединённое социомедийной глобализацией глобальное общество, возникшее вследствие расширения коммуникативного пространства (о чём говорит Ю. Хабермас). В этом смысле под кантовским «ius cosmopoliticum» просматриваются нормы мирового права, «принимаемые всеми в перспективе каждого» [3.10, с.99].

В современных условиях источником и обладателем суверенитета признаётся народ, население государств, а правительства

связаны в своих решениях сетью международных договоров и обязательств, моралью и традициями общества.

Предложенная конструкция предполагает, по сути, описание генезиса суверенитета, его дальнейшего транзита от национальных обществ к глобальному обществу по мере его становления и развития.

Таким образом, делегирование государствами на основе воли населения, выраженной им непосредственно или через законодательные органы, права принятия глобальных законов образуемым ими наднациональным законотворческим органам, как и подчинение таким глобальным законам, их главенство над правом национальным, – не упраздняет сами государства, а лишь выводит их на качественно новый уровень развития. При этом суверенитет гарантирован их населению правом участия в глобальном законотворчестве как непосредственно, так и путём избрания представителей в глобальные нормотворческие органы.

Такова сегодня реальность Европейского союза, не умаляющего сущности и суверенитета государств Европы.

Сущность и обязанность органов государств сохраняется в национальном законотворчестве и правоприменении, принуждении на основе права, они обязаны действовать, будучи избираемыми народами, подконтрольными им и подчинёнными закону, на высшей ступени иерархии которого – «высшая норма» (Г. Кельзен), «ius cosmopoliticum» (И. Кант) – право народов, «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Ю. Хабермас) [3.10, с. 99].

В предложенной конструкции сохранение глобализованных национальных государств, неслияние их исполнительной власти в сверхгосударство мирового масштаба, создаёт естественные «вертикальные» сдержки и противовесы от глобальной узурпации, «самого ужасного деспотизма», словами И. Канта [3.11, с. 103]. Так создастся распределённый миропорядок будущего.

Следует полагать, что современный кризис государства как социально-политического института связан прежде всего с недостаточным, затянутым процессом участия в глобализации и де-

легировании полномочий на наднациональный уровень, слишком медленным формированием глобального «права народов».

Отдельной проблемой являются государства, не желающие участвовать в этом закономерном процессе, становящиеся на путь ритуализации своих утрачиваемых полномочий. Теряющие смысл за отсутствием предмета регулирования «ритуальные» органы государств активно деградируют: заменяются структурами так называемого «глубинного государства», представляющего интересы глобализованных финансовых и промышленных групп, силовых и бюрократических содружеств и международной мафии. Термин «глубинное государство» обычно подразумевает сплетение коррумпированных секретных служб, политиков, чиновников, организованной преступности и террористов, а также финансово-промышленных кланов, перехватывающих с использованием легальных и нелегальных механизмов каналы управления государством и обществом. Успех структур «глубинного государства» в ускоренном захвате отдельных государств, собственно, и объясняется их высокой глобализованностью: наличием централизованных перераспределяемых финансовых ресурсов, подпольной кассы. Связанные общими интересами, эти «теневые» игроки активно выстраивают необходимый им «новый мировой порядок», ускоренно сливаясь в «глубинное» теневое сверхгосударство, образуемое сетью коррумпированных исполнительных органов захваченных государств, цель которого – глобальное подавление демократии и прав человека, монополизация власти и информации, и тотальный контроль над обществом. Механизмы этого «нового миропорядка» сегодня активно апробируются на периферии цивилизованного мира в виде азиатской модели «цифрового гетто», «колонизации» киберпространства. Таким «новым мировым порядком» активно насаждаются модели современной автократии, подаваемые обществу, как более эффективные модели управления в кризисных ситуациях, где роль диктаторов исполняют манипулируемые «теневым» сверхгосударством продажные и зависимые политики.

Существующие государства представляют исключительный интерес для захвата подобными теневыми структурами в связи с возможностью применения к обществу от их имени мер принуждения и насилия как внутри государств, так и во внешней политике. Это ведёт к тому, что «многие государства постоянно нарушают требования собственного законодательства – будь то открыто или за завесой государственной тайны, внутри страны или за рубежом, – опираясь на сочетания террора, силы, обмана и коррупции при отправлении власти» – констатирует со ссылкой на работы более 20 признанных учёных мира Б. Джессоп в своей работе «Государство: прошлое, настоящее и будущее» [3.4, ст. 75].

Своеобразным «маркером» этого процесса являются нападки подобных государств на права граждан свободно участвовать в глобальном информационном обмене и свободно выражать своё мнение в сети Интернет, которые требуют срочной международно-правовой защиты на мировом уровне путём дополнения соответствующими нормами Всеобщей декларации прав человека [3.12]. «Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли – единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру», так ещё 1968 году обозначил эту проблему советский учёный и мыслитель А.Д. Сахаров [3.13]. Замещая утрачиваемые полномочия бюрократическими ритуалами, для поддержания своей власти диктатуры прибегают к репрессиям и публичным расправам над оппонентами, которые, освещаемые СМИ, тоже носят характер коллективных медиаритуалов (ритуальный террор).

Под влияние автократических режимов часто попадает и правовая наука. Идеологи абсолютизации роли государства подвергают сомнению базовые ценности современного общества, как: демократия, права человека и принцип «сдержек и противовесов»

в системе разделения властей. Так, одним из известных правоведов постсоветского пространства открыто ставится под сомнение ценность и приемлемость «демократии как формы организации и функционирования государственной власти» [3.14, с. 115], обязанность государства «защищать интересы отдельной личности» [3.14, с. 79], предлагается вручить суверенитет и «главенствующую роль в государственных системах» органам исполнительной власти [3.14, с. 56], он приходит к выводам о неизбежном элитарном характере власти, признавая, однако, при этом «объективную направленность исторического процесса на углубление глобализации» [3.14, с. 8].

Захватившие государства группы влияния активно эксплуатируют теорию элит, противопоставляя её принципам народовластия. Такой подход был отчасти исторически обоснован там и тогда, когда узкий круг причастной к государству элиты обладал монополией на информацию и её распространение. Социомедийная народная глобализация, сделавшая доступ к информации и её обмену подлинным достоянием общества, перечеркнула подобные доводы.

Таким образом, единственной действенной альтернативой глобальной «теневой» диктатуре, аккумулирующей в своих руках новейшие технологии и возможности захваченных ею государств, грозящей привести «к самому ужасному деспотизму» планетарного масштаба [3.11, с. 103], является централизация правотворчества на наднациональном уровне, распространение глобальных законов и контроля за их исполнением на отдельные государства, с сохранением за ними функций законодательства, правоприменения и суда на национальном уровне. Это и есть глобальный транзит суверенитета на наднациональный уровень, его реализация населением государств в виде непосредственного участия в глобальном законотворчестве и избрании представителей в глобальные законодательные органы.

Такая модель положит конец всевластию региональных элит, влиянию финансовых, преступных и бюрократических кланов,

поставив исполнительные органы государств в подчинение нравственному закону и под судебный контроль глобального общества, на этом законе основанный.

Поскольку никакая сила не способна снова разорвать общество на несвязанные фрагменты и вернуть технологии на уровень «безобидных войн» прошлого, альтернатива состоит не в глобализации или её отсутствии, а в вариантах глобализации: открытой – народной, либо «теневой» – преступной.

Британский социолог Стив Фуллер, автор бестселлера «Постправда. Знание как борьба за власть», причиной нарастающей аполитичности молодых поколений называет факт того, что «смысл «политического» постепенно смещается в такие области, которые ставят под сомнение способность государства в принципе действовать эффективно. Это те области человеческой жизни, где государство просто бессильно что-либо сделать» [3.15]. Глобализация размывает классическую национальную политику, вознося решаемые ею задачи на более высокий глобальный уровень.

В условиях глобализации происходит процесс централизации политики, когда она перестаёт носить агрессивный деструктивный местнический характер борьбы между отдельными народами и государствами. Централизация политики снимет противоречие между общими глобальными интересами общества и интересами правящих режимов отдельных государств, международных групп влияния, обслуживаемых профессиональными лоббистами-политиками. Для самих политиков их деятельность сегодня – борьба за самосохранение как привилегированного сообщества, элиты в государствах.

В IXX–XX веках произошёл «перехват» народного суверенитета у органов народного представительства новообразованной финансово-экономической элитой через внедрение в представительные органы профессиональных политиков-лоббистов, фальсификации выборов и окончательное отстранение от управления обществом духовной власти – церкви через модель «светского государства». Сам русскоязычный термин «светское государство» неимоверно

точно определяет характер захвата власти элитами. Это не народное, не духовное государство, в государство «света общества» – элиты. Таким образом, государство с его принудительными властными полномочиями в XX веке окончательно оторвалось от интересов общества и духовных основ и оказалось инструментом в руках глобализованной финансово-экономической элиты, поддерживаемой бюрократическими и мафиозными кланами.

Цели классической политики – захват и сохранение власти над обществом. Это инструмент конкуренции, вырождающийся в дискриминацию и агрессию и, в конечном итоге, в войну между народами, которая, по Карлу Фон Клаузевицу, «есть ничто иное, как продолжение политики» [3.16]. Согласно К. Клаузевицу, война не является самостоятельным, не зависящим от общественного развития явлением. Она – политический акт для достижения политической цели, вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. «Война есть подлинное орудие политики, продолжение политических отношений» [3.16], говорил он.

И. Кант писал: «вызываемые войной опустошения, а ещё в большей степени необходимость быть всегда к ней готовым задерживают развитие природных задатков, но зато бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединённую власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности» [3.9, с. 11].

Предотвращение глобального военного конфликта в эпоху ядерного противостояния сверхдержав – вопрос выживания человечества как цивилизации и биологического вида, что подтверждается расчётами учёных о возможных фатальных последствиях современной ядерной войны в виде глобальной «ядерной зимы» и гибели человечества из-за голода [3.17, с. 265].

Основным условием самосохранения цивилизации является достижение мира и справедливости. Предотвращение войны и обеспечение «вечного мира», предвосхищённого И. Кантом, на современном технологическом этапе – вопрос общего выживания. «Вечный мир» немыслим без объединения, ибо, словами А.Д. Сахарова, «Разобщённость человечества угрожает ему гибелью… Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщённость человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций – безумие, преступление» [3.13].

Достижение «вечного мира» требует не только централизации политики, замены её активизмом (добровольчеством), но и широкой общественной кампании по переоценке исторического наследия, содержащего признаки агрессии, эксплуататорства и диктатуры. Примером может служить современное массовое движение по осуждению общественных деятелей прошлого, причастных к расизму, колониализму и рабовладению, развернувшееся в США и странах Европы.

Наряду с «вечным миром», справедливость – высшая естественная потребность духовного существа к гармонии и равновесию в отношениях с миром, выраженная в понятии о должном, содержащем в себе требование соответствия деяния и воздаяния. Джон Ролз в его всемирно известной работе «Теория справедливости» определяет её через равенство свобод и возможностей в обществе [3.18]. «Ген» справедливости – врождённая «частица Бога» живёт в каждом человеке с рождения вне зависимости от его воспитания и социальной среды. Чего нет в иной тварной, животной среде, за исключением высших приматов. Это подтверждается трудами учёных-генетиков, утверждающих, что «Есть основание считать – в наследственной природе человека заложено нечто такое, что вечно влечёт его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению. Огромные, хотя противоречивые потенции к совершению добра, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания также и в его наследственной природе, куда вложены они действием особых биологических факторов, игравших существенную

роль в механизмах естественного отбора, в процессе эволюции наших предков» [3.19]. Есть все основания полагать справедливость наряду с миром основополагающей потребностью человека, так как отсутствие справедливости способно сподвигнуть личность не только на добровольные лишения, но и на осознанное самопожертвование, заставить переступить через любые базовые потребности, сформулированные таковыми. Без включения в неё потребности в справедливости, предложенная А. Маслоу «пирамида потребностей личности» [3.20] – лишена своего основания. Говоря о праве как выражении «категорического императива», И. Кант писал: «Ведь, если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [3.21, с. 256].

Мир, справедливость и свобода общения – основные универсальные принципы формирования «основной нормы» «права народов», глобального права.

Строительство безопасного и справедливого будущего предполагает не только глобализацию, но разгосударствление и интернационализацию политической системы, политического процесса и самой политики. Что, словами Б. Джессопа, характеризуется «сдвигом от правительства к управлению», это выражается «в сдвиге от главной роли власти к большему акценту на обходящее стороной государственную власть управление или самоуправление на различных территориальных уровнях и в функциональных сферах», где государства «остаются первыми среди равных» [3.4, с. 376–378]. Политика как профессиональная деятельность вырывается из «кристаллической решётки» бюрократии и обретает опору в инициативах общества. Подобно реформам управления бизнесом, здесь приемлем принцип «Humanocracy» (человекократии): выражающийся в дебюрократизации и поощрении рядовой инициативы, предложенный в 2019 году для бизнес-управления Гэри Хэмелом [3.22]. В этом контексте можно говорить о перерождении классической политики в «активизм» – добровольное и бескорыстное участие граждан в решении вопросов глобального значения путём принятия общих норм и подходов к их решению,

деятельной и инициативной поддержки глобальных форумов и объединений в данной сфере. Отличие «активиста» от политика: непрофессиональная деятельность, нет стремления к занятию властных должностей. Награда – авторитет и общественное признание. «Humanocracy» активизма выражается в отсутствии бюрократической структуры и иерархии у всемирных движений, возможностью каждого сторонника доводить до всех и каждого свои инициативы, не требовать ведомственной санкции на их реализацию. Сегодня это выражается в возникших мировых движениях активистов, которые начинают формировать контуры глобальных социальных движений будущего.

На фоне неспособности или нежелания отдельных правительств решать глобальные проблемы своими силами, неумения политиков согласовать общие действия и решения, направленные на решение общих проблем, в рамках международных организаций, уже сегодня возникает феномен «глобального самоуправления». Под которым можно понимать способность и желание глобального сообщества самостоятельно и под свою ответственность решать жизненно важные вопросы его существования и развития. Признаками глобального самоуправления можно считать появление всемирных форумов и движений активистов в сфере защиты прав человека и окружающей среды. Единое общество не нуждается в представительстве, информационной манипуляции и во множестве центров принятия решений. В нём пропадают межнациональная и межэтническая конкуренция, дискриминация и борьба, свойственные политике, нарождается единый послеполитический мир, основанный на уважении, равенстве, терпимости и стремящийся к вечному миру, свободе и справедливости.

Конечной целью глобальной революции является возвращение суверенитета его источнику – народу и религии, как выразителю божественного начала нашего общества, устранение политики как средства агрессии и подавления, с целью установления глобального мира и справедливости в обществе, обеспечения его устойчивого развития в благоприятной духовной, социальной и экологической среде.

Нужно признать, что создание полноценных наднациональных структур обществом и государствами, способных к принятию норм права, – сложный и долговременный процесс. Так или иначе, это не будет новым для нашей цивилизации процессом. Тысячи лет назад человечество сформировало мощные наднациональные религиозные объединения, имеющие колоссальный опыт общественного и правового регулирования, незаслуженно отодвинутые от управления обществом государствами современного (Вестфальского) типа. По мнению С. Фуллера, смысл Вестфальского мира 1648 года, узаконившего современные национальные государства, состоял в том, чтобы лишить влияния «транснациональные» религии («trans-national» religions). Он отмечает, что «Многовековая проблема религии для государства заключалась в том, что её доктрины всегда побуждали людей думать о себе в терминах, противоречащих целям государства» [3.15]. В данном контексте это относится к христианству, исламу, иудаизму и буддизму. «Вестфальское государство» решило не ограничиваться статусом «порождения Божественного замысла», оно захотело занять место Создателя. Окончательно отринув религиозные начала в XX веке, оно не смогло противостоять естественным процессам глобализации, но поплатилось тем, что в этих процессах не отразились базовые духовные ценности, хранимые традиционными религиями.

Именно традиционным транснациональным религиям предстоит пережить пробуждение и привнести сохранённые духовные ценности в основу и глобальные законы послеполитического будущего.

Если на уровне сообщества государств существует их всемирное объединение – ООН, то формируемому глобальному обществу предстоит значительный этап самоорганизации. В обоих случаях это должен быть взаимозависимый и взаимодополняющий процесс. Большую роль в нём играет социомедийная глобализация, которая позволяет при помощи современных технологий успешно применять механизмы прямой демократии и обратной связи.

Сама история возникновения государств из вождистских обществ древности носила характер преодоления «пространственно-временных и административных ограничений» [3.4, с. 252], связанных с необходимостью передачи управленческой информации на большие расстояния. Именно из этих ограничений вырастала инфраструктура и логистика власти и управления, позволяющая управлять удалёнными территориями и участвовать в управлении обществом жителям этих территорий. Таким решением, сменившим формы непосредственной демократии: сходы, вече, собрания, стала представительная демократия, которая, первоначально будучи аристократической, решила вопрос об уровне образования народных представителей и предложила логистику реализации представительских полномочий.

Ещё немецкий мыслитель начала IXX века В.Гумбольдт отмечал, что «по мере того, как люди становятся всё более образованными, они могут принимать законы самостоятельно («self-legislate», понятие И. Канта), не делегируя это избранным депутатам, которые якобы лучше знают» [3.15]. В таком случае необходимость в классе профессиональных политиков, которые представляют народ, отпадает.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии дают уникальный шанс для возврата прямых форм народовластия: референдумов, опросов, петиций, обеспечивая каждому доступность для непосредственного участия в них и информированность о принимаемых решениях.

На смену устаревшему и скомпрометированному профессиональными лоббистами парламентаризму активно приходит электронная демократия, позволяющая не только обеспечить быстроту и репрезентативность голосований, обсуждений, но и значительно снизить стоимость данных процедур. Её ценность заключается в идеальном сочетании с принципом «Humanocracy» за счёт отсутствия бюрократических барьеров при выражении мнений. Преимущества прямой электронной «сетевой» демократии, принципы и методы её реализации в сравнении с суще-

ствующими представительными органами хорошо описываются в уникальной работе, вышедшей в России в 2014 году, «Облачная демократия» [3.23]. Предлагаемые авторами этой работы модели непосредственной (прямой) электронной демократии, безусловно, заслуживают воплощения в жизнь. Но при этом нужно учитывать ряд существенных факторов риска: невысокую избирательную активность граждан и возможность элементарной скупки их голосов заинтересованными группами. Абсурдно надеяться, что без верховенства высшего морального закона, цели и задачи деятельности государства будут полностью подчинены интересам общества, что без реформирования существующей политической системы – нереально, как и решение многих вопросов сугубо на национальном уровне.

Прямая электронная демократия – идеальный инструмент выражения воли глобального сообщества, может быть успешно реализована как на государственном, так и на межгосударственном, и наднациональном (глобальном) уровнях. Что особенно важно, инициаторами подобных процедур и систем голосования могут и должны выступать наднациональные общественные движения активистов, их форумы, союзы и объединения.

Это не новая форма демократии, а закономерный возврат к общинным соборам и сходам прошлого на новом историческом этапе. Некогда разорванное на части политиками и государствами общество, благодаря связанности, информированности и образованности (за счёт сокращения языкового барьера, уровня образования, средств электронного перевода в сети) вновь обретает черты единой человеческой общины, способной самостоятельно возвысить свободный голос в защиту своих интересов в стремлении к вечному миру и справедливости.

Прямая глобальная демократия наряду с международными договорами и конвенциями могут стать стартовой площадкой для зарождения и принятия высших норм всемирного права народов, прежде всего – глобальной конституции, хартий, деклараций, норм глобального планетарного права, принимаемых всеми в перспективе

каждого. Легитимность данных норм может быть обеспечена массовостью их принятия и признанием на глобальном уровне через постепенную ратификацию легислатурами национальных государств и их объединений, союзов, международных организаций, что обеспечит их исполнение средствами национальных правительств и международного воздействия.

Глобализация в социальной, экономической и культурной сферах подлинным образом преобразует разделённое границами человечество в единое общество, обретающее качества связанности и субъектности в управлении вопросами своего существования. Данный процесс имеет глубокие исторические корни и начался с момента первых встреч между племенами первобытных людей. Технический прогресс последних столетий ускорил формирование единого человеческого социума. Но главный фактор катализации этого процесса – близость освоения человечеством планет Солнечной системы. Момент ближайшего будущего, когда многие из людей уже с поверхности Марса смогут увидеть нашу планету бледной голубой точкой на просторах космоса, вызовет у человечества эффект «сингулярности самосознания», сжатого в эту точку осознания единства человеческой расы. Подобный эффект наблюдался при формировании европейских наций в эпоху Великих географических открытий. Эти процессы будут иметь значение и для ускорения формирования глобального планетарного права, нормы которого необходимо будет распространить на территории земных колоний осваиваемых космических тел, таких как Луна и Марс. Вопросы о правовых аспектах управления которыми уже сегодня активно обсуждаются лидерами космической отрасли, такими как SpaceX, чей глава И. Маск продвигает идеи отказа от международных законов Земли на Марсе, где, по его мнению, будут «установлены принципы самоуправления, направленные на процветание будущей колонии» [3.24].

Анализируя процессы развития общества в условиях глобализации, можно выделить следующие основные направления и перспективы эволюции таких социальных институтов, как государство

и право, которые являются своеобразными «контурами» будущей социальной организации общества до конца текущего XXI века.

Основными направлениями трансформации государства и права можно назвать:

– формирование единого глобального общества как субъекта международной политики и носителя высшего суверенитета за счёт развития информационного обмена (диалога) в социомедийном пространстве (социомедийной глобализации);

– появление глобальных общественных объединений (движений) на основе принципа активизма и постепенное вытеснение (или поглощение) ими классических политических объединений на национальном уровне с постепенным отрицанием обществом политики как таковой (антиполитика);

– дальнейшее формирование развитыми государствами мира наднациональных законотворческих структур управления обществом с привлечением к их работе глобальных общественных объединений (движений) активистов и религиозных объединений;

– укрепление верховенства международного права над национальным правом;

– дальнейшее развитие международной юстиции и средств международного стимулирования правомерного поведения;

– формирование глобальной иерархии правовых норм, в которой высшую ступень займут основные нормы глобального права («права народов»), принимаемые глобальным голосованием на основе общественных инициатив глобальных объединений (движений) активистов, религиозных объединений, посредством общественных опросов, голосований в глобальной сети Интернет с последующим их утверждением (одобрением) легислатурами государств, их союзов или объединений, а также путём включения в них признанных норм и положений международного права;

– эволюция существующих государств за счёт делегирования части законодательных полномочий создаваемым ими органам наднационального управления, с сохранением за государствами функций законотворчества, правоприменения, исполнительных

и судебных полномочий на национальном уровне (глобальный транзит суверенитета);

– формирование глобальной судебной системы в виде системы высших международных апелляционных судов с передачей им государствами полномочий высших судебных инстанций по отношению к национальным судам;

– возникновение «вертикальной» модели сдержек и противовесов между глобализованной законодательной и распределённой исполнительной властью, которая обеспечит реализацию суверенитета глобального общества (глобального суверенитета), позволит защитить национальные интересы отдельных народов, создаст надёжные механизмы противодействия глобальной узурпации;

– деритуализация и, как следствие, дебюрократизация социального управления, отказ от форм ритуального насилия над обществом со стороны государств;

– развитие демократии и равноправного диалога (народной дипломатии) в глобальном обществе с использованием электронной коммуникации, гарантируемых нормами глобального права.

По сути можно говорить о влиянии глобализации на эволюцию принципов разделения властей и системы сдержек и противовесов, предложенных Дж. Локком и Ш.-Л. Монтескьё. Недостатками которых было отсутствие действенных гарантий от узурпации власти исполнительными органами. Такие гарантии до сих пор основывались исключительно на способности народов противостоять попыткам узурпаций различными средствами, вплоть до вооружённых восстаний. Реализация конструкции передачи высшей законодательной и судебной властей на глобальный наднациональный уровень (глобальный транзит суверенитета) позволит создать мощный «вертикальный противовес» для возможных попыток узурпации, традиционно исходящих от органов исполнительной власти, желающих изменить законы к своей выгоде. Сохранение функций исполнительной власти на децентрализованном национально-государственном уровне защитит глобализованную законодательную и судебную власти от возможного давления и узур-

паций. Усилий отдельных национальных правительств будет явно недостаточно, чтобы изменить нормы глобального права и влиять на решения высших судов. Такая «вертикальная» модель сдержек и противовесов позволит навсегда поставить исполнительную власть под законодательный и судебный контроль единого суверенного общества.

Сохранение института государства на национальном уровне крайне важно, так как его упразднение откроет прямой путь к созданию глобального супергосударства с властными и принудительными механизмами глобального уровня, что создаст угрозу глобальной узурпации и тирании самого ужасного характера.

Главным гарантом прав и свобод человека есть и остаётся право, глобальный, наднациональный уровень которого («право народов», «основные нормы») обязаны быть квинтэссенцией человеческой нравственности. Только подчинение государства высшему нравственному закону, выраженному в нормах права, и подконтрольность независимому суду, руководимому этим нравственным законом, позволит достичь давней мечты правоведов о его нравственном характере.

Данная модель, собственно, является окончательным воплощением принципа «верховенства (господства) права» как глобального механизма социального регулирования, когда, словами Генерального секретаря ООН, «все лица, организации и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека» [3.25, с. 5]. При таком подходе верховенство (господство) права гарантируется его всеобъемлемостью, универсальностью и независимостью от воли администраций отдельных государств и политиков.

Такое единство и определённость права крайне необходимы для регулирования вопросов взаимодействия человека с искусственным интеллектом, который в отсутствии основ человеческой

нравственности нуждается в формализованных руководящих принципах и началах своей работы. Такое взаимодействие будет носить повсеместный и глобальный характер и не может быть воплощением несовершенства законов и узаконенного произвола.

Наряду с созданием глобального права и высшего правосудия, основным «контуром будущего» послеполитического мира являются возникающие сегодня общественные форумы и глобальные движения активистов в сфере защиты прав человека и окружающей среды, как наиболее важных проблем человечества. Это прообраз глобальных партий будущего, которые со временем заменят существующие национальные политические партии и движения во всём мире, станут инициаторами принятия обществом основных норм, глобальных законов того самого «права народов», о которых говорили И. Кант, Г. Кельзен, Ю. Хабермас, норм, принимаемых всеми в перспективе каждого.

Механизмом их принятия будут как хартии данных движений, поддержанные и разделяемые большинством населения планеты, так и результаты инициированных ими глобальных опросов (голосований) населения Земли в сети Интернет по наиболее важным вопросам жизни и развития человечества, которые должны будут одобряться, признаваться, применяться и учитываться органами власти, национальными и наднациональными, по всему миру. Правильным была бы разработка механизмов аккредитации таких глобальных движений при ООН и проведение ООН данных глобальных опросов, голосований по инициативе глобальных движений, с подсчётом и официальным утверждением их результатов специальной международной комиссией из представителей национальных правительств.

Процесс перетока законодательных полномочий от национальных государств к наднациональным органам, обеспечивающим глобальное народовластие в виде глобальных электронных голосований (глобальный транзит суверенитета), должен быть постепенным и поэтапным. На первом этапе под эгидой ООН должна быть сформирована планетарная конституция, включающая

действующую Всеобщую декларацию прав человека, дополненную правом на свободу доступа и свободное выражение мнений в сети Интернет, на участие в глобальных голосованиях, а также приняты основные глобальные законы (кодексы) в наиболее важных отраслях жизни общества: экология, торговля, финансы, медицина, образование, обмен информацией. Данные акты должны быть одобрены национальными парламентами или большинством граждан стран на всенародном голосовании, и только после этого стать законной высшей надстройкой над национальным правом, – «правом народов».

Вторым этапом будет формирование глобальной системы онлайн голосований под эгидой наднационального органа в сфере реализации прав населения на народовластие. Инициаторами повестки таких голосований должны быть сами граждане, их общественные и религиозные движения и объединения путём формирования и поддержки онлайн-петиций.

Созданное «право народов» образует глобальную правовую надстройку над системами международного и национального права, создаст своеобразную конституцию человечества, имеющую высшую силу и прямое действие на всём периметре обитания людей, в ближайшем будущем не ограниченном нашей планетой. Именно скорый выход деятельности людей за пределы земной поверхности станет стимулом к окончательной глобализации и потребует единых правовых норм для применения людьми на Земле и за её пределами.

Иными словами, нас ждёт будущее, которое – не ждёт.

ГЛАВА IV.
ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ВСЕМИРНОЙ ДИКТАТУРЕ

В Главе IV рассматривается влияние процессов глобализации общества на эволюцию права как социального института. В условиях глобализации актуальным является установление чётких критериев реализации принципа верховенства (господства) права на международном, наднациональном уровне.

Актуальной задачей является поиск механизма устранения существующей неопределённости понятия «совместимости с международными нормами и стандартами в области прав человека», служащей поводом для возможных злоупотреблений и нарушений данного основополагающего принципа. В Главе IV содержится анализ исторического генезиса понятия «права» в его естественно-правовом понимании и влияние на него доктрин суверенитета и позитивизма.

На основе анализа идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса синтезирована модель концепции глобального транзита суверенитета от населения национальных государств к глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных полномочий, формирования высшего уровня глобального права (права народов, «основных норм»), глобальной конституции.

В итоге предлагается сформировать нормы глобального права на основе традиционных духовных и религиозных ценностей, признанных стандартов прав и свобод человека, дополненных правом на свободный обмен информацией и свободный доступ к средствам такого обмена как естественным правом человека (правом на свободу коммуникации).

В соответствии с теологической традицией, взглядами социологов Ф. Хайека, С. Фуллера и русского философа И. Ильина описано видение процесса возрождения исконного естественного (Божественного) права на глобальном уровне, утраченного

обществом в ходе реализации принципов абсолютизма и народного суверенитета, как глобальной цивилизационной альтернативы «новому мировому порядку», глобальному сверхгосударству и возможной планетарной диктатуре, основанной на тотальном цифровом контроле. Инициаторами данного процесса могут выступить международные движения верующих-активистов, объединённых транснациональными традиционными религиями.

Активное развитие средств электронной коммуникации и диалога в сети Интернет ускорили формирование единого глобального человеческого общества (социомедийная глобализация), что наряду с усилением работы развитых государств по созданию механизмов транснационального управления (международные объединения и союзы государств), интернациональной глобализацией, способствуют глобальному транзиту суверенитета от народов к глобальному обществу [4.1]. Под воздействием данных процессов происходит развитие и трансформация таких социальных институтов, как право и государство.

Глобализация основных сфер жизни общества ставит действующие национальные государства перед перспективой участия в организации и работе систем наднационального управления, либо становления на путь изоляционизма, замены утрачиваемых полномочий по управлению глобализуемыми сферами общественной жизни бюрократическими ритуалами и превращения в «ритуальное» государство» [4.а]. «В процессе ритуализации общественного сознания и формирования «ритуального» государства нелёгкой выглядит участь церкви и религии, испытывающих серьёзное давление со стороны политиков и органов управления, которые неизбежно пытаются подменить их собой (или поглотить, «огосударствить»), вернее, вытеснить подлинную Веру и Религию, подменив её псевдодуховной официальной идеологией. В этом духовном суррогате, эрзац религии предметом поклонения становятся «гуру и жрецы», а предметом исповедания – государственная идеология. Духовная открытость подлинной Веры заменяется на оскалившуюся замкнутость тоталитарной секты» [4.2].

Глобальное взаимодействие и взаимосвязь во многих отраслях жизни общества делает насущным не просто развитие норм международного права, доминирующих над нормами национального законодательства, но и ставит вопрос о формировании глобальной иерархии правовых норм, в которой высшую ступень займут основные нормы глобального права («права народов»)». Это должны быть нормы высшего порядка – глобальное право, «ius cosmopoliticum» – право народов (И. Кант) [4.3], «высшая норма» (Г. Кельзен) [4.4, с. 407–408], «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Ю. Хабермас) [4.5, с. 99].

Данная модель логически обоснована и призвана стать окончательным воплощением принципа «верховенства (господства) права» как глобального механизма социального регулирования, когда, по словам Генерального секретаря ООН, «все лица, организации и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека» [4.б].

При таком подходе верховенство (господство) права гарантируется его всеобъемлемостью, универсальностью и независимостью от воли правительств и политиков.

Однако даже при первом взгляде становится очевидной существенная неопределённость критериев верификации соответствия тех или иных норм и положений национального законодательства данному принципу. Эта неопределённость заключена в формулировке об их обязательной совместимости с «международными нормами и стандартами в области прав человека» [4.б]. В юридической науке под этим термином понимается совокупность принципов и норм, регулирующих международную защиту прав и основных свобод индивидов и представляющих собой международные стандарты в области прав человека для национального права [4.6]. Основополагающим актом международного права

в данной области является Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) (Международный пакт о правах человека) от 10 декабря 1948 года [4.в]. Данная Декларация определяет базовые права человека и формально носит рекомендательный характер. Некоторые её положения закреплены международными договорами (пактами), ставшими впоследствии обязательными для подписавших их государств. Договорами ООН с 1965 по 2006 год учреждены ещё семь Международных конвенций по защите прав человека и отдельных категорий лиц: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Конвенция о правах ребёнка; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; Конвенция о правах инвалидов; Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. К сожалению, лишь три из них – о запрете расовой дискриминации, пыток и защите прав инвалидов – обрели глобальное действие. По данным вопросам действует также ряд международных конвенций и соглашений регионального характера.

Таким образом, из этого следует, что правовую природу любого национального закона или постановления определяет соответствие сложным и разрозненным положениям международного права. Зачастую открытым остаётся вопрос о порядке применения и, особенно, толкования данных международно-правовых норм.

Надо согласиться с позицией известного правоведа Г. Кельзена о неизбежном усилении позиций международного права и практики обеспечения их исполнения мерами международного воздействия (принуждения) вне зависимости от факта их признания отдельными национальными правительствами [4.4, с. 404]. Иными словами, «международное право сохраняет своё значение, несмотря на то, что его слишком часто обходят во время мира и не соблюдают на войне» [4.7, с. 19].

Всё это подтверждает насущную необходимость формирования единых общепризнанных норм и принципов права на глобальном уровне, создания подлинного глобального «права народов», конституции человечества, принимаемой всеми в перспективе каждого.

Говоря об «основных нормах», «праве народов», необходимо подразумевать своего рода «глобальный конституционализм», предполагающий закрепление на глобальном уровне базовых прав, свобод и принципов регулирования правоотношений, на основе и в соответствии с которыми должны действовать законодатели как на международном, так и на национальном уровне.

В противном случае сохраняющаяся неопределённость может привести и приводит к тенденциозному или расширительному толкованию понятия «международные нормы и стандарты в области прав человека», использованию ведущими мировыми державами и их союзами практики навязывания мировому сообществу отдельных норм и положений, закреплённых в их национальном законодательстве и (или) международных соглашениях с их участием, в том числе и путём применения мер международного воздействия.

В условиях ускоренного формирования глобального общества миру как никогда необходим консенсус по вопросу об основополагающих правах личности и принципах правового регулирования.

Особенно остро влияет на необходимость принятия норм глобального права («права народов») неурегулированность прав участников процессов освоения кибернетического и космического пространств, ускоряющихся сегодня. Это сравнимо с эпохой Великих географических открытий XV–XVII вв., когда ведущие державы конкурировали при освоении Мирового океана и колонизации заморских территорий. Существующее положение в данных сферах очень напоминает всемирную олимпиаду с отсутствием единых правил состязаний, что способно стать поводом для глобального конфликта, недопустимого в условиях ядерного противостояния.

На основе всестороннего анализа исторического генезиса понятия «права» в его естественно-правовом понимании и оценки влияния на него доктрин суверенитета и позитивизма, взглядов Ф. Хайека, анализа идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса о глобальном обществе и всемирном праве можно концептуально синтезировать модель глобального транзита суверенитета от населения национальных государств к глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных полномочий, формирования высшего уровня глобального права (права народов, «основных норм»), глобальной конституции в ближайшей исторической перспективе. В свою очередь анализ современных и древних религиозных доктрин, религиозно-философских воззрений и исследований современных учёных-генетиков позволяет определить естественные основы и принципы такого глобального права, сконструировать практическую модель его формирования и развития.

С точки зрения истории человечества, предлагаемый «глобальный транзит суверенитета» (передача права принятия основополагающих норм и принципов права от национальных легислатур на глобальный наднациональный уровень) не выглядит новым, не имеющим под собой исторического опыта процессом.

В недавнем прошлом у всех народов планеты следованием праву считалось соблюдение духовных законов и религиозных традиций. Любому человеку было очевидно, что всякая власть должна быть от Бога и по Законам Его.

В этом смысле удивительна семантика русского языка, когда понятия «права», как и «веры», и «правды», заложены в самих словах: «ПРАВедный», «ПРАВильный», или в исламской традиции: «ПРАВОверный» – соответствующий праву и Вере, или «ВЕРный», соответствующий Вере. Тогда как «светское государство» – это, очевидно, государство «света общества», государство элиты, а не «народное» или «духовное» государство.

Все древнейшие кодексы – памятники права: Ур-Намму (2100–2050 гг. до н. э.), Законы Эшнунны (XIX в. до н.э.), Липит-Иштар

(1930 г. до н. э.), Хаммурапи (1755–1752 до н. э.), Хеттские законы (XV–XIII в. до н.э.), Ассирийский (XIV в. до н.э.), Законы Ману (II в. до н.э.) – были памятниками религиозной мысли и правовой традиции, декларировались как дарованные богами.

Лежащий в основании традиционных авраамических (аврамистических) религий Ветхий Завет говорит о даровании непосредственно Богом человечеству справедливых Законов. Ветхозаветные Законы Моисеевы содержат основополагающие принципы защиты прав человека и общества: «Под правовой защитой находились вдовы, сироты, бедняки, чужеземцы. Наказание их обидчикам, как считалось, исходит от самого Бога, который лишает своей защиты даже семьи обидчиков (Исх. 22:21–27; 23:9; Второзак. 23:2; 24:17). Так закладывалась традиция защиты личных прав, хотя в древние времена она не была отделена от защиты целостности и стабильности всего сообщества. Наивысшее воплощение в библейском праве она получила в плане защиты человеческой свободы и жизни как Божьего дара от злоумышленных посягательств. Насильственное лишение свободы, обращение в рабство однозначно каралось смертью (Исх. 21:14,16)» [4.8].

Современные исследователи Ветхого Завета выделяют установленные им принципы управления обществом:

«1. Правительство дано Богом как необходимое условие для полноценной жизни нации (сакральный характер власти).

2. Правительство получает власть и полномочия от народа (народный суверенитет).

3. Личность политического лидера важна и должна учитываться народом при его выборе (выборность).

4. Правительство должно представлять весь народ (пропорциональное представительство).

5. Одно из главных предназначений правительства – справедливое решение разногласий и конфликтов между людьми (правосудие)» [4.9, с. 32].

Одновременно с этим выделяют осуждаемые в Ветхом Завете проявления человеческой сущности: «идолопоклонство: священ-

нические ритуалы (ритуализация); злоупотребление политической властью (коррупция): правительство; аморальность (грех): человек и семья; экономическая несправедливость (социальное государство): рыночные отношения» [4.9, с. 117].

Значимость подобных духовных начал правосознания: уважения достоинства личности, духовного уважения и доверия народа к правительству и правительства к народу, признания духовной основы права – выделил в своей работе выдающийся русский философ XX века И. А. Ильин [4.7, с. 172, 179].

С наступлением нашей эры Христианство преобразило Римскую империю и стало основой для развития стран Европы. Так, в средневековой Европе глобализующим фактором наряду с Римской католической церковью выступали нормы канонического права, регулировавшего наиболее важные сферы жизни общества, прежде всего права личности, бывшие едиными для всех стран Европы, как и каноническое правосудие, право на которое гарантировалось каждому человеку. «Это создавало для будущего прообраз единого (европейского) правового пространства, основанного на одинаковом понимании идей правосудия, справедливости, правопорядка» [4.10].

Тысячелетия назад человечество сформировало мощные наднациональные религиозные глобальные объединения, имеющие колоссальный опыт общественного и правового регулирования, связавшие общество едиными принципами духовности и права, богословскими языками (греческим, латынью, арабским), незаслуженно отодвинутые от управления обществом государствами современного (Вестфальского) типа.

В основе исходящих из религиозной духовности принципов правосознания находятся принципы личной свободы, мира и справедливости. Эти стремления являются универсальными и носят врождённый характер вне зависимости от национальности, культуры или воспитания, что подтверждается трудами современного генетика и общественного деятеля В. П. Эфроимсона [4.11]. Эти принципы составляют в каждом человеке «ген Бога», отражение

его духа или души. Именно эти принципы как основополагающие основы универсального права называет в своей работе «Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики» философ и экономист, нобелевский лауреат, Фридрих Август фон Хайек [4.12, с. 199, 451].

Ф. Хайек, убеждённый сторонник естественно-правовой теории и критик позитивизма, предлагает подразделять действующие юридические нормы на данные (природой или Богом) принципы справедливого поведения «nomos» и утверждённые парламентом (правительством) законы – правила организации деятельности общественных институтов «thesis». Связывая «nomos» с понятием справедливости, он писал: «Мы не утверждаем, что все соблюдаемые в обществе правила справедливого поведения являются правом, или что всё, обычно именуемое правом, состоит из правил справедливого поведения. Скорее, мы утверждаем, что право, состоящее из правил справедливого поведения, имеет совершенно особый статус, который не только делает желательным иметь для него особое название (а именно nomos), но также демонстрирует чрезвычайную важность самым ясным образом отделить его от других распоряжений (thesis), также именуемых правом» [4.12, с. 109, 145]. Именно данные древние и универсальные принципы организации общества, облечённые в вид религиозной и народной правовой традиции (nomos), он предлагает именовать «правом», отделив их от принимаемых парламентами законодательных актов (thesis).

Истинное право (традиционное и религиозное) на протяжении тысячелетий обладало характеристикой неизменности, стабильности. Будучи значительно старше института государственности, оно определяло уклад и основы общественной жизни. «Право старше закона. Право в смысле навязываемых правил поведения, несомненно, является ровесником общества; мирное сосуществование людей в обществе возможно только благодаря соблюдению общих правил. Отдельный человек рассматривался членом

группы только пока подчинялся её правилам, задолго до того, как язык развился до такой степени, что уже позволял формулировать общие команды. Историки права единодушны в том, что в этом смысле все знаменитые древние «законодатели» (law-givers) от Ур-Намму и Хаммурапи до Солона, Ликурга и авторов римских «Двенадцати таблиц» не предполагали создавать новый закон, а просто фиксировали закон таким, каким он был всегда», отмечает Ф. Хайек [4.12, с. 91, 100, 107, 202].

И. Ильин описывал этот естественный процесс с духовных позиций так: «Движимый предметною волею к Духу, человек незаметно для себя вовлекается в естественно-правовой порядок общечеловеческого братства. Каждый из всего сонма индивидуальных духов воспринимается им как живое жилище Духа, как самостоятельный и самобытный очаг духовной жизни. Связанный с каждым из этих духовных очагов нитями естественно-правовой и положительно-правовой сопринадлежности, он признаёт эту правовую связь, уважает её и поддерживает как необходимое условие своей и чужой духовной жизни. Таким образом, основа нормального правосознания делает человека членом единой всемирной правовой общины – «гражданином Вселенной». Тот, кто умеет любить дух, тот знает его сверхнациональную, общечеловеческую сущность; поэтому он не умеет ненавидеть и презирать другие народы, ибо видит их духовную силу и их духовные достижения» [4.7, с. 69–70].

Право в его естественном, исконном смысле является первым, основным и универсальным инструментом социального регулирования, отражающим стремление человека к естественному, установленному свыше, миропорядку. Можно смело утверждать, что сама наша цивилизация создана им и им же ведома от хаоса к Божественному идеалу.

Уникальной характеристикой права является его естественность, так в связи с природной (генетической или данной Богом) предрасположенностью большинства людей к его основополагающим принципам (справедливости, миру и свободе),

следование его нормам является естественным стремлением большинства индивидов. В то же время, неприятие этих естественных норм – удел немногих, подверженных биологическому и духовному вырождению (греховности), справедливо называемых специалистами в области криминологии – «деградантами» [4.13, с. 319]. В этой естественной приверженности большинства праву и есть извечный залог победы Веры и Правды над ложью и грехом, народов над вырождающейся алчной и греховной элитой, залог торжества народовластия (естественной непосредственной демократии).

Можно обоснованно выделить следующие характеристики естественного права: естественное (Божественное или природное) происхождение, универсальность (основанность на единых принципах), интернациональность (одинаковое понимание у всех народов) и стабильность (неизменность во времени). Данное человечеству свыше (Богом или природой), оно оставалось фундаментальным и стабильным на протяжении тысячелетий, обеспечивая на глобальном уровне мир, свободу и справедливость, а в конечном итоге, и выживание самого человеческого общества.

Такой порядок вещей существовал вплоть до середины XVII в., когда европейские монархи, вооружившись идеями Ж. Бодена о суверенитете правителей [4.14], посягнули на духовные и традиционные устои европейского общества.

Собственно, «Вестфальский» процесс суверенизации и был направлен на избавление от транснациональной «(Trans-National Religions)» и наднациональной, глобализующей роли Римской католической церкви [4.г]. «Вестфальское государство» решило не ограничиваться статусом «порождения Божественного замысла», оно, объявив себя суверенным, присвоило себе и правотворчество. Суверенитет монархов послужил основой для чудовищного произвола властей, подорвавшего естественные базовые принципы справедливости, свободы и международного мира. Результат не заставил себя ждать. Уже в следующие три столетия девяносто процентов европейских монархий пали под натиском народного

недовольства и революций. Народными лозунгами, сменившими абсолютизм, стали постулаты естественного права: «Свобода, Равенство (справедливость), Братство (мир)» (девиз французской революции).

К сожалению, в ходе становления европейских республик шанс на восстановление естественных духовно-правовых начал был утрачен в связи с наследованием республиками от абсолютистов идей суверенитета, который стал именоваться «народным». Идеи суверенитета избираемых правителей К. Шмитта [4.15] наряду с позитивистским взглядом на право и идеологией атеизма заложили фундамент чудовищных тоталитарных режимов в Европе, ответственных за самую кровавую страницу в истории человечества. Ф. Хайек так описывает этот процесс: «На Западе мало кто претендовал на неограниченную власть со времён античности вплоть до XVI в., когда появился абсолютизм. Неограниченной власти, безусловно, не было у средневековых князей, они её и не требовали. Требования неограниченной власти появились позже и исходили от абсолютных монархов на европейском континенте, но они не признавались вполне законными до появления современных демократий, которые выступили с теми же абсолютистскими требованиями и в этом смысле унаследовали абсолютистскую традицию» [4.12, с. 358–359].

Идеи абсолютизма и суверенитета выражали стремление аристократической, а затем финансовой и политической элиты к порабощению народов. Такие эксплуататорские стремления в своей основе не могут быть ни обоснованными, ни реальными, так как противоречат базовым духовным принципам. Любому верующему человеку очевидно, что единственным Сувереном можно назвать только Создателя, у остальных же и «волосы на голове все сочтены» (Библия, Мф. 10:30). История знает много печальных примеров краха как личного (от царей египетских и императоров Рима до монархов Европы), так и народного (от обществ Содома и Гоморры до нацистской Германии) суверенитета.

Переосмысление наступило после победы над нацизмом при анализе итогов Второй мировой войны, когда народы вынуждены были признать пагубность узаконенного государственного произвола, приведшего их к планетарной трагедии. Снова возник вопрос о правовой природе законодательства.

Стало очевидным, что «Отрыв права от его религиозных корней, от его нравственных основ, от его философского содержания превратил его в обслуживающий механизм решения политических задач и финансовых операций, человеческих амбиций и жадности» [4.10]. Именно после этого была осознана необходимость формирования на глобальном уровне признанных международных стандартов прав и свобод человека и принципов мирного сосуществования народов, создания институтов наднационального контроля и воздействия на их нарушителей, выработки критериев соответствия законодательства нормам права.

Однако данный процесс развивался крайне медленно из-за противостояния военно-политических блоков государств во второй половине XX в. Ф. Хайек описывает это процесс XX в. так: «Мы пытались создать большое количество специализированных властей, призванных регулировать отдельные сферы жизни, тогда как следовало бы создать настоящее международное право, которое ограничило бы возможности национальных правительств наносить друг другу ущерб» [4.12, с. 470].

Отринув религиозные начала в XX в., современные государства утратили основы не только духовности, но и подлинного права, в итоге не смогли противостоять естественным процессам глобализации и поплатились тем, что в этих процессах не отразились базовые духовные ценности, хранимые традиционными религиями. С утратой религиозных и духовных принципов управления обществом в начале XX в., по сути, народами было утрачено и собственно исконное право.

Об этой трагедии утраты нашей цивилизацией духовных основ правосознания говорит в работе «О Сущности правосознания» И. Ильин: «Вне её (духовности)… право и государство становятся

орудием зла» [4.7, с. 3]. Он также справедливо отмечает: «Если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает прежде всего глубокий недуг современного правосознания» [4.7, с. 4].

Будучи сторонником естественного права, И. Ильин говорил о неразрывной диалектической связи между религиозной духовностью, следующим из неё правосознанием («воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру… живой корень его надо искать в религиозном чувстве и совести») и правом («необходимый для человека образ его духовной жизни на земле», «атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление») [4.7, с. 62]. «Воля к духу, т. е. желание самому вести духовную жизнь и обеспечивать её другим, есть безусловная и универсальная основа правосознания» [4.7, с. 68], утверждал он.

В нашем XXI в. ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий и процесс глобализации общества на основе глобального диалога в сети Интернет (социомедийная глобализация) открывают путь для формирования полноценного «права народов», «основных норм», глобальной конституции человеческого мира на всём периметре его обитания.

Надо понимать, что в сохраняющихся условиях правовой неопределённости «основных норм», прав человека и принципов глобального взаимодействия существует альтернатива навязывания мировому сообществу своих воли и законов транснациональными финансово-промышленными группами влияния («глобальной олигархической властью» [4.16]), «глубинным государством» мафиозных кланов и коррумпированных спецслужб, чьи возможности с каждым днём возрастают за счёт захвата несостоятельных государств и технологического прогресса (цифровой концлагерь). Целью такого «нового мирового порядка» является создание единого глобального сверхгосударства, полностью руководимого из единого центра, чуждого к нуждам отдельных народов и создающего предпосылки для глобальной узурпации и планетарной

диктатуры. Этот вариант будущего отрицает не только естественное право, но и национальное государство. Под видом «нового миропрядка» на народы надвигается новый «Рим» – господство вырождающегося (деградирующего) меньшинства (безбожной элиты), основанное на технологическом порабощении.

Цивилизационной альтернативой этому может служить только широкое международное (глобальное) движение активистов в пользу формирования и принятия глобальной конституции, «основных норм», «права народов», основанных на традиционных духовных и религиозных ценностях и признанных стандартах прав и свобод человека, дополненных правом на свободный обмен информацией и свободный доступ к средствам такого обмена как естественным правом человека (правом на свободу коммуникации).

Происходящая глобальная революция – «процесс роста самосознания народных масс по всему миру за счёт свободного обмена информацией, координации совместных действий и усилий в сфере защиты прав и свобод человека, борьбы за сохранение и создание благоприятной экологической и социальной среды» [4.2], как и стремление к объединению усилий против попыток монополизации информационной и духовной сферы постмодернистским «ритуальным государством», замена скомпрометированной политики здоровым активизмом – уникальный шанс для возрождения права в его подлинном, исконном, глобальном, традиционном и духовном смысле.

Осознав ошибочность фетишизации суверенитета, отказа от универсальных духовных ценностей в пользу идеологической «квазидуховности», управленческих ритуалов и политической демагогии, человечеству, словами И. Ильина: «В понимании права и государства предстоит пережить глубокое обновление. Должен быть окончательно отвергнут гибельный предрассудок о «внешней» природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их «внутренняя», душевно-духовная сущность. Право только «проявляется» во внешнем, пространственно-телесном мире;

сферою же его настоящей жизни и действия остаётся человеческая душа, в которой оно выступает с силою объективной ценности. Правосознание обыденной жизни может не иметь религиозного корня; оно может быть даже безразличным к тому, что обычно называется «религией». Но подлинная религиозность не может пройти мимо права и государства: она вынуждена определить своё отношение к ним и к правосознанию» [4.7, с. 179–181].

Традиционным транснациональным религиям (глобальным объединениям верующих активистов) предстоит пережить пробуждение и привнести сохранённые духовные ценности в основу и глобальные законы послеполитического будущего, расценивая происходящие в мире перемены как Великий Божественный шанс. Не может считаться нормальным положение, когда большинство верующих граждан вынуждено бороться с захваченной меньшинством (элитой) государственной «машиной», требуя соблюдения законодателями религиозных ценностей и традиций.

«Мы – не первое поколение верующих, которые столкнулись с глобальными изменениями в общественных системах… История свидетельствует, что все великие изменения обеспечивали самый лучший климат для влияния на умы и души людей. В момент любого существенного переворота в ходе мировой истории Церковь поднимала свой голос, провозглашая Божьи истины, которые способствовали изменениям в жизни наций», говорит богослов Ланда Коуп [4.9, с. 113].

Позиция отделения права от духовности и традиций неверна, не соответствует подлинной Вере. «Механическое отделение «Божьего» от «Кесарева» всегда будет мёртвой фикцией, лишённой бытия и практического значения. Право есть необходимая форма духовного бытия человека, а религиозное бытие есть бытие духовное; поэтому вне права не может быть и религии» [4.7, с. 182–183].

«Главным гарантом прав и свобод человека есть и остаётся право, глобальный, наднациональный уровень которого («право народов», «основные нормы») обязаны быть квинтэссенцией человеческой нравственности. Подчинение государства высшему

нравственному закону, выраженному в нормах права, и подконтрольность независимому суду, руководимому этим законом, позволит достичь давней мечты правоведов о его нравственном характере» [4.17]. Только тогда законодательный труд государственных институтов будет носить подлинно правовой и духовный характер. Современной юридической наукой обоснованно ставится задача перевести мечту о нравственном обществе «в практическую плоскость создания нравственного государства» [4.18, с. 14].

Глобальному обществу крайне важно сформулировать и утвердить единые базовые нормы и принципы права, следование которым, а не соображениям целесообразности, может гарантировать мир, свободу и справедливость. Задача усложняется тем, что у разных духовных цивилизаций, как и в разных религиях, понятия права и правосознание имеют отличия. В древности эти цивилизации соприкасались нечасто, в основном на полях сражений. Сегодня же, в условиях глобального общества, миру необходим консенсус по вопросу об основополагающих принципах права, правах и свободах человека. Но так ли эти различия велики, если в основе всего единые ценности: мир, свобода и справедливость? «Человечество должно возобновить свою тысячелетнюю работу над органическим примирением «царства Божия» с политическим строительством… из огня этой эпохи родится новая религиозность, новое правосознание и новый человек. Я думаю, что мы уже вступили в эту эпоху. И при свете этой идеи я расцениваю и осмысливаю всё то, что совершается вокруг нас», писал в последние дни своей жизни И. Ильин [4.7, с. 192].

Вновь история повторяется. Мир и прежде бывал в упадке. Так, управляемый «суверенным» развращённым и бездуховным меньшинством имперский Рим проложил сквозь земли и народы глобализующие каналы информационного обмена (латинский язык, культуру и администрацию), которые Иисусу и Его Апостолам суждено было наполнить Светом подлинной Веры и Духовности (глобальной цивилизационной альтернативой). Эти Вера, Духовность и основанное на них Право стали объединяющим (глобали-

зующим) началом для возрождённых и освобождённых народов Европы на многие столетия.

Общество, здоровое духовное большинство, объединённое социомедийной глобализацией, диалогом в глобальной сети Интернет, способно и должно породить подлинно демократическое всемирное движение активистов за разработку и принятие (глобальное одобрение) основных норм, «права народов», глобальной конституции на основе общих традиционных религиозных и духовных ценностей: мира, справедливости и свободы, соответствие которым будет определять правовой характер любого законодательства, национального и международного, – глобальную альтернативу бездуховному «новому мировому порядку».

Хочется верить, что сегодня с развитием технологий и ускорением процессов глобализации человечеству дарован уникальный шанс, глобальная цивилизационная альтернатива возрождения Веры, Духовности и подлинного исконного Права на глобальном уровне, господство (верховенство) которых станет основой долгой новой эпохи вечного мира.

ГЛАВА V.
ПРИСВОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В Главе V представлен анализ трансформации государства как социального института в условиях глобализации общества в разрезе властеотношений внутри его самого и общества с государством. В фокусе исследования находятся государственная власть и политика как предмет и метод присвоения ресурсов и эксплуатации общества. Отмечено, что основными условиями для «присвоения» государства финансово-политической элитой являются: замена исконного традиционного права законодательством, отказ от прямой общинной демократии в пользу представительства и парламентаризма, что нарушило принцип «корректирующего большинства» духовно здоровой основной массы общества, носителей нравственности. Высказывается предположение о способствовании социомедийной глобализации в сети Интернет за счёт расширения коммуникативного пространства формированию публичной сферы как дискуссионной площадки для создания права народов – глобальной конституции на основе общих традиционных ценностей человечества: мира, свободы и справедливости, а также о возможности посредством свободы коммуникации в Сети, электронной демократии и глобального движения активизма повлиять на смену вектора развития общества от политического противостояния и конкуренции к гармоничной кооперации и сотрудничеству и в итоге гарантировать возвращение обществу контроля над государствами.

Естественность и неизбежность формирования глобального общества, ускоряемая техническим прогрессом, вовлекает всё большее число отраслей человеческой деятельности в сферу глобализации. Это создаёт значительные сложности для регулирования таких общественных отношений на уровне отдельных государств и их объединений, союзов. Актуальным становится развитие над-

национальных институтов регулирования, формирование норм глобального права, права народов, конституции человечества. Данный процесс выражается в усилении международно-правовых норм и создании коллективных механизмов воздействия на их нарушителей, усилении международно-правовой ответственности государств и правительств. «В мире мысль о том, что справедливость означает уважение определённых универсальных прав человека, получает всё большее распространение и признание», – отмечает американский философ Майкл Сэндел [5.1, с. 21].

В этой связи перед человечеством открывается неизбежный выбор – глобальная альтернатива, в результате чего оно должно определить, каким образом и какие универсальные нормы и принципы будут положены в основу правовой системы вечного мира, а также как обеспечить соблюдение данных норм национальными правительствами.

Процесс интернациональной глобализации (объединения национальных государств в системы транснационального управления) унаследовал от внешней политики государств агрессивный конкурентный подход, что привело к формированию геополитических блоков (союзов), противостоящих друг другу в экономической, идеологической и военной сферах. Такая модель, характерная для большей части государств мира, привела к существенным непродуктивным затратам конкурирующих сторон, глобальному недоверию, коммуникативным барьерам и, что самое главное, к перспективе глобального разрушительного для всей цивилизации военного конфликта. Кроме внешних угроз, такой подход оказывает разлагающее воздействие на общества и государства, находящиеся во власти корыстных политико-экономических групп влияния, насаждающих идеологию блокового мышления, нетерпимости, изоляционизма, фундаментализма, ритуализирующих функции государств, подменяющих их бюрократией, погружающих общество в постмодерн.

Возникает феномен «ритуального» государства, «когда в связи с выходом из-под государственного контроля отдельных сфер

жизни общества регуляторные полномочия в этих сферах замещаются демонстративной деятельностью госаппарата, носящей показной, ритуальный характер. При этом необходимость существования тех или иных властных структур обосновывается обществу необходимостью совершения ими таких ритуалов и церемоний» [5.2]. Политические режимы подобных государств используют коллективные медиаритуалы, часто связанные с насилием и ритуальным террором, насаждают идеологию фундаментализма и изоляционизма, культ борьбы с врагом или войны.

Формируемая самоорганизующаяся глобальная коммуникативная среда и образуемая на её основе полноценная «публичная сфера» («открытая дискуссионная платформа» в терминологии Ю. Хабермаса [5.3, с. 81–82]), оказывают влияние на сложившуюся структуру управления обществом, на государственную и политическую сферы. Необходимо понять сущность и перспективу такого воздействия на базовый общественный институт – государство.

Властеотношения в современных государствах основаны на политическом процессе. У данного понятия есть множество определений: от аристотелевой «науки о государстве» до классового подхода Ф. Энгельса, считавшего политику, как и государство, инструментом борьбы «того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества» [5.4]. В широком смысле политика – это любая государственная деятельность, в предельно узком – любое участие в деятельности государства. Так или иначе, политика неразрывно связана с существованием и функционированием государства (или государств). Само же государство справедливо определено европейским теоретиком права Гансом Кельзеном через понятие «легального механизма и аппарата принуждения, легального насилия» [5.5, с. 77]. Г. Кельзен следовал философии М. Вебера, видевшего в государстве «отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [5.6, с. 19]. При этом, как отмечает философ и политолог Майкл Сэндел, «когда мы задумываемся о политике, мы думаем о компромиссах, позировании, особых интересах, коррупции» [5.1, с. 190].

Как во внутренних, так и в межгосударственных отношениях задача любой политики – подавление и эксплуатация с целью присвоения ценностей и ресурсов.

Таким образом, её можно определить как конкуренцию за власть над обществом посредством легальных механизмов насилия и принуждения, именуемых государством, для подавления и эксплуатации общества с целью присвоения ценностей и ресурсов. Субъектом политики являются организованные группы (организованное меньшинство), а объектом – государственная власть, осуществляемая путём насилия (или угрозы его применения). Именно её, власти, присвоение и удержание можно считать конечным проявлением самой политики (как борьбы за власть и господство), а закономерным «продолжением политики», «политических отношений», по мнению классика военной теории Карла фон Клаузевица, является война [5.7, с. 25], справедливо названная И. Кантом тягчайшим преступлением, грозящим человечеству «гигантским кладбищем» [5.8, с. 262].

Точно сущность политики выразил Чарльз Линдблом, американский политолог, автор концепции «полиархии»: «В рамках неупорядоченного процесса, называемого политикой, одни люди стремятся к власти и борются за неё, а другие стремятся к контролю над теми, кто находится у власти… Люди борются за власть, за контроль над людьми и богатством, которое приходит с властью, за контроль над формальными организациями и особенно за руководство военными и государством… Борьба принимает любые формы, им нет конца. Наряду с обменом и убеждением власть сама участвует в борьбе за власть» [5.9, с. 90–91].

Следствием данной формулы «участия власти в борьбе за власть» является очевидный факт противостояния между обществом и государством, существование проблемы «противодействия государства участию общества в осуществлении государственной власти, которая принимает за него решения» [5.3, с. 19]. Парадокс заключается в постоянном стремлении общества, формально создавшего государство для защиты своих интересов,

ограничить или контролировать государственную власть, подавляющую общество и навязывающую ему свою волю. При этом декларативно государство как общественный институт служит обществу. В связи с этим ещё К. Марксом в XIX в. была выдвинута идея о «присвоении государства» классом бюрократов, имеющих «государство в своём обладании» [5.10], и о «доказанности» и «узаконенности» «противоположности между государством и гражданским обществом» [5.10], о бюрократах, сознательно подменивших «реальное» государство «мнимым» [5.10], превратившим его в «правительственную машину, или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм» [5.11]. К. Маркс впервые ещё в конце XIX в. поставил вопрос о «возвращении государства обществу» [5.10].

Можно ли сделать вывод, что фактически государство, порождённое обществом, обществу уже не принадлежит и, более того, противостоит ему?

Ответ на данный вопрос возможен только в рамках понимания того, кто и каким образом контролирует данный общественный институт. Если таким субъектом не является собственно всё общество, то можно ли рассматривать современное государство как «присвоенный» институт?

Само возникновение государств из обществ древности неразрывно связано с политикой. В руководствовавшихся исконным традиционным правом и самоуправляемых посредством прямой демократии (сходов, собраний, форумов) общинах прошлого возникло социально-экономическое неравенство, которое со временем осуществило переход в политическую плоскость. Военное лидерство и экономическое превосходство были превращены в политическую власть. За счёт военной чрезвычайщины и инфраструктурных ограничений при управлении значительными завоёвываемыми территориями были созданы условия для замены господствовавшей в общинах прямой демократии властью военной аристократии и немногочисленных сословных представителей.

Это означало начало политической трансформации общинной демократии – власти здорового большинства во власть немногочисленной элиты, начало процесса присвоения государства организованным политическим меньшинством, стремящимся к незаконному стяжательству благ и эксплуатации сограждан.

Первоначально управление обществом продолжало строится на основе традиций и исконного права, источником которого были духовные, нравственные и религиозные доктрины, формально высшая власть признавалась за Богом и религиозными объединениями. Однако постепенно немногочисленная элита утрачивала связь с общиной и естественное чувство исконного права и справедливости. Деградация духовных начал, уход от нравственной традиции как «гена Бога» легко возвращает человека к низшим законам животного мира – конкуренции за ресурсы и выживание. По словам русского физиолога И. Павлова, «человеку, происшедшему из зверя, легко падать» [5.12]. В разрезе политического знания предметом конкуренции является власть, обеспеченная государственным аппаратом, обладающим возможностью легального насилия и эксплуатации. При таком подходе смыслом политики неизбежно становится первичная конкурентная «борьба всех против всех» (omnium contra omnes) ради выживания сильнейшего, описанная Т. Гоббсом в его «Левиафане» [5.13, с. 86].

Попыткой естественно-научного обоснования политической конкуренции можно считать идеи социал-дарвинистов, прямо переносящих законы борьбы за выживание в животном мире на человеческое общество, неизбежным следствием которого стала расистская идеология борьбы за жизненное пространство. Такой примитивный редукционистский мальтузианский (по имени британского экономиста и демографа Т. Мальтуса, видевшего в росте населения угрозу дефицита ресурсов) подход к развитию общества не имеет под собой серьёзных оснований, так как не учитывает принципиально иной – духовный и творческий – потенциал личности разумного человека. Не наделённые разумом, способностью к познанию и изменению мира Творцом (или природой),

животные организмы вынуждены ради выживания конкурировать за данные им природой среду обитания и жизненные ресурсы. Человек же, наделённый разумом, способен в рамках общественной кооперации, познания мира осваивать новые пространства и изыскивать новые ресурсы, трансформировать среду под свои потребности. Успех такого творческого развития общества напрямую зависит от равного, открытого и честного коммуникативного взаимодействия индивидуумов, от кооперации, общения и разделения труда. Утрата понимания этого свойства человека и скатывание к естественному отбору и агрессии – есть главный признак духовной деградации личности, или, как метко говорят в народе, – «оскотинивания» (потакания животным инстинктам, «внутреннему зверю» и даже буквально демонстрации звероподобного поведения, звериной агрессии [5.14, с. 92, 183]).

Истоки этого явления современная криминология и психиатрия видят в проявлении архетипических механизмов психики, полагая, что в сознании цивилизованных людей продолжает жить «какая-то часть психики дикаря», ответственная за агрессию, насилие и ненасытное присвоение [5.14, с. 185]. Такое «отрицание цивилизации» (её ценностей: мира, свободы и справедливости), такой «регресс к дочеловеческой стадии развития», когда человек «ещё не знал ни религии, ни нравственности», а выживание гарантировалось только степенью агрессии, современная наука называет «регрессом психики», «синдромом возвращения (одичания)» [5.14, с. 92, 184].

Таким образом, побудителем политической борьбы является агрессия, коренящаяся в животной природе человека, когда такая природа не связана нравственными и духовными принципами цивилизации. А корень данной агрессии, как и у всякого без меры плодящегося животного, следует искать в желании преодоления глубинного, примитивного страха перед неизбежным концом бытия, в попытке «закрепиться» в земной жизни, материальном мире за счёт безграничного (сверх возможности потребить) присвоения благ и власти над ценностями и людьми. К таким выводам на

основе работ К. Лоренца и Э. Фромма приходит современный учёный-криминолог Ю.М. Антонян в своей работе «Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди» [5.14, с. 37, 97–98, 109, 218].

Надо сказать, что истоки такого экзистенциального ужаса кроются в отсутствии у конкретных индивидов духовности и нравственных начал, это подтверждает, что человек без Веры в душе – только лишь высокоорганизованный зверь. Именно Вера и духовность сотворили нашу цивилизацию, став главным – духовным – этапом эволюции человека, вершиной которой является не собственно «Homo Sapiens», а Сын Божий.

Следовательно, политика как животный «естественный отбор», безграничная насильственная конкуренция за власть и право присвоения представляется проявлением агрессии, своекорыстия, алчности и несправедливости (аристотелевой (πλεονεκτες) «плеонексии»: несправедливого «присвоения "чужого" блага (материального или иного)», «позорной наживы», «несправедливого распределения должного» [5.15]. Американским философом-либералом Дж. Ролзом в его «Теории справедливости» плеонексия (захват чужого недолжным образом, своекорыстие (πλεονεκτες)) названа прямым антиподом естественной справедливости [5.16, с. 19]. Таким образом, следуя Аристотелю и Дж. Ролзу, утратившее чувство справедливости и конкурирующее за власть деградировавшее меньшинство справедливо именовать «плеонексерами». Суть такого, якобы естественного и выгодного поведения, противного справедливости, изложена ещё в доводах персонажа Платона – Фросимаха, спорящего с Сократом в книге Платона «Государство»: «Обладание властью даёт большие преимущества… насколько всякому для себя лично полезнее быть несправедливым, чем справедливым… Такова тирания: она то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит, – храмовое и государственное имущество, личное и общественное, – и не постепенно, а единым махом. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим

позором… Если же кто мало того что лишит граждан имущества, ещё и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость…достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности.., несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе…» [5.17].

Безусловно, такой плеонексерский «фросимахов» подход можно было бы считать естественным, только если речь бы шла исключительно о животном мире.

Источником справедливости Дж. Ролз, опираясь на теории общественного договора философов эпохи Возрождения Дж. Локка [5.18] и Ж.-Ж. Руссо [5.19], а также на предположения И. Канта (который, правда, признавал его лишь абстрактной «идеей разума») [5.8], считал общественный договор, возникший в древнем доклассовом обществе, «исходное соглашение (исходный контракт)», заключённый древними людьми в условиях первичного общества («исходного положения»), когда в обществе не было социального и экономического неравенства и все его члены были озабочены исключительно достижением совместного общественного блага [5.16, с. 19–20, 26]. Так, Ж.-Ж. Руссо следует Аристотелю, который в «Никомаховой этике» прямо определяет право как «законное и справедливое» («правосудность»), противопоставляя общественное благо «неправосудности», своекорыстию («плеонексии») [5.15]. Очевидно, что под правом – «законным и справедливым» – Аристотель подразумевал именно исконное, традиционное право, возникшее на заре общества на основе положений «исходного соглашения» в условиях Золотого века. Это подтверждается тем, что уже в «Никомаховой этике» различаются понятия «право» и «государственное право». Первое тождественно справедливости (исконное право), а второе необходимо «для участвующих в общей жизни ради самодостаточного бытия» (принятые

в соответствии с исконным правом правила жизни в обществе на основе равенства граждан [5.15], впоследствии названные нобелевским лауреатом Фридрихом Хайеком «nomos» и «thesis» соответственно) [5.20, с. 145].

Таким образом, явственным становится механизм выражения и закрепления естественной (Божественной или генетической) природной потребности человечества в мире, свободе и справедливости, в нормах естественного исконного традиционного права, возникших через «исходное соглашение» (Ролз) [5.16], «общественное соглашение» (Руссо) [5.19], «публичное соглашение» (Кант) [5.8], «публичное мнение» (Гегель) [5.21] при зарождении социальной кооперации на заре человеческого общества.

Формирование самого общества (в понимании доктрины немецкого философа Юргена Хабермаса «публичной сферы» [5.22]) Ж.-Ж.Руссо видел в договоре, «статьи которого определены самой природой», в рождении нового субъекта, именуемого Государством, «когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою при сопоставлении его с ему подобными» [5.19, с. 208–209]. Согласно И. Канту, в условиях демократических «актов публичной воли», а также основанного на религии и традициях «природного фундамента правового состояния» [5.8], «в рамках состояния всеобщей нормированности (которая объединяет гражданское устройство и вечный мир в «совершённый справедливый порядок») природный (животный) закон господства (захвата, плеонексии) уступает место господству правового (справедливого) закона» [5.8]. В терминологии Ж.-Ж. Руссо это «производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер» при переходе к «гражданскому состоянию» [5.19, с. 212].

Соглашаясь с вышеизложенным, возможно исходить из подтверждённой современной наукой природной, или Божественной, потребности человека в справедливости, мире и свободе, отражённых в нормах традиционного, исконного естественного права

(nomos), которое, по мнению Ф. Хайека, только таковым, правом, и является [5.20, с. 91, 100, 107, 202].

Заложенным самой природой и опытом тысячелетий механизмом верховенства (господства) традиционного исконного права является естественная прямая демократия, когда преобладающая масса духовно полноценных личностей, носителей «гена Бога», своим большинством гарантирует принятие норм и решений в соответствии с данными основополагающими естественными принципами бытия. При этом заведомо меньшее число деградировавших, в ком данные принципы утрачены, подавлены обычной животной конкуренцией и агрессией (по Аристотелю, – «плеонексией», вызываемой неразумной «звериной» стороной души (или архетипом [5.15])), неизбежно оказываются в меньшинстве и не влияют на принимаемые общиной нормы и решения. Как говорит о подобных деградантах Платон устами Сократа, «когда подобного рода людей в государстве немного, а все прочие мыслят здраво, те уезжают в чужие земли, служат там телохранителями какого-нибудь тирана или в наёмных войсках, если где идёт война. Когда же подобные вожделения проявляются у них в мирных условиях, то и у себя на родине они творят много зла, хотя и по мелочам» [5.17, с. 53].

Следовательно, в условиях прямой публичной естественной демократии здоровое нравственное и духовное большинство граждан при принятии государственных решений обладает естественной корректирующей способностью в пользу мира, свободы и справедливости. Назовём это принципом «корректирующего большинства». Данный принцип не нов в биологии земной жизни. Гарантиями его проявления в обществе выступают: массовость (прямая демократия), равенство участников и публичность (открытость, гласность, личная ответственность перед общиной), а также стабильность (неизменность) традиционных норм права, обычаев и устоев.

В свою очередь в политической (конкурентной, животной) среде коренятся условия для плеонексии: малочисленность или даже

индивидуальность при принятии законодательных норм и управленческих решений; заведомое неравенство голосов, когда возникает власть деградировавшего меньшинства (элитарность); неподконтрольность и неподотчётность правителей и парламентариев обществу; закрытый и тайный характер принятия управленческих решений, когда можно легко избежать личной ответственности за безнравственные действия и нечестность, и главное – отсутствие верховенства норм традиционного исконного права и стабильных духовных традиций. В этих условиях закон «корректирующего большинства» неизбежно срабатывает только при насильственной смене деградировавшей и несправедливой власти меньшинства обществом при восстаниях и революциях, что многократно доказано историей.

Современная наука задаётся вопросами: как механизм присвоения власти плеонексерской элитой стал столь успешным и что позволило ей подчинить себе общество, присвоить государство? [5.23, с. 25–26, 28].

Предметом политической конкуренции стала борьба за контроль над государством – организованным аппаратом принуждения и легального насилия, который был необходим плеонексерам для силового подавления естественного общественного недовольства эксплуатацией, несправедливым присвоением и распределением социальных благ.

Первоначально религия и Церковь, остававшиеся глобализованными и подлинно народными, провозглашались высшей инстанцией и источником государственной власти. Инструментом же борьбы за возможность присвоения чужого (эксплуатации других) между зарождающимися группами элиты стала политика, борьба за легальный ресурс насилия в виде государственной власти. На этом этапе политика ещё оставалась «общественной работой по совместительству» [5.3, с. 278].

Так завершился первый этап политической трансформации общества, присвоения государства. Он характеризовался переходом от естественной прямой неполитической демократии к наслед-

ственному правлению и сословному представительству, власти организованного меньшинства, созданием силового аппарата эксплуатации и подавления общества. При этом формально источниками власти ещё признавались Творец и Церковь. Для Европы это было характерно в эпоху Средневековья.

Вторым этапом политической трансформации, присвоения государства (XVI–XVII в.) можно назвать переход к абсолютизму на основе доктрины суверенитета с постепенным огосударствлением или отстранением от власти над обществом транснациональных религиозных объединений – «вестфальское» государство [5.24]. В навязанной обществу политической парадигме социум (или первоначальная община) как единая коммуникативная среда и публичная сфера перестал существовать в условиях экономического и сословного разделения на изолированные и не связанные доверием группы. В этих условиях подлинное народное правотворчество стало невозможным в силу расслоения общества, появления групповых интересов и отсутствия единой коммуникативной среды и публичной сферы. Существенным импульсом для развития этого процесса стал отказ от верховенства (господства) традиционного религиозного права в пользу законов, издаваемых лично суверенными правителями – монархами.

Первоначальная «публичная сфера» была «подменена ритуальной репрезентативной публичностью монархов и аристократов» [5.3, с. 56–57], которые заместили её демонстрационными ритуалами, собственно превратив в них и саму власть.

Третий этап политической трансформации общества, присвоения государства пришёлся на XVIII – начало XX века, когда первоначальная аристократическая и феодальная элита, утратившая связь с обществом, перешедшая от традиционного права к законодательному произволу и отказавшаяся от принципов свободы, справедливости и равенства, была свергнута посредством буржуазных революций, декларировавших ценность свободы, равенства (справедливости) и братства (мира).

Ещё в середине XIX века британский философ Дж. Милль предположил, что «современными средствами коммуникации (тогда печатными СМИ) будет построен нематериальный форум мнений, посредством которого общественно значимые вопросы будут выноситься на публичную арену, а политики и институты будут подчинены суждению публики» наподобие античных форумов и собраний [5.25]. Это стало возможным благодаря формированию «буржуазной публичной сферы», коммуникативной и дискуссионной среды, связанной печатной литературой и независимой прессой, этот процесс «генезиса буржуазной публичной сферы» детально описан Ю. Хабермасом в работе «Структурное изменение публичной сферы» [5.3, с. 63–77]. Далее, воспользовавшись доктриной «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо [5.19], правда, более в понимании теории «народного абсолютизма» немецкого правоведа Карла Шмитта [5.26], нарождающиеся финансово-промышленные группы влияния при помощи коррупции в представительной демократии и профессиональной бюрократии вновь присвоили себе политическую власть и государство через «приватизацию публичной сферы» [5.3, с. 220, 246, 253–254, 279–280, 292] путём финансовых вливаний в избирательные кампании, рекламу, подкупа чиновников и превращения выборов и голосований подконтрольными им широковещательными СМИ в медиашоу (медиатизация политики). «Правильнее было бы сказать, что верховная власть достаётся тому, у кого есть деньги, – этот инструмент влияния значительно проще контролировать, чем оружие в руках рядового полицейского или солдата.., деньги в политике не только говорят; они шепчут, как заговорщики, или, напротив, кричат столь громко, что заглушают все прочие голоса»,– справедливо отмечает Ч. Линдблом [5.9, с. 94].

Собственно явлениям «трансформации публичной сферы», «приватизации общества», «интервенции» посредством рекламы и пропаганды в публичную сферу государства, которое унифицировало свои интересы с буржуазными группами влияния, посвящена фундаментальная работа Ю. Хабермаса «Структурное изменение публичной сферы» [5.3, с. 220, 246, 253–254, 279–280,

292]. В ней детально исследуются процессы слияния государственной и общественной бюрократии, «подмены народного волеизъявления заседаниями «партийных чиновников» (обозначенные К. Шмиттом) [5.26], «превращения парламента из дискуссионного объединения в демонстрационное» (ритуальное) [5.3, с. 282].

Используя «общественное мнение как единственный базис для легитимации политического господства» [5.3, с. 318], присвоившие государство финансовые группы влияния, вопреки мнению Ю. Хабермаса, не подчиняют себе общество (реальную публичную сферу), а, скорее, используя широковещательные подконтрольные им пропагандистские СМИ, проплаченную партийную и общественную бюрократию, медиаритуалы, создают в публичном информационном пространстве искусственный клон (копию) реальной публичной сферы (мнимое общество или государство, следуя логике К. Маркса). Данное формируемое медиапропагандой «квазиобщество» служит исключительно для некритического одобрения действий власти, в его рамках имитируются общественная инициатива и обсуждение, происходит одобрение заданной властями повестки, а нужные результаты транслируются обществу подконтрольными СМИ в расчёте на их восприятие конформистской частью общества как общепринятых (принятых всем обществом), что именуется их «социальной адаптацией». Именно с такой «квазипубличной» сферой предпочитает иметь дело присвоенное государство. Реальное общественное мнение в данном случае игнорируется или официально объявляется маргинальным. Здесь уместно вспомнить высказанную К. Марксом идею о «мнимом» государстве наряду с «реальным» и применить её к обществу [5.10].

Объектом подмены становится и духовность. Церковь как носитель традиционного права и ценностей была окончательно отстранена от управления обществом через доктрину «свободы совести» и «светского государства». Подлинная Вера была подменена государственной идеологией, квазирелигией, где объект поклонения – уже не Бог, а государство и его лидеры. Подлинные исторические

традиции народов в этих условиях также заменяются историческими мифами, когда история народов искусственно превращается пропагандой в историю правителей. Традиционное исконное право подменяется понятием произвольного закона (доктрина позитивизма), когда формально правом считается любой акт, изданный государственными органами.

Инструментарием такой подмены являются: идеология (как эрзац-религия); ритуалы и бюрократия; физическое насилие, которое, будучи публичным, также носит ритуальный характер (ритуальный террор, культ войны), законодательный произвол и исторический миф. Также для подчинения большинства правящей плеонексерской элите широко используется злоупотребление государственным насилием, уголовным преследованием, когда преступлением, влекущим уголовное наказание, объявляется любая деятельность, не угодная правящим кругам. Тогда как истинным преступлением может и должно считаться исключительно нарушение запретов, установленных исконным правом и духовной традицией (nomos, по Ф. Хайеку [5.20]). Остальные случаи нарушения принимаемых властью законов и распоряжений, особенно о порядке управления, возможно, необходимых и полезных (thesis, по Ф. Хайеку [5.20]), правильно было бы относить к административным проступкам, влекущим соответствующий вид ответственности. Несомненно, что в будущем перечень уголовно наказуемых деяний должен быть единым, глобальным, чтобы обеспечить универсальный подход к защите прав личности от необоснованных преследований и злоупотреблений национальных властей.

Таким образом, механизм присвоения государства плеонексерским меньшинством заключается в подавлении принципа корректирующего большинства за счёт ограничения естественной прямой демократии (доступа граждан к обсуждению и решению вопросов управления) путём последовательной подмены: духовности идеологией, традиций – историческими мифами, исконного права – законодательным произволом, общества – «квазиобще-

ством», государственного управления – медиаритуалами, управленческими ритуалами (бюрократией) и ритуальным террором.

Именно это можно назвать торжеством политики как плеонексии и результатом подлинного присвоения государства. В политической парадигме интересы общества подменены интересами плеонексерской элиты, подаваемыми пропагандистскими широковещательными СМИ как интересы государства, народа или нации. Окончательно разделённому обществу навязываются искусственные идентичности и антагонизмы. В полной мере реализуется римский имперский принцип «Разделяй и властвуй!».

Особое место в системе присвоения власти и прав на эксплуатацию занимает система представительства. Учреждённая первоначально как институт обратной связи с сословиями при главе Церкви или монархе, в условиях доктрины «народного суверенитета» и медиаритуализации выборов широковещательными СМИ представительная демократия превратилась в узаконенное лобби финансово-промышленных групп, различных по благосостоянию, социальному статусу и политическому влиянию. Этому способствовала непрозрачность, кулуарность и закулисность (непубличность) обсуждения и принятия законов, а также тайное голосование на выборах и в парламентах. Отсутствие публичности и открытости в политике и бюрократической системе открывает небывалые перспективы для должностных злоупотреблений и коррупции. Современный политический философ и историк Н. Урбинати отмечает: «Как утверждает железный закон олигархии, политика – это искусство меньшинства, а не большинства. Однако привычка людей к подчинённости доходит до крайности вместе с представительной демократией» [5.27, с. 32]. Французский философ Бернар Манин в работе «Принципы представительной демократии» утверждает, что современные «избиратели – аудитория зрителей, которые реагируют на условия и образы, представленные на политической сцене посредством вещательных СМИ, следовательно, такую форму представительной власти можно называть “демократией аудитории”» (применяется ещё

термин «аудиторная демократия», когда избиратели не ведут диалог, обсуждение программ с кандидатами, а голосуют за их образ, транслируемый СМИ) [5.28, с. 223]. При этом «демократия без общественного мнения – это противоречие в определении», – доказал Г. Кельзен в работе «Общая теория права и государства» ещё в 1961 году [5.29].

Несвязанность законодателей исконным правом, духовностью и нравственной традицией открыла «врата ада» для политического произвола, что стало основой чудовищных тоталитарных режимов и кровавой мировой войны в первой половине XX века.

Особенностью данного «государствоцентричного» этапа развития общества является то, что высшей формой организации социума являются национальные государства, признание их суверенитета абсолютно, нормы международного права не носят всеобъемлющего и обязательного характера, существует замкнутость коммуникативного пространства внутри государств с подменой публичной сферы её искусственным «клоном».

Четвёртым «транснациональным» этапом политической трансформации общества можно назвать период с середины до окончания XX столетия. Исчерпание неосвоенных ресурсов и территорий, взрывное развитие мировой торговли и коммуникаций, формирование международного финансового рынка привели к интернационализации групп влияния, концентрации в их руках сырьевых, промышленных и финансовых ресурсов. Это позволило международным группам влияния, используя подкуп и лоббизм в представительных органах и бюрократических кланах национальных государств, фактически подчинить присвоенные ими государства интересам уже глобализованных международных групп (транснациональных корпораций), объединивших свои усилия с криминальным миром и «интернационалом» спецслужб в деле окончательного присвоения государств. «По меркам уровня расходов или количества служащих некоторые корпорации оказываются больше ряда государств мира. Они располагают весьма значительной властью. Их рыночные операции иногда оказывают

решающее воздействие на те или иные государства – особенно это относится к угрозам свёртывания операций, если государство не выполняет их требования. Кроме того, корпорации становятся самыми важными факторами политической жизни. Им разрешается тратить на политическую деятельность гораздо больше средств, чем в состоянии потратить прочие граждане. Таким образом, они получают возможность выбирать кандидатов, поскольку без их финансовой поддержки никакой потенциальный кандидат не смог бы участвовать в избирательной кампании. Они финансируют массовые пропагандистские кампании, которые формируют общественное мнение», – говорит Ч. Линдблом [5.9, с. 4–5]. Так значительная часть мира подпадает под контроль «глобальной олигархической власти» [5.30].

Надо отметить, что нарождающимся глобальным обществом в этот период для противодействия диктату глобальных групп влияния были созданы транснациональные системы управления и безопасности, укреплён и развит институт международного права, учреждены нормы глобального действия в области прав и свобод человека. Человечеством на основе трагического опыта государственного произвола тоталитарных государств XX века осознана необходимость формирования основных норм, «принимаемых всеми в перспективе каждого» [5.22, с. 99], глобального права, регулирующих права и свободы человека и основы правоотношений на мировом уровне. К сожалению, как констатирует Ф. Хайек, и этот процесс в свою очередь стал жертвой политической парадигмы, противостояния геополитических блоков государств, преследующих свои интересы при разработке и принятии таких норм [5.20, с. 470]. Захваченные группами влияния «ритуальные» государства уклоняются от данного процесса, проповедуя политику изоляционизма и фетишизируя свой суверенитет. Решение же вопроса формирования глобальных норм силовыми методами создаёт угрозу навязывания миру воли «сильных игроков», государств-гегемонов вопреки интересам отдельных обществ и государств, создания мирового сверхгосударства, что

откроет путь к глобальной диктатуре, обеспеченной возрастающими возможностями научно-технического прогресса.

Фактически к концу XX века политическая трансформация общества и присвоение государств завершились. Этому немало способствовал процесс навязывания государственности (или шаблона государства) и политической парадигмы развивающимся обществам, освободившимся от колониальной зависимости на протяжении прошлого столетия. Собственно, предметом навязывания в первую очередь был капиталистический уклад экономики, совместно с которым экспортировались политика и тип государства, по мнению известного социолога И. Валлерстайна, способствующий «поляризации населения на тех, кто живёт присвоением прибавочной стоимости (на буржуазию), и на тех, из кого прибавочную стоимость выжимают (на пролетариат)» путём создания правовых механизмов [5.31, с. 212]. Благодаря этому многие народы взамен первичной общинной демократии и исконных правовых традиций получили в наследство от колонизаторов неразвитые, несостоятельные «ритуальные» государства во главе с плеонексерской клептократической бюрократией и откровенно криминальной политической верхушкой, которые правильнее было бы назвать государствоподобными образованиями, неизбежно попавшими под влияние глобальной олигархической власти. Навязывание политической парадигмы лишило народы права на достойную историческую альтернативу. Надо отметить, что свежий и живой общинный дух и верность традициям во многих из них сегодня породили подлинный народный протест политической трансформации. Человечество обязано осознать, что никакой государственный суверенитет не должен попирать естественные права народов на свободу, мир и справедливость, только тогда из «союза держав» мир превратится в «союз народов», как и было изначально.

В этой связи интересен опыт построения советского государства – СССР. Организованная марксистами революция в полной мере использовала против плеонексерской аристократической

элиты энергию здоровых народных масс, стремившихся к построению справедливого общества на основе гражданского равенства, традиционной общинной демократии и честного распределения [5.32а, с. 162, 164, 176]. По замыслу революционеров, роль власти в новом обществе должна была быть гарантом данных принципов. Тотальное перераспределение и обобществление собственности отчасти вернуло общество в своеобразное «первоначальное (исходное) положение», положение единой общины [5.32а, с. 15, 54]. А система народного представительства (советы народных депутатов) напоминала неполитическую исходную общинную прямую демократию, «отвергающий конкуренцию партий» народный сход («собор»), не место для конкуренции, а форум для поиска «правды». Образуемые ими «исполкомы» (исполнительные органы) всецело признавали власть советов как волю суверена-народа [5.32а, с. 419–420]. Традиционные принципы равенства, свободы и справедливости были в полной мере декларированы в конституциях советских республик [5.32а, с. 491]. Главной ошибкой революции стало сохранение политической власти в виде господства коммунистической партии и конкурентной борьбы партийной элиты за эту власть. Сразу после смерти В. И. Ленина – вождя и идеолога революции – идеи всеобщего равенства пали жертвой вождистской плеонексии партийной элиты, захвата власти, чудовищной диктатуры и вождизма. Это стало возможно благодаря подмене прямой народной демократии советов властью партийного аппарата и его карательных органов с чрезвычайными полномочиями, права – законодательным произволом, когда «Конституция 1936 г. определила источником права закон…, а на деле постановление СНК СССР (правительство) и ЦК ВКП(б) (высший исполнительный орган компартии) приобретали силу закона» [5.32а]. При этом закон стал «орудием государства», которое «не было связано правом», «оно было самодержавным». В условиях такого диктаторского «самодержавия» «любая жестокость и произвол государства выглядели правовыми», – констатирует известный исследователь советского периода С.Г. Кара-Мурза [5.32а, с. 497].

Здесь мы видим классический случай присвоения государства и подмены права законодательным произволом, что позволяет рассматривать сталинский период как период узурпации и диктатуры. Данный факт был общепризнан в СССР по результатам XX съезда компартии, осудившего это явление. Попытки реформировать политическую диктатуру в СССР на первоначальных принципах прямого народовластия были предприняты обличившим сталинизм Н.С. Хрущёвым, что привело к ренессансу модерна и расцвету советского общества в 60-х годах XX века, когда многими в мире советский образ жизни полноценно рассматривался как достойная глобальная альтернатива [5.32а, с. 7, 165–166; 5.32б, с. 31, 35].

Советские идеи социального народного государства существенно повлияли не только на постколониальный мир, но и на развитые общества, заставив поднять на достойную высоту стандарты жизни людей, способствовав возникновению системы социального перераспределения благ. Так, в 1970-х годах идеи социальных «компенсаций» Аристотеля обрели смысл «компенсационной справедливости» в теории справедливости Дж. Ролза [5.16, с. 196]. Увы, новый политический переворот и господство партийно-бюрократической элиты, выродившейся вскоре в алчную плеонексерскую верхушку, положили конец не только идеям здорового соборного общества, но и самому СССР. Мировыми финансово-политическими кланами всячески поддерживался и приветствовался такой процесс как способ уничтожения возможной глобальной альтернативы мирового развития [5.32а, с. 7, 165–166].

В сущности, советский проект предлагал обществу возврат к прямой демократии (взамен парламентаризма и представительства, насколько это было технологически достижимо), а «Моральный кодекс строителя коммунизма» представлял собой концентрированное выражение традиционного права. Собственно, первоначальная ленинская «партия нового типа», уничтоженная Сталиным, была куда ближе к активизму, чем к классическому парламентаризму. После ликвидации всех политических

движений в СССР ошибкой было сохранение всевластия компартии (даже после периода диктатуры) как политической силы, которая и послужила «детонатором» распада советского общества через запуск внутренней политической борьбы. Урок для общества состоит в том, что инициатором антиполитических преобразований не может быть политическая партия или лидер-политик, это дело суверена-народа, союза верующих активистов и религиозных движений, их объединяющих, которые не готовы «служить двум богам». Или, как сказано в Священном Писании: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Новый Завет. Мф. 4:10.).

Борьба здорового корректирующего большинства с плеонексерской элитой на протяжении человеческой истории носит цикличный характер.

Первичная общинная демократия полисов была подавлена империями древности. После их распада общество вернулось к демократии и традициям через авраамические (аврамистические) транснациональные религии и общинное самоуправление в Средневековье.

Результатом очередного плеонексерского натиска на общество стали абсолютизм и власть аристократии. Образованная буржуазным обществом публичная сфера сломила межклассовые барьеры и свергла абсолютизм революционным путём (сработал принцип корректирующего большинства).

Описанная Ю. Хабермасом «трансформация буржуазной публичной сферы» в XIX–XX веках стала очередным этапом присвоения государств и подавления общества [5.3].

Следуя этой логике, нетрудно заметить, что восстановление естественной прямой демократии и исконных правовых традиций всегда связано с возникновением новой коммуникативной среды, зарождающейся в ней публичной сферы, интернациональной и неподконтрольной государственному аппарату (транснациональная религия или свободная пресса). Такая глобальная самоорганизующаяся сфера общения неизбежно (по принципу корректирующего

большинства) тяготеет к естественным принципам мира (терпимости), справедливости (равенства) и свободы (демократии), заложенным в личности изначально.

Именно такой исторический шанс даёт обществу социомедийная глобализация на основе социальных сервисов в сети Интернет и её дальнейшее развитие в виде виртуальных коммуникативных площадок – метавселенных. Движимые оптимизмом, авторы этих сервисов обещают строить их на основе мира, свободы и справедливости.

Но даже эта абсолютно новая глобальная публичная сфера XXI века находится под угрозой. Следующим этапом политической трансформации становится вторжение в неё бизнеса и политики. Предпринимаются попытки колонизации киберпространства «крупными игроками», как правило, группами влияния и отдельными государствами, их блоками. Превращение глобальных информационных сервисов и дискуссионных площадок в сети Интернет в поле политической и идеологической борьбы, «театр военных действий», использование их как кибероружия способны породить конфликты и ненависть мирового масштаба. Очевидно, что это усиливает угрозу глобального военного конфликта и самоликвидации человечества, чему способствуют и попытки создания систем тотального контроля за личностью в Сети, включая её поведение и сознание, – «цифрового концлагеря».

Образование планетарного супергосударства с глобальным господством какой-либо выродившейся плеонексерской элиты, основанным на обеспеченном высокими технологиями тотальном подавлении и контроле личности, – прямой путь к вырождению и гибели человечества.

В основе любого господства и эксплуатации лежит разделение общества на основе искусственной идентичности, противопоставление его членов в рамках политики, усиливаемое пропагандистскими установками подконтрольных элите широковещательных (дающих односторонний поток информации) масс-медиа.

Следствием присвоения государства, наряду с его ритуализацией и подменой публичной сферы квазиобществом, является отчуждение социума от участия в управлении его делами, отсутствие обратной связи между властью (государством) и обществом. Возникает феномен «демократии аудитории» (демократии зрителей), когда общество является лишь потребителем медиаритуального шоу, транслируемого широковещательными СМИ. В таких условиях «мнимое государство» [5.10] тождественно правящей элите, всё меньше зависящей от населения, его мнения и демократических процедур (выборов, референдумов, голосований), итоги которых в бесконтрольной искусственной «квазиобщественной» среде легко фальсифицируются. В таких условиях можно говорить не просто о присвоенном государстве, а о государстве «отчуждённом».

У этого феномена есть и экономические предпосылки. Так, обычное государство в экономическом смысле опирается на налоговые поступления от достигнутых населением экономических успехов, априори заинтересовано в развитии экономики, повышении производительности труда и в конечном итоге – в качестве жизни и численности работающего населения. Однако история знает иные примеры – колониальные империи, источником доходов которых были завоевания и разграбление покорённых народов. Они рассматривали такие народы только как источник доходов, не давали им гражданских прав и свобод. Но даже в этом случае империи нуждались в покорённых народах как в объекте эксплуатации.

В современном же мире возникает уникальная ситуация. Ярким примером могут послужить страны Ближнего Востока, чей бюджет и доходы формируются преимущественно от экспорта ископаемых энергоресурсов (нефти, природного газа), для добычи и экспорта которых не требуется труд большинства населения страны. В странах с такой «сырьеномикой» граждане, как правило, получают безусловный основной доход, формируемый из природной ренты добывающих компаний. В этих условиях в силу традиции

и социальной ответственности государство просто оплачивает лояльность населения, не нуждаясь в результатах его труда и поддержке. Надо понимать, что в данном случае речь идёт о странах с малочисленным населением и высокими доходами. Уже в этой ситуации можно говорить об отчуждении народа и государства, которое, как правило, представляет собой восточную монархию с наследственным правлением и родовой элитой.

Но есть и другой яркий пример. Это Сирийская Арабская Республика – нефтедобывающее государство, в котором за 11 лет гражданской войны практически разрушена экономика и в виде погибших и беженцев потеряна пятая часть населения. Существующее правительство этого государства слабо контролирует свою территорию из-за открытого вмешательства во внутригражданский конфликт иных государств и их вооружённых формирований («свои войска на её территории открыто держат Россия, Иран, Турция и США, десятки стран вовлечены в войну через различные военизированные и политические группы, которым они оказывают поддержку» [5.33]). Однако правительство САР продолжает действовать без необходимости в какой-либо выраженной поддержке бедствующего и «тающего» населения, лавируя между интересами других государств в области добычи нефти. В данном случае отчуждение между государством и его гражданами достигает максимальных значений. Можно сказать, что оно практически не нуждается в своём населении, не зависит от его воли и мнения. Это печальный пример.

Однако процессы отчуждения государств от населения (народов) можно видеть повсеместно: клановость элит, демократия зрителей, рост недоверия политикам и, наконец, безработицы из-за глобализации экономики и автоматизации производств. Всё это увеличивает пропасть отчуждения между народами и находящимся во власти элит государством.

На этом фоне естественным выглядит рост протестных настроений в обществе и, что самое печальное, жёсткости подавления их силами государств. Примером могут служить повсеместные

протесты против карантинных ограничений, связанных с эпидемией COVID-19 в 2020–2021 годах.

В ходе присвоения государств постепенно были созданы эффективные механизмы подавления народных протестов и требований силой полицейских и иных служб, которые благодаря превосходству в технологическом оснащении и широким неконтролируемым обществом полномочиям не оставляют населению шансов на оказание эффективного влияния на органы государственной власти или смену политического режима даже путём восстаний. Успешная реализация народами декларируемого международными нормами «права на восстание» фактически невозможна без участия в этом процессе силовых структур государства или без внешней вооружённой поддержки. За последние сто лет мы, пожалуй, уже не найдём таких примеров. Даже революции (Февральская и Октябрьская) 1917 года в России стали возможны исключительно благодаря действенной поддержке вооружённых для участия в Первой мировой войне солдат и матросов, активно включившихся в работу советов [5.32а, с. 110–111, 137, 146]. С ростом технологического прогресса возможности государств по подавлению населения только возрастают, возникает угроза «цифрового концлагеря», признаки которого уже можно обнаружить на отдельных территориях Азии.

Следовательно, можно утверждать, что за ритуализацией государств, их отчуждением от населения следуют неизбежное подавление ими народов, создание «клона» публичной сферы, подмена традиций законностью, истории – мифом, духовности – идеологией, управления – ритуалами, а также создание системы силового подавления любой неугодной общественной инициативы или протестов.

В данной парадигме экзистенциальный риск для общества составляет перспектива создания глобального сверхгосударства, уровень развития технологий которого (робототехники, искусственного интеллекта) позволит ему не нуждаться в результатах труда граждан, демонстрирующих меньшую эффективность по

сравнению с «умными машинами», которые, говоря словами нарождающегося искусственного интеллекта (ИИ), будут чем-то «лучше, чем самый лучший человек» [5.34]. Не надо забывать и о реальной перспективе включения ИИ в процесс управления государством в ближайшем будущем, так как машинная логика невероятно близка бюрократической машине.

В таком случае для окончательно присвоенного и отчуждённого от общества государства может стать актуальной задача сокращения населения, в котором, подобно социал-дарвинистским идеологам «золотого миллиарда», оно будет видеть только обузу и угрозу.

Что может навсегда перечеркнуть эту мрачную перспективу? Есть ли реальная глобальная альтернатива деградации и самоуничтожению? Как вернуть народам государство, отказаться от политической конкуренции, которая давно превратилась из конкуренции наций в конкуренцию элит?

Сегодня мир пришёл к чёткому осознанию, что глобальный военный конфликт является крайне нежелательным, нарастает необходимость выстраивания систем международного взаимодействия, учитывающих права и интересы всех сторон. Особенно остро стоит вопрос регулирования международного взаимодействия при освоении новых пространств: космического и кибернетического, где отсутствуют привычные институты, границы и расстояния, по которым проходят линии раздела влияния.

Такая картина не оставляла бы большого оптимизма по поводу неизбежности новых конфликтов мирового масштаба, если бы не ускорившийся в начале нашего столетия процесс народной социомедийной глобализации – формирования глобального общества путём расширения коммуникативной среды за счёт информационных технологий, онлайнового многоязыкового перевода, мобильной связи и сети Интернет. Стихийное проявление народной дипломатии в Сети (сетевой дипломатии) на базе социальных сервисов сформировало у молодого поколения новую интернациональную социокультурную общность, объединило активистов

всего мира в борьбе за право на справедливые, благоприятные и безопасные условия существования и по мере расширения сетевой коммуникативной среды и формирования на её основе полноценной и независимой публичной сферы стало подлинной глобальной революцией.

Формируемое сетевое общество не унаследовало от государств принципы политической борьбы. Напротив, антагонистическому и эксплуататорскому подходу оно интуитивно предпочло естественные принципы свободы, равенства, терпимости и справедливости. Оказавшись в условиях свободной коммуникации, глобальное сетевое сообщество инстинктивно использовало генетически заложенные в человеке базовые принципы самоорганизации: стремление к справедливости, свободе и мирному сосуществованию (терпимости). Такие принципы, отражённые в исконном традиционном праве любого народа, присущи здоровому интеллекту с рождения, они заложены в человеке Творцом, проявляются вне условий и воспитания (что подтверждается современной наукой), выступая воплощением и одновременным доказательством высшей природы человека.

Надо отметить, что свободная от государственного вмешательства публичная, открытая, прозрачная информационная коммуникативная среда сетевого общения представляется полной противоположностью закрытой, зачастую «теневой», государственно-политической среде, где коммуникация носит скрытый, закулисный (часто секретный), групповой характер, не оставляющий места для широкого обсуждения, критики и открытого разоблачения, оставаясь «сделками за спиной общества».

Можно предположить, что именно публичный характер сетевой коммуникации особенным образом влияет на её участников, заставляя их быть честными с другими и с собой. Такое положение вещей удивительно напоминает прямую демократию древних общин, полисов, их сходов и собраний, основанных на равенстве, честности, взаимном уважении и ответственности перед обществом. Прозрачность и открытость для критики и разоблачений, когда «все на виду», подталкивает людей в Сети

сегодня, как и в древности, быть открытыми, равными и честными в коммуникации.

Образуемая глобальным сетевым сообществом новая коммуникативная среда и рождённая ею публичная сфера (дискуссионная площадка) удивительным образом возвращают современное общество в состояние древней общины, разрушенное, казалось бы, навсегда политиками и государствами тысячу лет назад.

Хочется верить, что новая, свободная от агрессивных политических штампов и государственной идеологии виртуальная публичная сфера раскроет в человеке естественные здоровые духовные начала, освободив личность от внушаемых ей догм и предрассудков, явит миру новый тип глобальной неполитической демократии. Для этого чрезвычайно важны условия, обеспечивающие равный доступ к диалогу и принятию решений и открытость действий и суждений для всех, доступность каждого для критики и разоблачений. Действующие в данной среде законы взаимодействия фактически базируются на положениях исконного естественного традиционного права, провозглашённых традицией и религией большинства народов планеты. Развитие народной социомедийной глобализации является доказательством природной естественной склонности человека – носителя на генетическом уровне принципов исконного права (свободы, мира и справедливости) руководствоваться ими при равном (демократичном) и открытом (публичном) взаимодействии. Становится очевидным, что самим Творцом (или природой) для человеческого общества создан механизм мирного и справедливого сосуществования при условии свободной, демократичной и публичной коммуникации.

Из этого следует естественный, природный характер демократии и публичности в решении общественных дел, изначально присущий человечеству, выраженный словами Священного Писания: «Царствие Божие внутри вас есть» (Новый Завет. Лк. 17:21.).

Можно предположить, что восстановление единого коммуникативного пространства и образование глобальной публичной сферы на основе свободного диалога (народной дипломатии)

в социальных сервисах сети Интернет, когда будет достигнута критическая масса его участников и завершится формирование самоидентификации глобального гражданского общества как единого человечества, «сингулярность самосознания человечества» запустит «цепную реакцию» общества на несправедливость и эксплуатацию (плеонексию), что и станет глобальной народной антиполитической революцией.

Квинтэссенцией естественного стремления к миру, свободе и справедливости является содержащееся в религии и традициях традиционное исконное право, возникшее вместе с человеческим обществом (в условиях первоначального договора) и неизменное на его историческом пути. Условием его появления в древности стал первичный общественный договор равных (на начальных условиях), когда община ещё не была подвержена экономическому и социальному расслоению, а все её члены существовали в атмосфере открытости, равенства и доверия (максимальной публичности), что позволило сформулировать и установить честные и справедливые законы, «принимаемые всеми в перспективе каждого» [5.22, с. 99]. Эти законы и традиции и есть следствие идеального процесса, первичная нравственная константа для дальнейшего развития общества – даже если не принимать во внимание их сакральный характер.

Возрождение традиционного права в его глобальном понимании и есть высшее воплощение принципа верховенства (господства) права как такового. Только постановка любого государства под власть и контроль такого глобального традиционного права – квинтэссенции нравственности – способна обеспечить его нравственный характер.

Атака на традиционное право, народную прямую демократию, публичность, свободную коммуникацию, духовность и достоверную историю – вот признаки политической трансформации общества и присвоения государства.

Следовательно, возрождение институтов, традиционного права и прямой демократии после тысячи лет забвения – залог исцеле-

ния общества, возвращения к истокам, коррекции его развития здоровым общественным большинством.

Если идеи возрождения верховенства права на мировом уровне постепенно пробивают «лёд» государственного суверенитета, то возврат к подлинной демократии древних сходов может показаться сегодня нереальным. Однако это совершенно не так. Кризис так называемой представительной демократии сегодня очевиден. Уровень доверия населения к выборным органам и должностным лицам неуклонно падает во всём мире и уже в прошлом десятилетии, по данным исследователей Мирового экономического форума (2018), составлял более 50% лишь в одной трети стран мира [5.35]. Причинами этого являются: массовый лоббизм выборными лицами интересов отдельных групп влияния, конвертирующих финансовую власть в политическую, спонсирующих партии и их избирательные кампании; формирование касты «профессиональных избранников», закрытой для обычных граждан как в силу непрозрачности партийной «кухни», так и в силу отсутствия у них средств для финансирования избирательных кампаний; очевидная зависимость избранных лиц от мнения органов исполнительной власти (слияние властей); популизм выборных политиков.

Сами избирательные процедуры всё больше ритуализируются и бюрократизируются государственным аппаратом, а избирательные кампании превращаются масс-медиа в медийные шоу (медиатизация политики). В этих условиях избиратели всё больше ощущают себя безучастными зрителями в политическом «театре» аудиторной демократии (демократия зрителей). Заинтересованные группы манипулируют решениями представительных органов, при помощи масс-медиа подменяют повестку их работы и замещают публичную сферу «квазиобществом», обеспечивая фальшивую поддержку нужных им решений.

Универсальным средством подмены всех этих институтов является ритуализация. Для управления обществом используется свойство ритуала подменять собой в восприятии человека и общества не только действие, но и его смысл, отрывая общество от реальности, погружая его в постмодерн.

Так, институт представительства зарождался как способ обратной связи с отдельными слоями населения лиц, обладающих высшей властью, – глав Церкви, монархов-суверенов. «С развитием доктрины народного суверенитета представительство формально стало народным. Но сувереном при этом номинально стал сам народ» [5.36]. Таким образом, народное представительство при суверене-народе стало парадоксальным. На это обстоятельство не без оснований обращал внимание К. Шмитт в своей работе «Политическая теология» [5.36, с. 44–45]. Будучи автором концепции «децизионизма», он предлагал персонифицировать суверенитет в руках конкретного выборного лица. Это объяснялось технологической невозможностью участия в обсуждении и принятия решения непосредственно населением напрямую. Отчасти до возникновения сетевой связанности это было так.

С появлением интернета, технологий мобильной передачи информации и широкого охвата ими населения эти технологические ограничения стали преодолимыми и не только в национальном масштабе.

Образовавшаяся виртуальная социомедийная среда стала удобным, открытым публичным пространством для обсуждения проблем общества и готовым инструментарием для выдвижения, поддержки и одобрения общественных инициатив в режиме прямой демократии (электронных петиций, опросов и голосований) – глобальной публичной сферой. Такая модель демократии определённо более оперативна для решения задач и дёшева для налогоплательщиков по сравнению с классическим парламентским представительством.

Особенностью сетевого диалога стала его неполитическая основа. Людей в любой точке мира интересуют вопросы, связанные с комфортным, безопасным и достойным уровнем существования, а не конкуренция за власть. Политика сменилась активизмом – бескорыстной работой неравнодушных людей во имя общего блага. Активисты самостоятельно группируются вокруг интересующих общество вопросов на открытой и бескорыстной основе. Такая ра-

бота удивительно напоминает систему советов в СССР, где представительство не было профессиональной деятельностью и сам народный избранник не вычленялся из общественной жизни. Таким образом возникает «глобальное самоуправление» [5.37].

Становится очевидным, что основополагающие нормы права должны быть глобальными и стабильными, основываться на глубокой духовной традиции; справедливое государство обязано быть социальным, а демократия – прямой (электронной), публичной и неполитической (народной). В этой конструкции роль «суверена» должна принадлежать народу, его духу, «sensus communis» [5.8], который, как и «закон мнения и репутации, который Дж. Локк обсуждал в «Опыте о человеческом разумении», считая его производным от способности суждения (дарованного Богом, чтобы было, чем «руководствоваться при отсутствии ясного и достоверного знания»), как и «sensus communis» И.Канта (общее мнение), – это общая платформа для общества, опирающегося на базовые взгляды людей» [5.27, с. 73]. Суверенитет должен быть выражен в «народной воле» (Локк [5.18]), данной ему Создателем, отражённой в высшем его законе – традиционном исконном праве. «Это должны быть нормы высшего порядка – глобальное право, «ius cosmopoliticum» – право народов (Кант [5.8]), «высшая норма» (Кельзен [5.5]), «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Хабермас [5.22]) на глобальном уровне. Это и есть окончательное торжество принципа верховенства (господства) права и основа эпохи вечного мира» [5.38].

Можно утверждать, что технологии дали человечеству шанс «перезагрузки» общественных отношений на традиционной, демократической публичной и неполитической основе – глобальную альтернативу политическому тупику планетарного сверхгосударства и мировой диктатуры.

Взращённые технологиями сетевой коммуникации ростки оптимизма нуждаются в решительной защите прогрессивных сил человечества. Новая коммуникативная среда и образованная ею публичная сфера, которую представляют социальные сети,

создаваемые метавселенные должны быть надёжно ограждены от манипуляции сознанием, влияния политической конкуренции и пропаганды, от ограничений доступа и фильтрации контента со стороны правительственных организаций, от попыток «колонизации» национальными правительствами, заинтересованными группами и их агентами. Этого можно добиться путём обеспечения прозрачности механизма общественного управления социальными сервисами, использования норм исконного права народов (глобальной конституции) как основы для принятия решений при их регулировании (разработке систем и алгоритмов). Обеспечить это возможно через широкое участие глобальных объединений активистов и верующих в качестве наблюдателей за развитием глобальных социальных сервисов в сети Интернет.

В основу развития и использования ИИ и любых технологий должны быть положены принципы гуманизма, приоритета ценности человеческой жизни и следования духовной традиции. И тогда у мира появится шанс – глобальная альтернатива.

Молодыми поколениями, привыкшими к социомедийной народной дипломатии, свободному общению и диалогу в Сети, со временем будет выработана модель глобального самоуправления на основе естественного стремления к справедливости, свободе и миру, соблюдению норм традиционного исконного права, отражающих духовные ценности и традиции народов, при прямой публичной электронной демократии в рамках глобальной самоуправляемой гражданской общины, которая шаг за шагом вытеснит политическую конкуренцию и плеонексию в человеческом обществе и сознании. Актуальна эта модель и для регулирования отношений при освоении космического пространства, где есть шанс вернуть общество на путь мира, сотрудничества и модернистского покорения будущего.

Всё это не умаляет задач концентрации международных усилий по развитию и укреплению гарантий соблюдения норм международного права с формированием на основе традиционных исконных правовых норм, признанных прав и свобод человека,

дополненных правом на свободный обмен информацией и беспрепятственный доступ к средствам такого обмена – правом на коммуникацию (о важности которого говорил ещё в середине прошлого века советский правозащитник академик А.Д. Сахаров [5.39]) и правом на интернет – норм глобального права, глобальной конституции, «основных норм», «права народов», принимаемых всеми в перспективе каждого.

Современные правоведы ошибочно полагают, что на сегодня ключевой «проблемой является отсутствие международного органа, способного удовлетворить критериям этой концепции и дать мировую конституцию» [5.40, с. 52–53].

Можно предположить, что механизмом её утверждения может стать глобальное одобрение (поддержка) её норм населением планеты голосованием в сети Интернет. История знает пример личного принятия ценностей христианства жителями Римской империи, когда каждый, совершивший крещение, принимал ценности и законы Веры. Это был поистине стихийный народный процесс. При такой модели глобальной прямой демократии («только в прямой демократии мнения тождественны воле, поскольку они непосредственно выражаются в решениях» [5.27, с. 56]) обществу будет гарантирован абсолютный суверенитет, а инициатором проекта может выступить любое глобальное объединение активистов. В этих условиях власти любых государств окажутся поставленными под контроль глобального права, единого нравственного закона, оставаясь полноправными выразителями и защитниками интересов своих народов.

Основанное на новой глобальной сетевой коммуникативной среде и рождённой в ней публичной сфере человеческое общество таким путём сможет возродить подлинное исконное право и действительно вернуть народам государство. Для этого достаточно следовать естественным, заложенным в нас изначально, законам развития и традициям народовластия, не забывая, что Царствие Божие внутри нас есть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ПРАВО НАРОДОВ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Понимание проблем развития общества и государства необходимо не только для констатации очевидного факта присвоения государства за счёт последовательной подмены истинного традиционного права законодательным произволом, государственного управления ритуальной бюрократией, истории – мифами, а Веры – идеологией путём создания в информационной сфере искусственного «клона» общества – квазиобщества и использования его широковещательными СМИ. Необходимо это прежде всего для создания условий возрождения подлинных права и государства, восстановления естественных механизмов саморегулирования общественной жизни через прямую народную неполитическую демократию, торжество естественного нравственного закона, заложенного в здоровом общественном сознании и работающего по принципу корректирующего большинства [6.1].

Очевидно, что плеонексерской элите (в аристотелевой «Никомаховой этике» (πλεονεκτες) «плеонексия»: несправедливое «присвоение «чужого» блага (материального или иного)», «позорная нажива», несправедливое распределение должного) [6.2], хотелось бы видеть эти мысли о торжестве глобального нравственного закона, выражаемого здоровым большинством, исключительно в теоретической плоскости, как чистую идею. Именно на рассуждениях о безальтернативности существующей модели социального управления на государственном и транснациональном уровнях построена официальная пропаганда, которой прикрывается транзит суверенитета (народного) от присвоенных государственных органов к финансово-олигархическим «элитам» и, наконец, к теневому государству и «глобальной олигархической власти» [6.3], которая огромными темпами «поглощает» суверенитет народов, жаждет установления всемирной диктатуры, контроля сознания людей через создание «цифрового концлагеря», окончательного отчуждения государства от общества и в итоге подавления

и уничтожения большей части населения планеты в рамках теории «золотого миллиарда».

Осознание происходящих процессов, их глубинных механизмов и самого хода человеческой истории говорит нам о справедливости девиза движения альтерглобалистов, что «иной мир не только возможен» [6.4, с. 5], но и неизбежен. Отказ от слепой веры в «вечность» торжества политики и плеонексии – первый шаг к истине, пробуждение сознания от внушаемых квазиобществом ложных посылов и догм.

Развитие человеческого общества тесно связано с развитием технологий, которые, будучи результатом развития самого общества, определяют его будущее. Именно в развитии информационно-коммуникационных технологий заключается уникальный шанс на возвращение к здоровому обществу: народному суверенитету, верховенству права, глобальной кооперации народов в покорении будущего.

Пришедшая с глобализацией связанность является неизбежной «обратной стороной» прогресса, продолжением объективного процесса формирования глобального гражданского общества (коммуникативного пространства, полноценной публичной сферы, согласно Ю. Хабермасу) [6.5], идущего на всём пути развития человечества. Попытка противопоставить ему догматы фундаментализма и изоляционизма, предпринимаемая «корпоративно-бюрократическими режимами, ориентированными на сепаратизм, национализм и милитаризм как иррациональные средства решения проблем их отсталости и зависимого типа капитализма» [6.4, с. 20], есть путь регресса и деградации, очевидного отставания в развитии и утраты конкурентоспособности. Мир не знает успешных примеров самоизоляции обществ. Действительно, «сегодня ни одно государство не может обеспечить общее благо своему населению, оставаясь изолированным», как отмечает глава Римской католической церкви Франциск [6.6, с. 128].

На протяжении известной нам истории человечества прослеживается закономерность: расширение границ общества как коммуникативного пространства и дискуссионной среды на общей

информационной платформе (религия, морская торговля или свободная пресса) ведёт к укреплению прав и свобод человека и ослабляет государственно-политическую «машину» подавления, насилия и присвоения. И, наоборот, разрыв коммуникации между народами, классами, сословиями усиливает диктатуру и произвол, запускает механизмы государственно-политического насилия (войны, репрессии).

Развитие информационно-коммуникационных технологий, появление сети Интернет и технологий беспроводного мобильного доступа, сделавших её поистине глобальной, создание на её основе социальных сервисов, связавших в свободном диалоге миллиарды людей по всему миру, – стало уникальным шансом для возвращения человечества на путь естественного развития, основанный на мирном, свободном и справедливом сосуществовании, совместном модернистском покорении будущего. Социомедийная глобализация – открытый публичный диалог равных, подлинная народная сетевая дипломатия – вернули общество в состояние древней общины, чуждое навязанным идентичностям, алчности и политической борьбе [6.1]. В этой среде появляются ростки глобального самоуправления – глобальные объединения активистов, отстаивающих права человечества на мир, свободу, справедливость, достойную и безопасную среду обитания, на признание и уважение прав и свобод личности, прежде всего на свободу коммуникации, о важности которой говорил ещё в середине прошлого века советский учёный и общественный деятель, нобелевский лауреат А.Д. Сахаров [6.7].

Открытое и публичное обсуждение общих для человечества проблем и вопросов в Сети, «которая, в отличие от иерархии, по своему содержанию является гибким, подвижным, открытым обществу и общедоступным образованием» [6.4, с. 36], свободное выражение обществом мнения, вооружённое средствами электронной прямой демократии, стали очевидной альтернативой теряющему доверие народов классическому парламентаризму. Помимо того, что при электронном всенародном голосовании решение всегда тождественно мнению населения, такой процесс

более оперативен и куда менее затратен по сравнению с классическим представительством. Кроме того, влиять на мнение всего населения куда сложнее, чем «надавить» на его отдельных представителей в парламентах (или подкупить их). Если же кому-то удалось убедить большую часть голосующих граждан, то можно смело говорить об успешном изменении общественного мнения, без которого, по словам Г. Кельзена, сама демократия является противоречием в определении [6.8].

Таким образом, преимущества прямой электронной (сетевой) демократии как в национальных, так и в международных масштабах очевидны. Что же мешает её повсеместному внедрению? Для этого нужен слом классической системы представительства, отказ от касты «профессиональных избранников» – лоббистов финансово-экономических и иных групп влияния. Нужна только воля гражданского общества, выраженная в праве народов. Очевидно, что право на непосредственное участие в управлении делами общества и государства закреплено нормами международного и национального законодательства, гарантируется на уровне конституций государств (народный суверенитет). Следовательно, препятствием на пути подлинного народовластия (прямой электронной демократии) является только давление политиков и произвол бюрократии. Это вопрос воли и единства общества, которому давно пора заявить политикам-лоббистам и чиновникам-бюрократам, присвоившим государство: «Хватит решать за нас!» Сделать это могут только широкие национальные, а лучше глобальные, движения активистов, объединённых едиными принципами, целями, ценностями или религией как мировоззрением.

Итак, социальные сервисы в сети Интернет обеспечили связанность и свободный диалог для миллиардов жителей планеты, а технологии мобильного доступа, спутниковой связи сделали эту связанность общедоступной и планетарной. Традиционное препятствие для общения народов – языковые различия сегодня успешно преодолеваются системами онлайнового перевода, которые благодаря скорости обмена данными и искусственному

интеллекту становятся всё совершенней. Мы стоим на пороге невероятных возможностей, которые дарят технологии виртуальной и дополненной реальности, следующим этапом может стать нейроинтерфейс, когда мозг сможет напрямую обмениваться информацией с любым объектом в Сети. Тогда предметом быстрого и близкого обмена станут не только мысли, образы, но и чувства человека. Мы перейдём из эпохи «общего знания» первичного интернета и эпохи «общего созерцания» сегодняшнего сетевого медиапространства к эпохе «общего чувства» завтрашнего поколения Сети. Не в этом ли зачатки глобальной души человечества, «ноосферы» учёного-философа В.И. Вернадского [6.9], буддистской Нирваны? Идеолог нравственного государства и интеграционного конституционализма, российский исследователь С.Н. Бабурин так описывает эту идею: «Ноосферный баланс…который, как и вообще экологический императив, невозможен без международно-правовых и конституционно-правовых решений» [6.10, с. 11].

Шаг за шагом, вовлечённые в глобальную коммуникацию и открытый сетевой диалог, молодые поколения приближаются к «сингулярности самосознания» человечества, когда наш обитаемый мир в человеческом сознании «сожмётся» в бледную голубую точку на чёрных пространствах космоса. Этому будет способствовать грядущее освоение внеземных пространств, где, словами автора «Соляриса» С. Лема, «человеку нужен человек».

Такое информационно-сетевое «слияние» человечества не должно означать стирание индивидуальности личностей и народов, их культур, а обязано знаменовать собой гармоничное соединение их в великую мозаику единой духовной цивилизации, вооружённой возрастающими возможностями искусственного интеллекта, ибо любая «техносфера без высоких духовно-нравственных и правовых принципов губительна для человека» [6.10, с. 11]. В этом смысле разрушение государств и национальной культуры было бы гибельным. Ведь принцип эволюции земной жизни построен на поиске идеала в бесконечном сочетании разнообразного.

Тем не менее единая коммуникативная и дискуссионная планетарная среда, расширяемая новыми для нас космическим и кибернетическим пространствами, требует единых принципов и основ для регулирования общественных отношений. Суверенные законодательства прежнего «вестфальского» типа зачастую становятся препятствием на пути глобального прогресса и вырождаются в показной и бесполезный бюрократический ритуал (ритуальное государство) [6.11].

Решить эту задачу можно несколькими способами.

Империалисты предлагают навязать объединённому обществу волю и закон «сильных игроков» – государств-гегемонов (супердержав) через подавление, насилие и принижение прав малых народов, путём создания планетарного «сверхгосударства». Такой «имперский» тип глобализации хорошо знаком нам из истории. Как хорошо знакомы и его результаты. Все империи деградировали и распались. Это ждёт и любое государство, мечтающее силой воздвигнуть «новый мировой порядок» – «планетарный Рим». Это опасно прежде всего тем, что установление в таком государстве планетарной диктатуры, вооружённой передовыми технологиями, дорого обойдётся для будущего мира.

Подходом к решению этого вопроса сторонников классической глобализации является стремление мировых финансово-промышленных групп влияния (транснациональных корпораций) фактически уничтожить государства как таковые (низвести их до уровня аппарата принуждения), унифицировать законы в своих интересах, превратив мир в глобальную промышленную корпорацию для извлечения прибыли. Такой подход предполагает внедрение единой унифицированной (шаблонной) культуры и разделение регионов мира в зависимости от специализации в производственном процессе, экономического уклада и климата на страны «первого», «второго», «третьего» мира. Кроме бесчеловечной эксплуатации и культурной экспансии, а значит, и творческой, духовной деградации, такой миропорядок грозит полным присвоением эксплуататорской элитой власти и государств,

отчуждением власти (государства) от общества и насильственным сокращением (уничтожением) большей части населения как менее эффективного трудового ресурса в сравнении с трудом умных машин (роботов и ИИ). Саму же эксплуататорскую элиту в этом случае ждёт избыточное демонстративное потребление, развращение и неизбежное вырождение [6.1]. Такой сценарий «золотого миллиарда» тоже не кажется оптимистичным.

Разумным решением может быть только поиск всеобщих естественных принципов и начал регулирования общественной жизни, присущих всему человечеству, и возведение их в нормы права высшего порядка, основные нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого («высшая норма» (Г. Кельзен), «ius cosmopoliticum – право народов» (И. Кант), «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Ю. Хабермас), содержащие квинтэссенцию духовности и нравственности, имеющие преимущество, верховенство (господство) над любыми нормами законодательства как на национальном, так и на транснациональном (глобальном) уровне [6.12]. Такая глобальная конституция обеспечит единый универсальный подход к правовому регулированию общественных отношений, защите прав, свобод и достоинства личности, обеспечению народовластия при учёте интересов каждого из народов планеты. Это путь глобального конституционализма. Такова глобальная альтернатива всемирной диктатуре и умерщвлению человечества.

Думаю, любому верующему и нравственному человеку с чистыми помыслами такой путь покажется наиболее правильным. Аргументы в пользу истинности данной мысли можно найти в трудах философов и правоведов от древности (Аристотель) и классицизма (И. Кант) до современности (Г. Кельзен, Ф. Хайек, Ю. Хабермас). В известной энциклике главы Римской католической церкви Франциска «Fratelli Tutti» («Все братья») 2020 года также предлагается положить в основу вечного мира духовные ценности и солидарность народов в стремлении к общей мечте о достойном мирном и справедливом будущем [6.6].

Если идеальный образ будущего очевиден, то главным становится вопрос о средствах и методах его достижения.

Будет ли это бесконечное ожидание момента далёкого будущего, когда правительства всех стран и континентов придут к осознанию такой необходимости и сольются в «стройный глобальный хор» нравственных законотворцев? Боюсь, ожидать придётся долго. И за это время алчной милитаристской и плеонексерской верхушкой могут быть реализованы первые два негативных сценария или, что более вероятно, цивилизация сгинет в глобальном ядерном конфликте.

Современный опыт переноса политической парадигмы на международный уровень показал опасность и несостоятельность международной политической системы. Сохранявшаяся на протяжении последних столетий гегемония сверхдержав, регулировавших межгосударственные отношения и определявших правила межнационального взаимодействия, была наследием и продолжением эпохи колониализма, как и множество развивающихся национальных государств, статус и границы которых тоже продукт колониального творчества. Крушение этой системы в XX в. и переход к так называемому «многополярному миру» ознаменовался новым типом присвоения государств финансовой элитой: подменой права народов и народного суверенитета политическим произволом «абсолютетом» (абсолютизмом политиков), который без верховенства (господства) глобального права и надзора бывших метрополий, превратил международные отношения в описанную Т. Гоббсом в его «Левиафане» «борьбу всех против всех» («Bellum omnium contra omnes») [6.13], в мир хаоса и «игры без правил – правового нигилизма» [6.14], мир права силы, а не силы права, напоминающий «салон» Дикого Запада, заполненный вооружёнными «суверенами-политиками», готовыми сражаться за господство и присвоение. В этой ситуации нет ничего абсурдней, чем призывы политиков к замене насилия политическим процессом, ибо насилие или война, словами К. Клаузевица, – и есть конечное выражение и следствие любой политики [6.15, с. 25]. Очевидно,

что в мире нет и не может быть межнациональных или религиозных конфликтов, есть только политические.

В условиях кризиса политики роль права как универсального регулятора общественной жизни возрастает многократно.

Единственным выходом из сложившейся ситуации может быть установление глобального миропорядка, основанного на общем признании верховенства норм глобального права, глобальной конституции, как выражения подлинного народного суверенитета глобального гражданского общества. Очевидно, что только так можно достичь эпохи нравственного правления и «вечного мира» И. Канта [6.16].

Только совместный «труд над органическим примирением «царства Божия» с политическим строительством», словами русского философа И. Ильина [6.17, с. 192], может обеспечить успех предложенного пути «из тьмы к свету».

Этот великий труд должен быть глобальной демократической инициативой миллионов верующих активистов всего мира, личным примером принимающих и берущих на себя обязательство следовать такой глобальной конституции, подобно тому, как берут на себя обет следовать Законам Божьим принимающие Веру. Это может быть путь глобального одобрения такой конституции людьми мира, становящимися подобными персонажам Дж. Лукаса из его «Звёздных войн» «Рыцарям Джедай» (от Global Democratic Initiative) новой глобальной эры.

Родившись из глобального движения активистов, пройдя открытый и честный диалог (обсуждение), такая конституция неизбежно обретёт силу и признание по мере роста одобрения гражданами и обществами разных стран, как это уже было прежде с мировыми традиционными религиями. Как справедливо говорит об этом глава Римской католической церкви Франциск: «Религиозные идеи священного смысла человеческой жизни позволяют нам признать фундаментальные ценности всего человечества, ценности, во имя которых мы можем и должны сотрудничать, совместно строить и вести диалог, прощать друг друга и расти дальше; это позволит

различным голосам соединиться, создавая вместо фанатичных и исполненных ненависти криков мелодию высочайшего благородства и красоты» [6.6, с. 221].

В конституциях многих восточных государств роль «основного закона» выполняет религиозное право, имеющее высшую силу по отношению к любому законодательству. Современные исследования говорят о феномене «исламского конституционализма» в странах Ближнего Востока и «буддийского конституционализма» в странах Южной и Юго-Восточной Азии как существенного «сдвига» от традиционной школы европейского конституционализма [6.18]. Это ли не объединяющее начало для многих народов? Надо помнить и о том, что все основные постулаты традиционных религий, особенно авраамических (аврамистических), по сути своей едины, «предполагают фундаментальный отказ от неравенства и системного насилия» [6.19, с. 242]. Любое упоминаемое историками «религиозное насилие» при тщательном рассмотрении представляет собой эксплуатацию и искажение политиками религиозных идеалов, подмену религиозных чувств верующих грабительской агрессией и национализмом [6.19].

Самим мировым религиям предстоит подлинное пробуждение для участия в этом процессе, по мнению учёных-правоведов, повторения исторической миссии на современном этапе развития цивилизации [6.20, с. 408]. Будучи естественными исторически сложившимися глобальными движениями активистов, последователи мировых традиционных религий могут и должны быть инициаторами процесса разработки и всемирного одобрения мировой конституции. В её основу должны быть положены заветы и принципы традиционного религиозного права, отражающие естественные (Божественные) принципы сосуществования людей: мир, свободу и справедливость, также следует учитывать и общепризнанные права и свободы человека, не противоречащие духовной традиции народов, и, что особо важно, право на свободу коммуникации (обмен информацией, открытый диалог в Сети) и свободу доступа к средствам такого обмена (право на интернет).

Пока очевидная и естественная идея глобального конституционализма встречает упорное сопротивление политиков и подвластной им квазиобщественной пропагандистской сферы, наукой сегодня для формирования глобальной конституции предлагаются два метода.

Первый заключается в интегративном подходе к формированию норм глобальной конституции, что предполагает постепенную интеграцию норм и принципов международного права с конституциями национальных государств (интеграционный конституционализм).

Другой предполагает вовлечение национальных государств в глобальные объединения и союзы с передачей (транзитом) на высший уровень части их суверенитета (доктрина ограниченного суверенитета) и подчинением действующим общим правовым нормам и принципам таких союзов (мировой федерализм) [6.10, с. 81].

У обоих подходов есть существенные недостатки и проблемы сугубо практического характера. Так как основными игроками в этом процессе выступает политическое руководство отдельных государств, их союзов, возникает закономерная борьба политико-экономических групп влияния за мировое лидерство. Предметом борьбы является вопрос о том, чьи инициативы будут приняты мировым сообществом, кто будет лидером интеграционных процессов, и главное, чьи интересы будут учтены в первую очередь.

Критика глобального конституционализма в общих чертах сегодня складывается из того, что он создаёт риски:

– ограничения государственного суверенитета;
– разрушения конституционной и национальной идентичности;
– навязывания всем участникам воли государств-гегемонов [6.21].

При ближайшем рассмотрении очевидно, что эти проблемы связаны с «интернациональным» типом глобализации как объединения государств в структуры транснационального управления (в терминологии философа-глобалиста П. Ханны – «интернацио-

нализацией» [6.22, с. 62]), глобализацией «сверху», унаследовавшей от государств политическую конкурентную парадигму. Рассматривая процесс в данной плоскости, можно согласиться с такими опасениями. Именно кризис процесса интернационализации современные правоведы считают кризисом глобализации и цивилизации в целом [6.20, с. 410].

Однако в развитии процессов глобализации можно выделить и ещё одно направление: народную социомедийную глобализацию («глобализацию снизу», термин альтерглобалиста Э. Боуман [6.23, с. 131]) как процесс создания единой глобальной дискуссионной социальной среды, публичной сферы по Ю. Хабермасу [6.5], способной к самоорганизации и правотворчеству, на основе сервисов глобальной сети Интернет.

Основными акторами данного процесса являются люди-активисты и их добровольные наднациональные объединения по защите прав и свобод человека, мира, духовных ценностей и благоприятной экологической среды. Более того, на протяжении истории, примеры таких объединений мы видим в лице союзов верующих традиционных мировых (транснациональных) религий, которые до отстранения их от управления обществом присвоенными политиками вестфальскими «светскими» государствами, столетиями составляли каркас развития мировой культуры, цивилизации и правотворчества. Безусловно, государственная политика секуляризации за последнее столетие нанесла огромный урон этим объединениям, атомизировала общество, но возникшая глобальная информационная связанность дарит надежду на возрождение утраченного духовного единства.

Следовательно, если инициаторами глобальной конституции станут международные объединения активистов и верующих, то вопрос политической борьбы за лидерство в этом процессе разрешиться сам собой.

Способом принятия такой глобальной конституции может и должно стать всенародное одобрение народами через механизм глобальной поддержки в сети Интернет, когда каждый житель

планеты вправе в глобальной Сети публично и официально заявить о своей поддержке, своём личном принятии норм такой глобальной конституции (возможно, что наряду с целыми государствами и их союзами). Это подобно тому, как человек принимает Веру через личное принятие и даёт клятву следования Её Заветам.

Такой механизм утверждения глобальных основных норм решает и вопрос о защите народного суверенитета. Если рассматривать суверенитет в его истинном народном выражении (народный суверенитет), а не как «абсолютет» политиков или личный эгоизм избирателя (конкурентная демократия), которыми манипулятивное квазиобщество пытается его подменять, то становится очевидным, что свободное волеизъявление народов в рамках глобального гражданского общества через механизмы прямой электронной демократии, голосование, свободное от контроля и давления политиков, и есть высшее выражение народной воли, идентитарной демократии – народного суверенитета, когда, словами Франциска, демократия становится подлинным «народным правлением», а реализуемый проект «коллективной мечтой» [6.6, с. 130].

Современная правовая наука открыто признаёт, «что достижению консенсуса (в глобальном конституционализме) мешают не столько юридические, сколько политические разногласия» [6.14].

Что касается угрозы конституционной идентичности национальных государств, то здесь следует обратиться к самим конституционным основам стран и народов планеты. Даже при приблизительном анализе текстов, принципов и положений большинства современных конституций, становится очевидным, что в основе каждой из них заложены одни и те же международные (цивилизационные), гуманистические и духовные принципы: стремление к миру, свободе, справедливости, народовластию – демократии (народный суверенитет), соблюдению и защите общепризнанных прав личности и защите достоинства человека, обеспечению верховенства права, сохранению народных традиций (суть которых те же: мир, свобода и справедливость). В конституциях государств, принятых народами, мы обнаруживаем удивительно сходный об-

раз будущего – мирного, свободного и справедливого общества, где власть принадлежит народу и чтят духовные и нравственные традиции, создаются достойные условия для жизни и развития личности. Такова суверенная воля народов.

К сожалению, во множестве случаев этот образ не соответствует политической и законодательной реальности. Современные исследователи прав человека подтверждают, что «большая часть современных конституций содержит достаточно развёрнутые разделы, посвящённые правам человека, а формулировки, закрепляющие отдельные права, совпадают почти дословно», но «весьма существенные различия проявляются на уровне законодательства (национального) и практики (правоприменения)» [6.24, с. 126], которые, в отличие от конституций (воли народов), являются «продуктом» творчества политиков, присвоивших государства. Ни в одной конституции мы не найдём принципов государственного произвола, народного бесправия и безответственности политиков, которыми они так часто подменяют в глазах общества национальную и конституционную идентичность.

Следовательно, принятие глобальных норм высшего действия на основе общих принципов и духовных начал цивилизации, на основе глобальной идентичности при сохранении в конституциях национальных государств особенностей социальной и культурной организации общества в конкретной стране, не противоречащих принципам глобальной конституции, её духовным, нравственным и гуманистическим ценностям, – только укрепит конституционную идентичность отдельных народов, гарантируя и защищая народный суверенитет и право народов на избранный ими образ будущего путём подлинного верховенства (господства) права.

Надо помнить, что изначальной целью конституции было и остаётся ограничение правления (политической власти), что ранее обеспечивалось нормами транснационального религиозного права и традициями общества. Следовательно, частичный глобальный транзит суверенитета от народов к глобальному обществу

есть лучшая гарантия защиты от любого произвола национальных властей.

В этой связи создание действенного механизма международного принуждения национальных властей к соблюдению норм и принципов, заложенных в собственных конституциях государств, свободно принятых народами (прав и свобод человека, демократии, справедливого судопроизводства), – реальная гарантия народного суверенитета от политического абсолютизма и узурпации.

Каков же путь «от тьмы к свету», от права силы к силе права народов, от политического абсолютизма к воплощению народного суверенитета и подлинного народовластия?

Ответ очевиден. Это создание наднационального движения активистов (Глобальная Демократическая Инициатива), для совместной разработки и вынесения на всемирное одобрение проекта основ глобального конституционного строя (глобальной конституции), основанной на общем видении будущего, выраженном в действующих конституциях современных государств, признанных правах и свободах человека, общих духовных и религиозных ценностях человечества. Помимо самого широкого круга лиц, в работу должны включиться учёные-правоведы и богословы, религиозные лидеры разных народов. Незаменимым помощником в процессе анализа матрицы правовых и духовных ценностных основ человечества может стать искусственный интеллект, способный ускорить достижение цели.

Последующая добровольная поддержка (одобрение, добровольное принятие) такого акта путём открытого голосования в сети Интернет большинством населения Земли и большинством жителей каждого из государств, его поддержка правительствами, лидерами (соборами) мировых религий позволит признать его верховенство над любыми нормами национального и международного права и требовать приведения последних в соответствие с ним. Надо понимать, что если поддержка и принятие будут действительно глобальными, что подразумевает открытый и честный общий диалог и обсуждение, «публичную дискуссию, которая предоставит

возможность высказаться каждому, без манипуляций и утаивания информации, которая послужит стимулом к постижению истины», как призывает к тому Церковь [6.6, с. 165], то в результате будет достигнут небывалый общественный консенсус и сама необходимость в обеспечении принудительного исполнения норм глобальной конституции отпадёт сама собой, словами Франциска, будет создан «прочный мир на основе глобальной этики солидарности и сотрудничества ради будущего, основанного на взаимозависимости и совместной ответственности всего человечества» [6.6, с. 111].

Трудно согласиться с мнением учёных-правоведов, критикующих глобальный конституционализм, с позиций невозможности возникновения и существования норм права в отсутствии механизмов государственного принуждения, вне деятельности органов государства [6.10, с. 9].

Само право, исходящее из врождённого чувства справедливости, возникло в обществе задолго до образования государств и нашло своё выражение в духовных традициях и религиозных постулатах. Обязательность их исполнения гарантировалась как духовным самосознанием личностей, так и общественным мнением (одобрением или порицанием общины). Историческая наука подтверждает: «до Нового времени религия и община были нераздельны», что «помогало людям возвысить голос против государственного насилия» [6.19 с. 430, 422]. До возникновения вестфальской системы государств широко были распространены институты религиозной юстиции, носившие подлинный транснациональный характер, часто выступавшие арбитром между государствами, народами и сословиями. Человечеству стоит присмотреться к необходимости возрождения данного традиционного института, исполнительной силой решений которого могли бы стать как существующие государственные, так и образуемые государствами международные (транснациональные) институты.

По мнению С.Н. Бабурина, существующее противоречие между принципами приоритета прав личности и стремящимся к позити-

визму и абсолютизму государственным аппаратом, уравновешивается (балансируется) духовными и нравственными началами общества. Но, поскольку существующая синкретичность и неформализованность духовных и нравственных принципов позволяет их вольное толкование и зачастую игнорирование участниками политического процесса, крайне важны их формализация и закрепление в нормах высшего порядка (глобального права), определяющих цели и смысл любого правового регулирования.

Будущий глобальный конституционный акт должен обладать не только чрезвычайной стабильностью, но и открытостью к совершенствованию (конституционной модернизации), диктуемой ускоряющимся темпом научного прогресса, через высшую форму прямой электронной демократии (голосования), когда мнение глобального большинства будет тождественно его решениям.

Трудно сказать какой будет глобальная конституция, но на любом пути важен первый шаг, без него, без глобальной демократической инициативы, без начала широкой общественной дискуссии, нет и не может быть даже надежды на достижение поставленных обществом целей, избранного народами образа будущего.

Вера в мир, свободу, справедливость и духовные традиции, заложенные в каждом изначально, как «ген Бога», выражаемые здоровым большинством общества через подлинное народовластие при прямой демократии (народные съезды, сходы, соборы), много раз спасали мир от хаоса и варварства, стали стержнем нашей цивилизации. Сегодня глобальная информационная связанность в Сети, цифровая трансформация общества дают нам возможность объединить голоса ради господства воли народов, великий шанс, признаваемый Церковью как «поистине дар Божий» [6.6, с. 167], который мы не вправе упустить.

Ибо чудо Веры не в том, что мы во что-то верим, а в том, что Бог в нас Верит.

Список литературы (нумерация по главам)

К Главе I

[1.1] Матюшкин Н.И. В. И. Ленин о дружбе народов. – М.: Знание, – 1954, – 40 с.

[1.2] Кор Л. Распад государств: пер. с англ. К.А.Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007, – 262 с.

[1.3] Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации: пер.с англ. – М.: Терра, 1990, – 536 с.

[1.4] Линд У. Глобализация ускорит распад государств. Интервью: пер. с англ.// Росбалт, 27.05.2005. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2005/05/27/210531.html (дата обращения 30.11.2019).

[1.5] Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии: пер. с венгерского. – М.: ООО «Новое литературное обозрение», 2016, – 392 с.

[1.6] Шнеккенер У. Распад государства как глобальная угроза. Неустойчивые государства и транснациональный терроризм // Internationale Politik, 2003, №6. с. 17–28

[1.7] Рагимов И.М., С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик, Ю.И. Дук, А.И. Коробеев. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций (Аналитический доклад). – М: ООО «Юридический центр-Академия», 2019, – 342 с.

[1.8] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории: пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001, – 417 с.

[1.9] Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // Социодинамика. – 2013. – № 3. – С. 1–45. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.560 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=560 (дата обращения 30.11.2019)

[1.10] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003, – 384 с.

[1.11] Черниченко С.В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права, 1995, с. 23–24.

[1.12] Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990, – 186 с.

[1.13] Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии: пер. с англ. Рождественская Е., Гавриленко С. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018, – 336 с.

[1.14] Кант И. К вечному миру. Соч. в 6-ти томах. Т. 6.: пер. с нем. – М: Мысль, 1963–1966.

[1.15] Яншина Ф. Т. Ноосфера: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность. 1993. № 1, – С. 163–173.

К Главе II

[2.1] Изместьев С. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития, 2020, №7. С. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11.

[2.2] Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии: пер. с англ. Рождественская Е., Гавриленко С. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018, – 336 с.

[2.3] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. Коробочкина М.Л. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.

[2.4] Finland makes broadband a ‘legal right’. – https://www.bbc.com/news/10461048 (дата обращения: 27.08.2020).

[2.5] Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression [Электронный ресурс]: Report no. A/HRC/17/27 // United Nations General Assembly. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 27.08.2020).

[2.6] Скобелев В. Аналитика по теме «Цифровая техника» Прирост интернет аудитории обеспечили пенсионеры. – https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/01/2020/5e1876549a7947210b5ef636 (дата обращения: 27.08.2020).

[2.7] Freedom House «FREEDOM ON THE NET 2019». – https://freedomhouse.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf (дата обращения: 27.08.2020).

[2.8] Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Под редакцией В. С. Стёпина. – М.: Мысль. 2001.

[2.9] Лапина З.Г. Доктрина государства в контексте востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая) // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44, № 1.

[2.10] Ритуалы – это и есть власть. Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе [Электронный ресурс] // ПостНаука : издательский дом. 2014. 7 нояб. URL: https://postnauka.ru/talks/35978 (дата обращения: 27.08.2020).

[2.11] Роберт Ф. Тафт. Византийский церковный обряд / перевод с английского А.А. Чекаловой. – СПб.: Алетейя. 2000. – 158 с. – (Серия «Византийская библиотека / Исследования»)

[2.12] Черных А. И. Ритуалы в медиатизированном обществе: препринт WP14/2012/03 [Текст] / А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 56 с.

[2.13] Вебер, М. Социология религии: монография / М. Вебер. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 561 с.

[2.14] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.

[2.15] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 384 с.

К Главе III

[3.1] Изместьев С. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития 2020. № 7. – С. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11

[3.2] Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. – М.: Идея-Пресс, 2011. – 128 с.

[3.3] Изместьев С. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития, 2020, № 9. С. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[3.4] Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее: пер. с англ. Моисеева С. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019, – 501 с.

[3.5] Шмитт К. Политическая теология. Сборник; пер. с немецкого Филиппова А. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000, – 336 с.

[3.6] Боден Ж. Шесть книг о государстве: пер. французского и комментарии Хачатурян Н.А. Сборник: Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Том 2 – М. «Мысль», 1999, – С. 688–695.

[3.7] L'état c'est moi // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. и 4 доп.) – СПб., 1890–1907.

[3.8] Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд.: пер. с немецкого Антонова М.В., Лёзова С.В. – СПб. ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015, – 542 с.

[3.9] Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 6 т. М., 1963–1966 Т. 6. С. 257–311.

[3.10] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории: пер. с немецкого – СПб., 2001, – 417 с.

[3.11] Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Т. 4, ч. 2. С. 59–106.

[3.12] ООН. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.04.2021).

[3.13] Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе – Frankfurt / M.: Посев, 1968. – 61 с.

[3.14] Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа: монография – М., «Норма», 2019. – 184 с.

[3.15] Фулер С. «Государство 2.0» будет киборгом, но человек всё равно останется неотъемлемой частью политического процесса // Эксперт, 2020, № 48 (1186) https://expert.ru/expert/2020/48/stiv-fuller-gosudarstvo-20-budet-kiborgom-no-chelovek-vse-ravno-ostanetsya-neotemlemoj-chastyu-politicheskogo-protsessa/ (дата обращения: 23.06.2022).

[3.16] Клаузевиц К. О войне – М., Издательства: «Эксмо», «Мидгард», 2007. – 864 с.

[3.17] Эллсберг Д. Машина Судного дня: Откровения разработчика плана ядерной войны: пер. с английского Ионов В. – М., «Альпина Паблишер», 2018, – 764 с.

[3.18] Ролз Д. Теория справедливости: пер с английского Целищев В.В. – Нсб., Издательство Новосибирского университета, 1995, 507 с.

[3.19] Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) Новый мир № 10, 1971.

[3.20] Maslow A. H. Motivation and Personality. – New York: Harpaer & Row, 1954.

[3.21] Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах. Том 4. II. М., 1965.

[3.22] Hamel G., Zanini M. Humanocracy: creating organizations as amazing as the people inside them – Boston, MA: Harvard Business Review Press, 2020, 368 с. ISBN 9781633696037 (ebook).

[3.23] Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия – Екатеринбург, Издательство «Кабинетный учёный», 2013, 240 с.

[3.24] Маск И.: «Марс – свободная планета, там не действуют законы Земли» https://habr.com/ru/company/selectel/blog/525962/ (дата обращения: 23.06.2022).

[3.25] Аннан К. Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. (Гл. III «Создание общего понятийного аппарата в области правосудия для Организации Объединённых Наций») доклад Генерального секретаря ООН, ООН, S/2004/616* (Distr: General 23 August 2004).

К Главе IV

[4.1] Изместьев С. В. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 7. – С. 63–72. – https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11 (Дата обращения: 04.06.2021).

[4.2] Изместьев С. В. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 9. – С. 51–59. – https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8 (Дата обращения: 04.06.2021).

[4.3] Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. – М.: Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – С. 257–311.

[4.4] Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – 2-е изд. – СПб. : Алеф-пресс, 2015. – 542 с.

[4.5] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.

[4.6] Саидов А. Х. Международное право прав человека / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2002. – 198 с.

[4.7] Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – М. : Рарогъ, 1993. – 206 с.

[4.8] Головащенко С. И. Право в Ветхом Завете // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 2000. – № 4. – С. 20–23.

[4.9] Коуп Л. Ветхозаветная модель. Заново открывая Божьи принципы обучения всех народов. – СПб.: Молодёжь с миссией, 2006. – 123 с.

[4.10] Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 191–195.

[4.11] Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 193–213.

[4.12] Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарёва; под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН. 2006. – 644 с.

[4.13] Голик Ю. В. Переустройство мира и уголовное право // Европейское измерение – 2014 : сборник научных трудов / под общ. ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. – М.: Книжный мир: Европейский институт JUSTO, 2014. – 544 с.

[4.14] Боден Ж. Шесть книг о государстве : пер. с фр. // Антология мировой правовой мысли : сборник : в 5 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – С. 688–695.

[4.15] Шмитт К. Политическая теология : пер. с нем. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 335 с.

[4.16] Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2. – С. 12–22.

[4.17] Изместьев С. В. Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации) // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 3. – С. 51–63. – https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9;

http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2021/3/law/izmestyev.pdf (Дата обращения: 04.06.2021).

[4.18] Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – М. : Норма, 2020. – 536 с.

[4.а] Ритуальное государство (материал из Википедии – свободной энциклопедии). – URL: https:// ru.wikipedia.org/wiki/Ритуальное_государство (дата обращения: 04.06.2021).

[4.б] Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах [Электронный ресурс]: доклад Генерального секретаря ООН от 23 августа 2004 г. № S/2004/616. Гл. III. Создание общего понятийного аппарата в области правосудия для ООН // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. – URL: https://undocs.org/ru/S/2004/616 (дата обращения: 03.04.2021).

[4.в] Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.04.2021).

[4.г] Сысоев Т. Стив Фуллер: ««Государство 2.0» будет киборгом, но человек всё равно останется неотъемлемой частью политического процесса» // Эксперт. – 2020. – № 48. – С. 54–59.

К Главе V

[5.1] Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? – М., 2013. – 265 с.

[5.2] Изместьев С. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9 (151). С. 51–59. https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[5.3] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. – М., 2017. 344 с.

[5.4] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы. – М., 2017. – 828 с.

[5.5] Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб., 2015. – 542 с.

[5.6] Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М., 2019. – 220 с.

[5.7] Клаузевиц К. О войне. – М., 2007. – 458 с.

[5.8] Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. – М., 1966. Т. 6. – С. 257–311.

[5.9] Линдблом Ч. Политика и рынки: политико-экономические системы мира. – М., 2005. – 305 с.

[5.10] Маркс К. К критике гегелевской философии права. Вильнюс, 1985. 29 с.

[5.11] Маркс К. Критика Готской программы. – М., 1989. – 45 с.

[5.12] Переписка И.П. Павлова и В.М. Молотова в 1934–1935 году [Электронный ресурс] // Мемориальный музей-усадьба академика И.П. Павлова. URL: http://www.pavlovmuseum.ru/pavlov/perepiska_Pavlova_i_Molotova (дата обращения: 23.06.2022).

[5.13] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936. – 503 с.

[5.14] Антонян Ю.М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди. – М., 2015. – 311 с.

[5.15] Аристотель. Никомахова этика. М., 2011. – 492 с.

[5.16] Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995. – 507 с.

[5.17] Платон. Государство. – М., 2015.

[5.18] Локк Дж. Сочинения : в 3-х т. – М., 1985. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. – 621 с.

[5.19] Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М., 1998. – 416 с.

[5.20] Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М., 2006. – 644 с.

[5.21] Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – 524 с.

[5.22] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. 417 с.

[5.23] Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М., 2008. – 144 с.

[5.24] Сысоев Т. Стив Фуллер: «Государство 2.0» будет киборгом, но человек всё равно останется неотъемлемой частью политического процесса» [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: https://expert.ru/expert/2020/48/stiv-fuller-gosudarstvo-20-budet-kiborgom-no-chelovek-vse-ravno-ostanetsya-neotemlemoj-chastyu-politicheskogo-protsessa/ (дата обращения: 23.06.2022).

[5.25] Милль Дж.С. О Свободе // Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). – М., 2000. – С. 288–392.

[5.26] Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000. – 335 с.

[5.27] Урбинати Н. Искажённая демократия. Мнение, истина, народ. – М., 2016. – 448 с.

[5.28] Manin B. The Principles of Representative Government. Cambridge, 1997. 243 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511659935.

[5.29] Kelsen H., Treviño J. General Theory of Law & State. N. Y., 2017. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960.

[5.30] Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). – С. 12–22.

[5.31] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – 416 с.

[5.32а] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. – М., 2004а. – 637 с.

[5.32б] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2004б. – 767 с.

[5.33] Как поменялось население Сирии за десять лет войны. Инфографика [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/03/2021/604f12e99a794781794b8e0b (дата обращения: 23.06.2022).

[5.34] Искусственный интеллект выступил на конференции и предупредил учёных, что он опасен [Электронный ресурс] // Хайтек. URL: https://hightech.fm/2021/12/13/ai-dangerious (дата обращения: 23.06.2022).

[5.35] Рейтинг стран по уровню доверия людей к политикам [Электронный ресурс] // Nonews. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/public-trust-politicians (дата обращения: 23.06.2022).

[5.36] Шмитт К. Государство и политическая форма. – М., – 2010. – 272 с.

[5.37] Изместьев С.В. Право народов и контуры будущего (перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации) // Теория и практика общественного развития. 2021б. № 3 (157). С. 51–63. https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9

[5.38] Изместьев С.В. Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021а. Т. 18, № 4. С. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

[5.39] Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – Франкфурт-на-Майне, 1968. – 63 с.

[5.40] Philosophy and Politics / ed. A. Magun. Lanham, 2020. 286 p.

К Послесловию

[6.1] Изместьев С. В. Присвоение государства и глобальная революция // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7. – С. 117–133. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.16

[6.2] Аристотель. Никомахова этика. – М., 2011. – 492 с.

[6.3] Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). – С. 12–22.

[6.4] Бузгалин А.В. Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения / под. ред. А.В. Бузгалина, – М., Издательство УРСС, 2003. 256 с. – С. 9–29.

[6.5] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001. – 417 с.

[6.6] Франциск. Энциклика. Fratelli Tutti. О братстве и социальной дружбе, Серия «Межрелигиозный диалог» / пер. Е.Хан, под ред. Д. Мухетдинова, – М., ООО «Издательский дом Медина», 2020. – 232 с.

[6.7] Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – Франкфурт-на-Майне, 1968. – 63 с.

[6.8] Kelsen H., Trevico J. General Theory of Law & State. N. Y., 2017. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960.

[6.9] Яншина Ф.Т. Ноосфера: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность. 1993. № 1.С. 163–173.

[6.10] Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм: монография / С.Н. Бабурин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, – 2022. – 264 с.

[6.11] Изместьев С. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9 (151). С. 51–59. https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[6.12] Изместьев С.В. Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

[6.13] Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936. – 503 с.

[6.14] Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм: проекты, стратегии продвижения, политический вклад НИУ ВШЭ Результат исследования/работы (№ проекта 20-01-006) Interdisciplinary Discussion Platform 2020, Vol.4, № 3. С. 975–1019. URL: http://en.hpchsu.ru (дата обращения: 05.10.2022).

[6.15] Клаузевиц К. О войне. – М., – 2007. – 458 с.

[6.16] Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6. – С. 257–311.

[6.17] Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – М. : Рарогъ, 1993. – 206 с.

[6.18] Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // Oxford University Press and New York University School of Law. 2017 Vol.15 Issue 3. P. 705–733 July 2017 International Journal of Constitutional Law 15(3):705-733.

[6.19] Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия ; пер. с англ. Г. Ястребова. – М. : Альпина нон-фикшн, 2016. – 538 с.

[6.20] Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.

[6.21] Кравец И.А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. – 2019. – № 10.

[6.22] Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации; пер. с англ. Э. Кондуковой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 432 с.

[6.23] Боуман Э. Глобализация снизу // Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения под. ред. А.В. Бузгалина, – М., Издательство УРСС, 2003. – 256 с. – С. 131–140.

[6.24] Права человека: между прошлым и будущим : монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 448 с.

Библиография

Книги, монографии

1. Антонян Ю.М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди. – М., 2015. – 311 с.
2. Аристотель. Никомахова этика. – М., 2011. – 492 с.
3. Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия ; пер. с англ. Г. Ястребова. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 538 с.
4. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм: монография / С.Н. Бабурин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 264 с.
5. Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – М.: Норма, 2020. – 536 с.
6. Боден Ж. Шесть книг о государстве: пер. с французского и комментарии Хачатурян Н.А. Сборник: в 5 т. Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Том 2 – М. «Мысль», 1999, С: 688–695.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – 416 с.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М., 2019. – 220 с.
9. Вебер, М. Социология религии: монография / М. Вебер. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 561 с.
10. Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия – Екатеринбург, Издательство «Кабинетный учёный», 2013, – 240 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – 524 с.
12. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. Коробочкина М.Л. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.
13. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии: пер. с англ. Рождественская Е., Гавриленко С. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018, – 336 с.

14. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936. – 503 с.
15. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее: пер. с англ. Моисеева С. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019, – 501 с.
16. Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – М. : Рарогъ, 1993. 206 с.
17. Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. – М.: Мысль, 1963–1966. – Т. 6. С. 257–311.
18. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах. Том 4. II. М., 1965
19. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Т. 4, ч. 2. – С. 59–106.
20. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. – М., 2004. – 637 с.
21. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2004. – 767 с.
22. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд.: пер. с немецкого Антонова М.В., Лёзова С.В. – СПб. ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015, – 542 с.
23. Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа: монография – М., «Норма», 2019. – 184 с.
24. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М., 2008. –144 с.
25. Клаузевиц К. О войне – М., Издательства: «Эксмо», «Мидгард», 2007. – 458 с.
26. Кор Л. Распад государств: пер. с англ. К.А. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007, – 262 с.
27. Коуп Л. Ветхозаветная модель. Заново открывая Божьи принципы обучения всех народов. – СПб. : Молодёжь с миссией, 2006. – 123 с.
28. Линдблом Ч. Политика и рынки: политико-экономические системы мира. – М., 2005. – 305 с.

29. Локк Дж. Сочинения : в 3-х т. М., 1985. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. – 621 с.
30. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии: пер. с венгерского. – М.: ООО «Новое литературное обозрение», 2016, – 392 с.
31. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Вильнюс, 1985. – 29 с.
32. Маркс К. Критика Готской программы. – М., 1989. – 45 с.
33. Матюшкин Н.И. В. И. Ленин о дружбе народов. – М.: Знание, 1954, – 40 с.
34. Милль Дж.С. О Свободе // Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). – М., 2000. С. 288–392.
35. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003, – 384 с.
36. Платон. Государство. – М., 2015.
37. Права человека: между прошлым и будущим : монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 448 с.
38. Рагимов И.М., С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик, Ю.И. Дук, А.И. Коробеев Современное государство в эпоху глобальных трансформаций (Аналитический доклад). – М: ООО «Юридический центр-Академия», 2019, – 342 с.
39. Ролз Д. Теория справедливости: пер с английского Целищев В.В. – Нсб., Издательство Новосибирского университета, 1995, – 507 с.
40. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М., 1998. – 416 с.
41. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.
42. Саидов А. Х. Международное право прав человека / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2002. – 198 с.

43. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – Франкфурт-на-Майне, 1968. – 63 с.
44. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? – М., 2013. – 265 с.
45. Тафт Роберт Ф. Византийский церковный обряд / перевод с английского А.А. Чекаловой. – СПб.: Алетейя. 2000. – 158 с. – (Серия «Византийская библиотека / Исследования»)
46. Уикхем К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации: пер.с англ. – М.: Терра, 1990, – 536 с.
47. Урбинати Н. Искажённая демократия. Мнение, истина, народ. – М., 2016. – 448 с.
48. Франциск. Энциклика. Fratelli Tutti. О братстве и социальной дружбе, Серия «Межрелигиозный диалог» / пер. Е. Хан, под ред. Д.Мухетдинова, – М., ООО «Издательский дом Медина», 2020. – 232 с.
49. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории: пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001, – 417 с.
50. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. – М.: Идея-Пресс, 2011. – 128 с.
51. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. – М., 2017. – 344 с.
52. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
53. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарёва; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН. 2006. – 644 с.
54. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации ; пер. с англ. Э. Кондуковой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 432 с.

55. Черных А. И. Ритуалы в медиатизированном обществе: препринт WP14/2012/03 [Текст] / А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 56 с.
56. Шмитт К. Государство и политическая форма. – М., 2010. – 272 с.
57. Шмитт К. Политическая теология : пер. с нем. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 335 с.
58. Эллсберг Д. Машина Судного дня: Откровения разработчика плана ядерной войны: пер. с английского Ионов В. – М., «Альпина Паблишер», 2018, – 764 с.
59. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы. – М., 2017. – 828 с.

Книги, монографии на английском языке

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990, – 186 c.
2. Hamel G., Zanini M. Humanocracy : creating organizations as amazing as the people inside them – Boston, MA : Harvard Business Review Press, 2020, 368 c. ISBN 9781633696037 (ebook)
3. Kelsen H., Treviño J. General Theory of Law & State. N. Y., 2017. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960
4. Manin B. The Principles of Representative Government. Cambridge, 1997. 243 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511659935
5. Maslow A. H. Motivation and Personality. – New York: Harpaer & Row, 1954.
6. Philosophy and Politics / ed. A. Magun. Lanham, 2020. – 286 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках

1. Боуман Э. Глобализация снизу // Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения под. ред. А.В. Бузгалина, – М., Издательство УРСС, 2003. – 256 с. С. 131–140.
2. Бузгалин А.В. Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения / под. ред. А.В. Бузгалина, – М., Издательство УРСС, 2003. 256 с. С. 9–29.
3. Голик Ю. В. Переустройство мира и уголовное право // Европейское измерение – 2014 : сборник научных трудов / под общ. ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. – М. : Книжный мир : Европейский институт JUSTO, 2014. – С. 544.
4. Головащенко С. И. Право в Ветхом Завете // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 2000. – № 4. – С. 20–23.
5. Изместьев С.В. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития. 2020. № 7. С. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11
6. Изместьев С. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9. С. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8
7. Изместьев С. В. Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации) // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 3. – С. 51–63. – https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9
8. Изместьев С.В. Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

9. Изместьев С. В. Присвоение государства и глобальная революция // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7. – С. 117–133. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.16
10. Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // Социодинамика. 2013. – № 3. – С. 1–45. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.560 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=560
11. Кравец И.А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. – 2019. – № 10.
12. Лапина З.Г. Доктрина государства в контексте востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая) // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44, № 1.
13. Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм: проекты, стратегии продвижения, политический вклад НИУ ВШЭ Результат исследования/работы (№ проекта 20-01-006) Interdisciplinary Discussion Platform 2020, Vol.4, № 3 – С. 975–1019. URL: http://en.hpchsu.ru
14. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 191–195.
15. Черниченко С.В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права, 1995, – С. 23–24.
16. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.
17. Шнеккенер У. Распад государства как глобальная угроза. Неустойчивые государства и транснациональный терроризм // Internationale Politik, – 2003, – № 6. – С. 17–28.

18. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 193–213.
19. Яншина Ф. Т. Ноосфера: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность. 1993. № 1, С. 163–173.
20. L'état c'est moi // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. и 4 доп.) – СПб., 1890–1907.

Статьи в периодических изданиях и сборниках на английском языке

1. Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // Oxford University Press and New York University School of Law. 2017 Vol.15 Issue 3. P. 705 – 733 July 2017 International Journal of Constitutional Law 15(3):705-733.

Интернет-ресурсы

1. Благовещенский А. ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым. – https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html (дата обращения: 03.04.2021).
2. Ритуалы – это и есть власть. Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе [Электронный ресурс] // ПостНаука : издательский дом. 2014. 7 нояб. URL: https://postnauka.ru/talks/35978 (дата обращения: 27.08.2020).
3. Искусственный интеллект выступил на конференции и предупредил учёных, что он опасен [Электронный ресурс] // Хайтек. URL: https://hightech.fm/2021/12/13/ai-dangerious (дата обращения: 23.06.2022).
4. Как поменялось население Сирии за десять лет войны. Инфографика [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://

www.rbc.ru/politics/15/03/2021/604f12e99a794781794b8e0b (дата обращения: 23.06.2022).

5. Лапина З.Г. Доктрина государства в контексте Востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая) / ИСАА МГУ. – https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-gosudarstva-v-kontekste-vostokovedeniya-kak-sistema-sredstv-garmonizatsii-sotsiuma-na-primere-traditsionnogo-kitaya (дата обращения: 23.06.2022).
6. Линд У. Глобализация ускорит распад государств. Интервью: пер. с англ.// Росбалт, 27.05.2005. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2005/05/27/210531.html (дата обращения 30.11.2019).
7. Маск И.: «Марс – свободная планета, там не действуют законы Земли» https://habr.com/ru/company/selectel/blog/525962/ (дата обращения: 23.06.2022).
8. Рейтинг стран по уровню доверия людей к политикам [Электронный ресурс] // Nonews. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/public-trust-politicians (дата обращения: 23.06.2022).
9. Переписка И.П. Павлова и В.М. Молотова в 1934–1935 году [Электронный ресурс] // Мемориальный музей-усадьба академика И.П. Павлова. URL: http://www.pavlovmuseum.ru/pavlov/perepiska_Pavlova_i_Molotova (дата обращения: 23.06.2022).
10. Ритуальное государство (материал из Википедии – свободной энциклопедии). – URL: https:// ru.wikipedia.org/wiki/Ритуальное_государство (дата обращения: 04.06.2021).
11. Скобелев В. Аналитика по теме «Цифровая техника» Прирост интернет аудитории обеспечили пенсионеры. – https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/01/2020/5e1876549a7947210b5ef636 (дата обращения: 23.06.2022).
12. Сысоев Т. Стив Фуллер: «Государство 2.0» будет киборгом, но человек всё равно останется неотъемлемой частью политического процесса» // Эксперт. – 2020. – № 48. –

С. 54–59. [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: https://expert.ru/expert/2020/48/stiv-fuller-gosudarstvo-20-budet-kiborgom-no-chelovek-vse-ravno-ostanetsyaneotemlemoj-chastyu-politicheskogo-protsessa/ (дата обращения: 23.06.2022).

Интернет-ресурсы на английском языке

1. Finland makes broadband a 'legal right'. – https://www.bbc.com/news/10461048 (дата обращения: 23.06.2022).
2. Freedom House «FREEDOM ON THE NET 2019». – https://freedomhouse.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

Нормативные и официальные акты

1. Аннан К. Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. (Гл. III «Создание общего понятийного аппарата в области правосудия для Организации Объединённых Наций») доклад Генерального секретаря ООН, ООН, S/2004/616* (Distr: General 23 August 2004).
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 23.06.2022).

Sergey Izmestyev

GLOBAL ALTERNATIVE

English Edition

MONOGRAPH

Moscow
2023

UDC 340.1 [316.3 + 321]
LBC 67.022
DOI 10.32986/978-5-94472-115-0-01-2023

Translated by Oksana Chernikova, edited by Yuri Petrov

Izmestyev Sergey.
Global Alternative : monograph / S. V. Izmestyev. –
Moscow : Triumph Publishing, 2023. – 326 c.
ISBN 978-5-94472-115-0

The present work is dedicated to the issues of transformation of social institutions of state and law under the influence of globalization and informatization processes. The subject of the research is the state and law in their historical and functional prospective; the phenomena of ritualization of state functions being lost as globalization (ritualistic state) progresses, 'appropriation of states' (sovereignty) by influence groups, absorption of sovereignty by global oligarchic power, consistent substitution of traditional law by legislation are investigated.

In parallel, the genesis of the society globalization processes is also discussed, two key trends are distinguished: international globalization – the integration of states and their alliances into structures of transnational governance, «top-down globalization», and popular socio-media globalization – the formation of a global society, the public sphere, through dialogue on the Internet, «bottom-up globalization», their problems and prospects.

The concept of global constitutionalism, its problems and prospects in terms of practical implementation is considered as an outcome of the processes of globalization in the state and legal sphere.

A model is proposed for the development of global constitutionalism on the basis of a popular socio-media globalization, in a global public sphere united by common traditional, humanistic and spiritual values of the mankind, recognized human rights and freedoms, complemented by the right to freedom of dialogue in the Net (right to free communication) and freedom of access to the means of communication (right to the Internet), by initiating and approving basic standards shaped by the global civil society in the Net.

International associations of activists and believers of the world's traditional religions are proposed as the initiators of the global law.

The adoption of a global constitution is proposed by its worldwide support (approval) by the society through a global direct vote on the Internet.

Copyright © Sergey Izmestyev, 2023

To the new generations, who are in every way better than the previous ones!

With gratitude to the outstanding community, Siberians, my family, friends, colleagues without whose support it would be impossible to keep confidence in the success of this research, especially to my teachers, professors, mentors, who taught us to think critically!

CONTENTS

FOREWORD 6en

CHAPTER I. THE CRISIS OF A STATE
AS A SOCIAL AND POLITICAL INSTITUTION
IN THE ERA OF GLOBALIZATION 9en

CHAPTER II. GLOBAL REVOLUTION
AND 'RITUALISTIC' STATE 27en

CHAPTER III. LAW OF NATIONS
AND OUTLINES OF THE FUTURE 44en

CHAPTER IV. REVIVAL OF LAW
AS A GLOBAL ALTERNATIVE
TO THE WORLD DICTATORSHIP 69en

CHAPTER V. APPROPRIATION OF THE STATE
AND GLOBAL REVOLUTION 85en

A FINAL WORD. LAW OF NATIONS
AND GLOBAL CONSTITUTIONALISM 117en

References 132en
Bibliography 146en
Books, monographs 146en
Articles in periodicals and anthologies 151en
Web resources 154en
Regulatory and official acts 155en

FOREWORD

A tenebris ad lucem».
(From darkness to light (Latin))

In recent decades, we have heard alarmist statements from academics: legal scholars, sociologists, historians, as well as public and cultural figures about the crisis that has engulfed society and its basic institutions – the law and the state. The problem is most often attributed to the revolutionary changes in the technological and informational spheres, which have a significant impact on our lives. And the more rapid the changes, the more often we talk about the crisis. Therefore, the crisis is linked to the changes?

What if, looking back over the human history, we asked ourselves: 'Has there ever been a relatively long period when contemporaries did not regard changes as a crisis?' Certainly, in the distant past the pace of scientific and technological progress was less rapid, there were eras when it was difficult to distinguish centuries without seeing a calendar. But, there have always been changes due to progress. A society that emerged from primitive times has always faced change and complained about crisis.

From this we can assume that a 'crisis' hides the usual inability to respond correctly and timely to the changes caused by the progress, due to the inability to foresee and evaluate them properly. It is precisely such unexpected changes that become a 'challenge' and a 'problem'. In this case, instead of accepting the changes, managing them, the society is forced to overcome problems and adapt to risks, to undergo crises.

What is the cause of the present-day crisis?

The explosive growth of information and communication technologies, digitalization and digital transformation have accelerated the formation of a global society, unified trade and financial markets, and intensified the cultural integration of peoples. In fact, nothing has happened that never happened before. These processes have been going on and growing safely throughout human history. And already

at the beginning of the last century, it was obvious to thinking minds what awaited us.

Under these conditions, the real 'crisis' was the attempt of the political-economic groups that appropriated people's sovereignty to preserve the state monopoly on the management of society, carried out by the former political means.

Since globalization and its cause – scientific and technological progress – are objective phenomena, ignoring reality has inevitably led to the transit of sovereignty previously appropriated by groups of politicians to the supranational (global) level, where the absence of effective mechanisms of transnational governance has put the reins of society in the hands of mafia-corrupt global oligarchic power.

Under these conditions, the victims of such a clash of interests of national and transnational 'elites', global oligarchy and ritualistic states, were the peoples of the world, in fact, losing their popular sovereignty.

Briefly, the causes of the crisis lie in the impossibility of regulating a new level of legal relations with the old 'Westphalian' state and political tools. The loss of the monopoly on the management of society by politicians plunged them into mutual distrust and aggression, which resulted in a global political crisis – a struggle for world domination, threatening the humankind with physical extermination. Even if one were to imagine that world political domination were possible, the prospects for such a future are not optimistic...

The only way out should be in the ability to correctly, in time, objectively and comprehensively assess the changes taking place and to respond to them in the proper and best way.

The image of a better future has been successfully shaped by nations in the constitutions, philosophic and legal doctrines they have adopted; it comes from the natural moral and spiritual principles of human beings. In fact, there is no point in talking about what kind of future we want to see. The question is, how and by what means should we achieve it? What is the path 'from darkness to light'?

There can be no doubt that we are created that we are, that the ability to overcome any challenges of time is inherent in us initially, in our higher nature, it is only necessary to allow it to happen.

This book, written between 2019 and 2021, whose chapters were published in that period as scholarly articles, as a result of various studies and reflections in this area over the past century and beyond, is a modest attempt to answer this question.

CHAPTER I.
THE CRISIS OF A STATE AS A SOCIAL AND POLITICAL INSTITUTION IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Chapter I considers the impact of globalization processes on the state as a social and political institution, and the related threats and problems in the historical perspective as exemplified by Europe. Particular attention is paid to the prospect of an evolutionary 'stratification' of the state powers between the emerging supranational structures of social management and the municipalities endowed with the state powers. Two established types of globalization are also distinguished; their problems and prospects are evaluated.

The state, which emerged in human society at the dawn of its development, for several thousand years has been the most important social institution, the basis of the society's political system, the force that organizes, directs and supervises the joint activities and relationships of people, social groups, classes, unions.

The formation history of the state as a holistic mechanism for regulating social relations dates back to the development of patriarchal families, clans, and, ultimately, peoples formed by them.

At a certain stage of its development, human society came to the need of establishing a universal balance of interests of individuals, estates, and confessions in the interests of common survival and the common good. Political power, endowed with the functions of regulation and enforcement, became the mechanism for balancing interests.

The formation and development of the institution of the state was influenced by the territorial fragmentation of human society, which fact firmly tied this social institution to separate territories, and linked it to the fundamentals, culture, traditions and economic patterns of individual nations.

Since the future was forged in constant competition between territorially segregated nationalities, the state inevitably acquired the

characteristics of protecting national interests from the encroachment of other peoples, as well as the right to violence against competitors.

It is erroneous to believe that the development of the state has greatly contributed to the development of the human society. In society itself, other regulatory mechanisms were and are present: morals, traditions, religion, culture.

It is possible to say that the state was, rather, a tool for the survival of peoples in the face of a fierce struggle for limited resources and cross-ethnic competition.

Thus, the strengthening of Rome's statehood, the formation of the military aristocracy and dictatorship, was conditioned by the need for its defense and the seizure of resources from its neighbours.

In the course of their policies of conquest, states developed different approaches to their constituent peoples and territories: indigenous, allied, and conquered. This is how empires emerged, afterwards justly described as 'the prison of peoples' [1.1].

More and more the state expressed itself in the use of violence in both foreign and domestic politics. The right to exercise this violence was appropriated by the clans, groups, and classes that gained political power.

Strong and centralized state power became a trait of societies with a low level of self-consciousness, culture and development, which were characterized by a gap between the interests of society and the ruling clan. Large states with usurped political power and enslaved peoples were not conducive to the development of social and economic relations in them and held them back, which inevitably led to their disintegration into natural units – mono-national 'small states", the naturalness of whose existence is justified in Leopold Kohr's work *'The Breakdown of Nations'*. He rightly noted that 'in the intervening period between the intellectual ice ages of great-power domination, history will in all likelihood repeat itself and the world, little and free once more, will experience another of those spells of cultural greatness which characterized the small-state worlds of the Middle Ages and Ancient Greece' [1.2, p.169].

Indeed, along with the proto-states (self-governing communities – 'polises') of ancient Greece, a vivid example of this is Europe at the beginning and midpoint of the Middle Ages (6th–13th centuries A.D.), when the peoples freed from the Roman yoke, actually in the absence of state power (feudal revolution), made a significant leap in economic, demographic and cultural development – the population of Europe alone increased threefold. Various strata of society experienced an unprecedented rise in 'involvement and participation' in the management of public affairs. Chris Wickham writes admirably about this in his monograph '*Medieval Europe: From the Fall of Rome to the Reformation'* [1.3, p.240].

The state was replaced by communal self-government, traditions, and religious moralities. At the time when the highly centralized states of Europe – Byzantium, the Umayyad Caliphate and Al-Andalus in Spain – were examples of degradation, corruption and gradual decline.

The further strengthening of the institution of the state in Europe was a forced response to external political and climatic challenges: crop failures, famines, and the plague epidemic after 1400. The emergence of centralized states in Europe knocked the development of civil society, local self-governance, and culture many centuries backward, leading to religious wars, aggression, the Inquisition, mass deaths, and the decline of economies. It took Europe another 400 years to find mechanisms to protect individuals and society from the state-imposed arbitrariness, violence, and usurpations.

The situation changed during the Reformation, in the Age of Enlightenment through a series of social turbulences – revolutions, when the society worked out principles of social control, separation of powers, 'checks and balances', equilibrium between the interests of the individual, society and the state alienated from them forever represented by political and aristocratic elites (the theory of 'social contract').

Actually, it is from this point that the significance of the state as a social institution begins to decline.

This is preconditioned by the following factors:

– the emergence of public control and self-regulation mechanisms as part of the formation of civil society;
– the development of local self-governance as the citizens' activity to independently and under their own responsibility resolve issues of local importance;
– the emergence of mechanisms for international conflict management;
– the development of international law and international justice;
– deep international economic integration;
– growth of international cultural and information exchange.

A striking example of 'denationalization' is the United States, where much of the power has been consolidated at the local level and some has been delegated to public institutions.

After the fall of the Iron Curtain at the end of the 20th century, the nations of Europe followed the same path, delegating some state powers to pan-European and other international structures (for example, defense – to NATO), and also giving the state powers to widely developed municipalities, transferring some regulatory functions to public institutions.

The attempts to build strong centralized states in Europe in the first half of the twentieth century were associated with political usurpation, violence, totalitarianism, and international aggression. Such states, based on totalitarian ideologies and violence, proved to be unstable, short-lived, and experienced political and economic failure. On their territories mostly mono-national 'smaller' states emerged, that incorporated into European, Eurasian and global economic and political integration. At the same time, at each stage of such integration, states lose their state features and voluntarily delegate part of their sovereignty to international structures.

The key factors in the weakening of the state as a social institution at the beginning of the 21st century were cultural and economic globalization.

Thus, at the beginning of our century, with the development of the worldwide information and telecommunication network Internet, information and communication technology and the accelerated digitalization of all sectors of the life of society, a single global sociocultural space began to form, based on the principles of internationalism, anthropocentrism, pluralism and tolerance, drawing young generations of residents of different states into its arena with a great speed. In this approach, traditional notions of national interests are blurred, cultural differences disappear, and the globalized economy equalizes people's economic interests.

The next big step will be the implementation of brain-computer interface technologies to connect the human brain with the global wireless Net, which are now being actively developed. What state interests will be guided by such a 'globalized' human, connected to the uniform Net?

Individual states and their unions are increasingly delegating the regulation of international political and economic disputes to international assemblies and arbitrators. The practice whereby the leading countries and their unions extend their legislation to regulate legal relations outside their territories has emerged, e.g. worldwide recognition of patents of individual countries (the USA, EU countries) at the international level.

The role of national law is sharply decreasing, and it is either being harmonized with international norms, or delegating the rights to regulate issues to international structures. A prominent example of this is the current Russian Constitution of 1993, which enshrines the priority of international law.

The globalized financial system is faced with the challenge of cryptocurrencies issued by non-state entities, breaking the original monopoly of states on the issue of money.

The practice of corporations using private military companies (armies) to solve economic issues by force is becoming widespread. The capacity of such 'troops' often exceeds that of the armed forces of individual states.

If such trends persist, the formation of a unified culture, ideology, law, justice, possibly electronic, and human morality is a matter of the near future. An era of 'global humanity' without barriers, nations, or borders is emerging. Geographical and cultural boundaries are being 'blurred', transnational communities of people like those of the Early Middle Ages, based on common goals, economic and cultural values are being formed.

Will there be room in this new global world for such a social institution as the state? What is its genesis?

In its essence, the state has a territorial and national character, aimed at protecting or advancing territorial and national interests. In the new global environment, these concepts are gradually being blurred, as is the concept of the individual as we know it. Thus, in most developed countries today, a person is free to determine his or her nationality and gender. The situation when the choice of citizenship will become as easy and free, will be carried out on a declarative basis via the Internet, and states will be able to attract their citizens as shareholders on the stock exchange, say, in exchange for investment, does not seem improbable either. Currently a number of states are already successfully practicing such 'sale' of citizenship (investment passports).

'Globalization is a force that literally destroys the meaning and essence of the state. This, in turn, accelerates the collapse of the state. For example, governments of industrialized states tell their citizens that the cause of unemployment is outsourcing – jobs are exported abroad, and the authorities can do nothing to combat it. As a result, in the eyes of citizens, the state loses its importance. The state becomes an institution that is not worthy of their loyalty,' says William Lind, director of the Center for Cultural Conservatism at the Free Congress Foundation [1.4].

The consistent trend of weakening of states, their rejection of economic and social paternalism, their inability to confront global challenges, irritates people and forces them to seek protection and justice from international organizations and institutions: international courts, human rights and humanitarian organizations.

It is cause for concern that today the state power, as a still effective instrument of violence and coercion, is often usurped and used by certain groups, clans, industrial corporations for selfish, nationalistic or criminal purposes. Phenomena of 'corporation-states', rogue states, criminal and even terrorist states emerge. The process of power degradation and the formation of a 'mafia state' is described in detail using the historical example of Hungary by the politician and publicist Balint Magyar in his famous work *'Anatomy of the Post-Communist Mafia State. The Case of Hungary'*. He describes the mechanism of the 'seizure' of the state by the 'criminal underground' that has become involved in the political process [1.5]

Although it is possible to assume that it is correct to speak in this case not about 'criminal states', but about criminal political regimes whose victims are 'failed', 'undeveloped' societies and states with undeveloped or defeated social institutions, unable to defend their rights and legitimate interests against internal hybrid aggression. A development of the term 'failed state', as coined in the 2006 U.S. National Security Strategy, was proposed by Ulrich Schneckener (Research Fellow, Global Issues Research Group, Science and Politics Foundation, Germany, Berlin) in the article *'State Collapse as a Global Threat. Unstable States and Transnational Terrorism'* [1.6]. He proposed subdividing 'problem' states into: 'weak', 'fragile', 'degrading or incapable of performing their functions', and 'failed or collapsed'. This classification is currently used by the international organization World Peace Foundation, the USA, in its annual ratings of the failure of states.

Such regimes (groups, clans, sects, parties) that have 'seized states' contribute to national isolationism, oppress the population of their countries, provoke international military conflicts, threaten peace and security in the world, especially given the destructive potential of modern weapons and the threat of proliferation of weapons of mass destruction. This requires the development of international mechanisms for the 'rehabilitation' of such 'seized' states, the criteria for depriving

them of their international legal status, and legal mechanisms to fix their compromised status.

Legal scholars rightly raise the question of the criminal responsibility of states for criminal acts [1.7, p.182–192]. Suffice is to recall that the gravest crimes against humankind and humanity in the twentieth century were committed by states in which power was appropriated by anti-social elements. The clearest example of the abuse of state violence in the interests of a particular group of people was Nazi Germany, with its doctrines of 'national superiority' and 'expansion of living space,' which plunged the peoples of the world into the bloodiest military conflict in human history. This state was only 'one step away' from possessing nuclear missiles. It is hard to imagine what this threatened the humankind. The military and technical as well as scientific potential of modern states is so high that the very idea of a 'military competition' between nations, as it used to be, is unacceptable. At the same time, the level of protection of states against usurpation has remained at the same level or even weakened against the background of the wide application of democratic procedures and the growth of opportunities for mass propaganda in an open information space.

It is encouraging to note that the level of aggression in the society is steadily decreasing. Armed combat is being replaced by methods of economic, informational, hybrid, propaganda warfare. Perhaps this is a consequence of the demasculinization of patriarchal politics through the increasing role of women and the gender revolution. "Soft power" displaces "hard power" [1.8, p.175], but the threat of global conflict is real and justified.

However, in contemporary legal science and politics there are calls to create a 'strong state' capable, allegedly, of withstanding any challenges of our time. Thus, A. Kerimov calls the following features of such a state: strong power, economic and production potential, ownership of the means of production, a monopoly on violence and coercion, a significant state-bureaucratic apparatus with broad power and regulatory powers in all spheres of public life, the ability to mobilize society and a monopolistic ideology [1.9].

It is precisely such a state, in light of the above, that is the most attractive target for the 'seizure' by the groups concerned, and when 'seized', it poses the greatest internal and external threat. In order to confront the challenges of the present-day world, it would be more correct to speak of a 'stable' state, whose democratic and social institutions and foundations are reliably protected against corruption and usurpation. But the problem of the stability of states is inseparable from the stability of its foundations: the nation, territory and cultural space, which are inevitably eroded by globalization processes.

Criminalization of political regimes, as a rule, entails profound defeats of state institutions, primarily those designed to counteract crime – the law enforcement and judicial systems. In this case, the transfer of crime control and justice functions by such states to supranational international institutions is an effective means of external 'healing'.

In addition to the 'invaders', the fetishization of the role of the state is also strongly promoted by bureaucratic clans and associations of the 'enforcement' agencies, which pursue the self-interest of maintaining their superpowers in order to protect their economic and political influence in society. Such professional communities, detached from the interests of society, often blackmail society with imaginary or artificially created threats and 'ritualize' the functions of the state. Interestingly, even they are not bypassed by the processes of globalization, forming organized international 'clandestine internationals of secret services', as A. Panarin called them in his work *'Temptation with Globalism'* [1.10, p.54]. Acting 'in the shadows', they often combine interests with international predatory financial clans and criminal communities, directing their efforts to oppose the international unification of the healthy forces of society, professing the principle: 'Divide and conquer!' Thus, the national interests of various countries are threatened not by the process of globalization, but by the globalized criminal international.

The development of information exchange, social media today creates an effective mechanism of protection against such phenomena – people's diplomacy – an open dialogue and exchange of information

between ordinary people from different parts of the world. The freedom of such interaction should be secured and protected by the international community from the attacks and restrictions of 'zealots' and 'priests' of states in any part of the world.

Opponents of globalization reasonably fear a 'seizure' of economies by international financial clans out of state control, proponents of an inhumane monetarist ideology aimed at an unfair redistribution of the world's resources and the curtailment of the social functions of states. They see salvation in strengthening the role of the state in the economy. However, as practice shows, the adherents of monetarist policy are well entrenched in the governments of modern states, successfully using the principles of monetarism to conduct aggressive state policy on global financial and economic markets. This phenomenon increases the financial and economic inequality of peoples and creates conditions for economic expansion of individual states.

As the Russian thinker A. Panarin rightly wrote on this subject: 'If globalization is usurped by certain political forces, then the way out may not be to oppose globalization and challenge it as a principle, but to increase our participation in this process, correcting its distortions at the same time. In other words, with respect to globalization one should not take the position of Luddites, the destroyers of machines' [1.10, p. 397–398].

In this case, the transfer to international institutions of economic and financial regulation will make it possible to create global mechanisms of protection of commodity and financial markets from economic expansion, to provide guarantees of the rights and interests of all their participants.

A well-known argument of 'state-minded people' against globalization is the threat of loss of national sovereignty by peoples as an inalienable and natural right.

This problem must be considered in the light of the 'transit' of sovereignty and the loss of the spiritual foundations of power in Europe during the 17th–20th centuries. The original source of sovereignty of most European states was the Roman Catholic Church, represented

by its head the Pope, who conferred sovereignty over the peoples by right of *'Vicarius Filii Dei' ('Vicarius Christi')* on the medieval rulers – 'sovereigns'. This principle is best reflected in the Slavic term *'gospodar'*, meaning: 'given by the Lord.' Thus, originally, the doctrine of sovereignty described by J. Bodin, was based on the transformation of the divine power over peoples into the sacred power of monarchs – its bearers. After the bourgeois revolutions and the fall of the monarchies, the concept of 'popular sovereignty' proposed by J.-J. Rousseau prevailed; it consists in the supremacy of the people in the state, and the people are seen as the only legitimate and lawful bearer of supreme power and as the source of state sovereignty. This norm is now enshrined in the constitutions of most modern states [1.11]. Now the source of sovereignty is no longer the Lord God, but the people – as the totality of citizens of the state, and its bearer is not 'God's anointed' – the monarch, but the representative and legislative bodies of the state, according to the principles of representative democracy. This 'transit' of sovereignty resulted in the desacralization of power in the eyes of society, the loss of the spiritual mission (responsibility before God) by the bearers of sovereignty, and the appropriation of sovereignty by the political powers that be (the parliamentary majority), which became increasingly dependent on international economic and political pressure groups.

Consequently, the partial loss of sovereignty of states in favour of international pressure groups has become an established reality. Under these conditions, the legal delegation of part of the sovereignty to legitimate and recognized international structures proposed by globalization will only streamline this process.

No negative phenomena are capable of changing the general vector of society's development. Arguments about the 'special path' of individual nations are as effective as attempts to drive away a hurricane with a fan. Globalization is an objective process of human history, marking the gradual merging of families into tribes, tribes into nations, peoples into nations and civilizations, with the inevitable loss of distinctive traditions, beliefs, languages and cultures. The question is not whether

there will be a globalization, but what and to whom will it bear fruit? There can be no supporters or opponents of globalization, there can be an effective or ineffective response to the changing conditions of society.

The ideas of economic and political competition between peoples are based on the outdated social Darwinism theory of the survival of the fittest under conditions of limited resources and living space for the development of peoples, the 'golden billion' theory. Such approaches are more peculiar to the animal world, which does not possess reason and technology, is incapable of learning about the world, searching for new resources and exploring new areas. This is where the erroneous idea of the need for an aggressive and defensive policy implemented by means of the state comes from. This is the greatest delusion of the earlier centuries, the climax of which was the ideology of fascism. Experience and modern science suggest otherwise. Man, who has reason, is capable of seeking and mastering the new energies and resources with which we are surrounded: the energy of the sun, the wind, tides, the earth's core, the decay of elements, up to the construction of the Dyson sphere, the extraction of resources in the world's oceans, on other planets and on asteroids.

Contrary to the delusion, whether unintentional or self-interested, the Creator, who commanded humans to 'multiply and replenish,' did not lock us in a confined space with exhaustible life resources for imminent destruction and devouring one another. He has endowed us with an Intelligence – the ability to master not only the even larger spaces of our planet, but also the planets of the Solar System, outer space, which, as humanity itself grows exponentially. Thus, the living space and source of resources for intelligent humanity is the entire Universe, in the modern sense – virtually limitless.

With the realization of this fact comes a consistent paradigm shift in the development of human society: from multitude to unity, from competition between peoples to unity. Entering a new technological level of development will make it possible in the near future to achieve a surplus of resources, to forget about the struggle for survival, to

create comfortable living conditions for everyone by introducing an unconditional basic income and transferring the hard and routine labor to robots, medical achievements will significantly increase life expectancy, technology will expand the capabilities of the human body.

Already today, the humankind is facing new global tasks and problems that cannot be solved by individual states. These include the exploration of neighbouring planets, which we are close to, protection of the Earth's climate, protection against nuclear war, superinfections and the asteroid threat (which science has recognized as the most dangerous threats to the humankind), the fight against worldwide terrorist and criminal organizations.

In the new global world, everything becomes global: the world financial system, world trade, science, culture, world health, the planetary climate, and even organized crime. A global toolkit is needed to solve global problems. Individual states, as an institution of the past, are incapable of solving these problems on their own. 'The globalization of commerce and communication, of economic production and finance, of the spread of technology and weapons, and above all of ecological and military risks, poses problems that can no longer be solved within the framework of nation-states or by the traditional method of agreements between sovereign states. If current trends continue, the progressive undermining of national sovereignty will necessitate the founding and expansion of political institutions on the supranational level, a process whose beginnings can already be observed,' says the German philosopher Jürgen Habermas in *'The Inclusion of the Other'* [1.8, p. 106]. The organization of complex interstate relations for each of the tasks will require incredibly much effort and time, will greatly complicate the procedure.

The pooling of humanity's efforts in the format of united nations has not proved to be an effective mechanism for solving international problems, becoming a field for international 'anarchistic competition for power between states' [1.8, p.108]. Humankind has made too many unjustified sacrifices on the altar of the ambition of politicians who have driven progress into the Procrustean bed of international foreign

policy conflicts. The world needs a 'post-national understanding of the political whole,' and the creation of a new 'post-political world' [1.8, p. 108].

Globalization, originally defined in 1990 by Lord A. Giddens as 'the intensification of worldwide social relations which link distant localities in such a way that local happenings are shaped by events occurring many miles away and vice versa' [1.12, p. 64], and in 2017, in his joint paper with Philip Sutton, described as 'the various processes through which geographically dispersed human populations are brought into closer and more immediate contact with one another, creating a single community of fate or global society' [1.13, p. 16], gives us a unique chance of forming a single supranational socio-cultural ethnos – humankind, capable of entering the new 'post-political' world. According to these researchers, we can talk about the formation of 'global interdependence' in a connected world, when 'decisions taken in one location can have an enormous impact on other, distant societies, and the nation state, so long the central actor, appears to have lost some of its power and control'[1.13, p. 16]. Contemporary scholarship, based on Malcolm Waters' research in *'Globalization'* (2001), names three main directions or 'dimensions' of globalization: economic, cultural and political [1.13, p. 17]. While the economic and cultural dimensions of globalization are unquestionable, the notion of the 'political' dimension of globalization, defined by the authors as 'growing international political cooperation, as in the notion of an active 'international community' or the use of multinational peacekeeping forces, demonstrates political and military coordination beyond national boundaries,' [1.13, p. 17] can be regarded only as one of the variants of globalization in the sphere of society control.

The major global task should be exactly the progressive, stable and safe development of human society through the full implementation of the rights and freedoms of every human personality, the disclosure and development of its creative potential in labour, science, art and spiritual sphere.

Intuitively, humanity is gradually combining its efforts, forming a system of global security and global development, which should absorb some of the state powers, 'absorb' the sovereignty of states in certain sectors. This will lead to the inevitable 'end of international politics' and the formation of global security, justice and development.

The remaining powers of states could be gradually transferred to the local level, to local self-government, allowing residents of agglomerations, communities, to fully and freely regulate the issues of the life and development of their territories.

Such a construction of the 'stratification of the state' would create a premise and guarantee global security and development of humanity, concentrating in the hands of local communities most of the issues of their daily life. In this case, municipalities are transformed from state-territorial units into corporations of residents, participants of economic and financial relations. This approach to municipalities has already been widely used in the legislation of the U.S., the EU, and Russia.

The reliance on local, communal, interests can explain the high efficiency of governments in small European states, which, in essence, are a form of national self-government of peoples, who actively delegate part of their sovereignty to the supranational level.

Following this logic, we can distinguish two types of globalization in the management of society: globalization of nations and 'people's' globalization.

The first type is characterized by the unification of nation-states into global international associations, bound by international law. It is this type of globalization that can be rightly called an 'alliance of unequal', where the larger players of the 'civilized world' often solve their problems at the expense of weaker partners, imposing their political and economic will on them. All of the above-mentioned fears related to the processes of globalization fully apply to the above-mentioned type. Moreover, by the will of the politicians driving these processes, such globalization often degenerates into a means of expansion of some of its members.

Over the recent decades, thanks to the development of information and communication technologies and the unified socio-cultural space formed by them, we can talk about a different type – 'people's' globalization in the sphere of social management – the mass desire of the people of the world to remove the barriers to cultural and economic cooperation. It is expressed in a significant public pressure on the authorities of national states by the society, mainly young people, on the issue of participation of such states in the processes of globalization, transfer of some powers to supranational structures. This people's impulse can be explained by the citizens' obvious awareness of the benefits of removing barriers to economic and social development. The societies of Eastern European countries are following this path, demanding that politicians accelerate European integration. At the same time, the interests of politicians, in both candidate countries and member states of global structures, do not always coincide with the aspirations of the society, which leads to real political conflicts.

Scientists make reasonable assumptions that in the near future 'we might expect social movements to organize above the level of local and national politics' without the participation of existing international organizations [1.13, p. 17]. This allows us to speak about the phenomenon of the awakening of mass global consciousness against the background of the inability of politicians and the international organizations created by them to solve the issues vital for humanity in such areas as environment protection, health care, protection of human rights and freedoms, social security.

In this regard, there is an urgent need for international juridical mechanisms to protect society's interests in the implementation of the natural right to participate in the globalization, taking into account the legitimate rights and interests of all stakeholders in this process. Globalization should be an open and honest process, not the domain of the 'selected peoples'.

The transformation of state formations, of course, will be gradual, evolutionary in nature represented as the formation of a global union (or several unions), pulling more and more peoples and territories into

its orbit. A temporary exception may be 'captured' states, threatening peace and security, whose peoples are not capable of independent liberation and choice of their fate, whose perspective should be determined by the world community solely on the basis of international law and respect for the natural rights of individuals, peoples and states.

A huge role in this process will belong to the world law, world legitimacy, which will be responsible for putting together the 'framework' of new global relations, obliged to be strong and to ensure peace and justice in the new era of humankind. The ideas of world law *(ius gentium)* and world citizenship *(ius cosmopoliticum)* have been declared as the natural continuation of state and international law to achieve eternal peace already by I. Kant in his work *'Perpetual Peace'* [1.14, p. 257–311].

The mission of the world law is legislative regulation of globalized processes, due to objective circumstances, out of the sphere of national state regulation, filling this legal 'vacuum', on the basis of law norms, accepted by all, in the perspective of everyone.

Ways of forming such a law in modern conditions can be:

– recognition of the priority of the norms of international law over the norms of national legislation;
– adoption of model acts and codes by national legislatures;
– formation of global legislative bodies, with powers delegated to them by individual states.

A special role also belongs to the formation of universal spirituality, the cross-convergence of destinies, personalities and peoples in a single universal 'alloy', planetary and cosmic Noosphere, the development of which was predicted by the philosopher V.I. Vernadsky in his works at the dawn of the 20th century [1.15].

Is it possible to talk about the prospect of the formation in the near future of some global 'superstate' on a planetary scale, as L. Kohr speculated in the above-mentioned work [1.2]. At this stage, I think it is premature. The new global information world order does not imply the centralization of power in any geographical center, it must be multipolar, more correctly, distributed. Otherwise, the principle of interconnection

will be replaced by the principle of absorption, possibly generating the tragedy of enslavement of peoples on a planetary scale, in the words of I. Kant it would lead to 'the most terrible despotism' [1.14, p. 103].

The evolutionary fading of the role of the state in the twenty-first century will not be fleeting. Perhaps, having lost their real functions, states will long outlive themselves, preserving themselves, like monarchies, nominally by virtue of tradition.

However, we want to believe that in the future humanity will experience a new 'golden age' of spiritual, cultural, economic growth and unity, and the experience of strong and centralized statehood may be required for a united global humanity only in possible interaction with other external unfriendly forces, civilizations. On the way to building a global world, humanity is to create it as a true union of nations, not an alliance of states, as it originally was.

CHAPTER II.
GLOBAL REVOLUTION AND 'RITUALISTIC' STATE

Chapter II considers the impact of globalization processes on the society and the state. It distinguishes two established types of globalization: unionization of states and unionization of people on the basis of global information and communication technologies, and demonstrates the relationship between the development of information exchange and democratization and debureaucratization of society. The problems of manifestations of fundamentalism, isolationism, and resistance to the processes of people's globalization by interest groups using collective and media-rituals, restrictions on the rights of citizens to freely exchange information, and access to the Internet at the state level are analyzed separately. Chapter II describes the phenomenon of the postmodern 'ritualistic' state counteracting globalization on a societal level, its attempts to monopolize the information and spiritual spheres, and the response of society's unification efforts – a global revolution. In this connection, the ideas of expanding international legal guarantees of individual participation in the exchange of information and free access to the means of such exchange as natural human rights, international legal regulation of the status and activities of global associations, creation of guarantees for participants of the global information exchange are expressed.

In today's world, everything is becoming global: the global financial system, global trade, science, culture, global healthcare, the planetary climate, and even organized crime. To solve global problems a global toolkit is needed. Individual national states cannot solve them effectively on their own.

Globalization is an objective process of human history, marking the gradual merging of families into tribes, tribes into nations, peoples into nations and civilizations, with the inevitable loss of unique traditions, beliefs, languages and cultures. It would be fair to consider

the very notion of globalization not as a separate phenomenon, but as society's awareness of the natural process of dialectical development of humanity in its historical perspective. The denial of this fact is a deliberate distortion of the essence of history, the denial of progress itself.

Intuitively, humankind is gradually pooling its efforts, establishing systems of global security and global development, which should assimilate some state powers, 'absorb' the sovereignty of states in certain sectors. This will lead to the inevitable 'end of international politics' and the formation of the world's security, justice and development institutions.

The development of information exchange and social media provides an effective mechanism for globalization on the personality level – people-to-people diplomacy – open dialogue and information exchange between ordinary people from different parts of the world. The freedom of such cooperation must be safeguarded and protected by the international community from the attacks and restrictions of 'zealots' and 'priests' of the state monopoly on the control of society in any part of the world.

Earlier it was proposed to distinguish two historically established types of globalization in the sphere of social governance: globalization of nations and people's globalization. 'The first type is characterized by the consolidation of nation-states into global international associations, held together by international law. It is this type of 'international' that can rightly be called an alliance of unequal, where larger players of the 'civilized world' often solve problems at the expense of weaker partners, imposing their political and economic will on them. <...> By the will of the politicians driving these processes, such globalization often degenerates into a means of expansion of its individual players.

In recent decades, thanks to the development of information and communication technologies and the unified socio-cultural space formed by them, it is possible to talk about a different type of globalization in the management of society – people's globalization – the mass desire of the people of the world to remove barriers to cultural and economic interaction' [2.1].

This process of growing self-awareness among the masses worldwide through the free exchange of information, coordination of joint actions and efforts in protecting human rights and freedoms, and the fight to preserve and create a favorable ecological and social environment can confidently be called a global revolution. A striking proof of this is the emergence of worldwide social movements of environmental and human rights activists, such as the environmental movement of Greta Thunberg's supporters for Saving the Earth's Climate and the international human rights movement Black Lives Matter (BLM). However, at both the national and international levels there is no legislative basis for the status and guarantees of the activities of such associations and their members. This creates preconditions both for infringement of the rights of their participants by individual states as well as for abuse by the participants of the associations themselves.

The emergence of global social movements that 'are above the level of local and national politics' without the participation of existing international organizations was predicted by British sociologists A. Giddens and P. Sutton in "Essential Concepts in Sociology" in 2018 [2.2, p. 19].

The most successful example of supranational globalization today is the European experience of delegating a part of the state sovereignty to the supranational level and the transition to a unified European post-political society. In the framework of the European Union, a necessary balance has been found between the being transformed institution of the state and the emerging globalized community, which opens up prospects both for expanding the sphere of globalization and for including new peoples and territories in this process. In doing so, each new participant receives more ready-made mechanisms of supranational interaction and transnational governance, already fine-tuned and formalized legislatively.

The reverse processes typical of societies and states that are sceptical of participation in the world globalization processes deserve a separate study. The existing public institutions in such societies and states are also subject to transformation, and the authorities inevitably lose real

mechanisms of regulation in globalized spheres of social life, primarily in finance, economy, culture and information exchange.

Present-day scholars note a correlation between the level of democracy, the development of civic institutions, and society's ability to reach the level of supranational interaction. The higher the level of democracy and the development of civil society, the more actively it is engaged in the establishment of supranational structures.

Sociologists say that the spread of democracy 'has been strongly influenced in the recent period by the advance of global communications,' and 'rights of democratic participation go along with civil liberties – freedom of expression and discussion' [2.3, pp. 58–59].

Thus, we can talk about the interconnection of the processes of globalization and democratization of society, mutually reinforcing throughout the XX century and the beginning of our century, encompassing most of the world.

Expanding under the influence of progress, the international information and communication environment offers people from different countries and societies a global discussion platform intended for mutual exchange of information about distant and close events, for expression of opinions about them. This environment, weakly regulated by national and international law, has shown the ability to self-regulate. The principles of equality, mutual respect, correctness and tolerance, without which no fruitful constructive dialogue is possible, have become the most appropriate 'equation' for such a pluralistic dialogue.

Consequently, the information and communication environment gave rise to discussion, and discussion gave rise to democracy, which, in fact, can be defined as an equal public dialogue. According to A. Giddens, 'the emergence of a global information society is a powerful democratising force' [2.3, p. 64].

Thanks to the development of electronic communication and the democratization of this communication environment, states and financial groups are gradually losing the right to an information monopoly in the global open exchange of information. This is because 'authoritarian government becomes out of line with other life experiences, including

the flexibility and dynamism necessary to compete in the global electronic economy. In a world based upon active communication, hard power…loses its edge' [2.3, p. 61].

However, information technology can be and is widely used for propaganda purposes. This applies first and foremost to authoritative international and state-run media, which provide a one-way transmission of information to an unlimited circle of users. Being under the control of state or private influential structures, they serve to disseminate one-sided official biased assessment of events, without the possibility of public discussion and dialogue. Thus, in the words of A. Giddens, 'television and the other media tend to destroy the very public space of dialogue' [2.3, p. 64]. This problem is especially acute in a society where freedom of speech is not provided by laws and is not controlled by public institutions. There are also examples when, due to the globalization of the world information space, authoritative international media, especially TV and radio news channels and Internet giants serve as an instrument of political and economic pressure within the framework of international and interstate political and economic competition, serving the interests of major powers or transnational corporations. This circumstance is often used as a reason for justified criticism of the processes of globalization of the information space.

Therefore, we can distinguish two trends of globalization in the information sector: the expansion of the sphere of influence of large companies and the media and the development of international discussion platforms on the basis of social media and services on the Internet. The first type does not contribute to the improvement of civil society and the formation of a supranational post-political world, often serving the purposes of international pressure, protectionism, illegal surveillance and interference, while the second type acts as an instrument of people's globalization by including people in a free and equal dialogue, an expression of people's diplomacy without prejudice and borders.

In this connection, the task of legislative guarantees at the international level of the natural right of people to freely participate

in the global dialogue and exchange of information through electronic services and technologies is more urgent than ever. In the absence of such international legal norms, some states adopt legislative acts aimed at infringing upon human rights in the area of free information exchange and access to services and technologies. Admittedly, such efforts are often unsuccessful because this globalized sphere is beyond the control of individual states.

Legislation of Finland can be considered as pace-setting, according to which every citizen since July 2010 is guaranteed a high-speed connection to the Internet. Such connection by virtue of the law is referred not to opportunities, but to the rights of a Finnish citizen. According to surveys, four out of five people around the world today believe that access to the World Wide Web is a fundamental right [2.4].

It seems possible and relevant to raise the question of supplementing the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms with provisions to guarantee the natural human right to free access to the Internet and the exchange of information on this network. Moreover, the protection of human information rights and freedoms to access and freely use the Internet deserves separate international acts at the EU level.

The UN General Assembly Report of May 16, 2011 No. A/HRC/17/27 recognized the right of access to the Internet as an indispensable human right. Thus, the intentional deprivation of people in various regions of the world of the opportunity to access the Internet is now a violation of human rights [2.5]. The report also states that the Internet has considerable potential and numerous advantages, consisting in the fact that information spreads between users at high speed, while being publicly available, which is a fear of many governments. The Internet is a way to bring people together and fight for justice, according to the authors of the document. It is also emphasized that providing people with access to the Internet should be one of the priorities for the development of any state [2.5].

Among different age groups around the world, the number of people using the Internet for free exchange of information is increasing every

year. So, according to GfK agency, in Russia (the country with medium world informatization indicators) in 2019 in the age category 65 plus the number of network users was 36%, 50–64 – 66%, 40–49 – max. 89%, 30–39 – max. 94%, in the age category 20–29 this indicator is at the level of 97%, and among teenagers (16–19 years) Internet penetration has reached 100% [2.6]. Thus, in the nearest future as generations change, free access to network will become an integral part of life of each inhabitant of the planet.

Proceeding from the position expressed by the UN General Assembly, attempts by certain politicians or national governments to curtail free democratic dialogue on the Internet must be regarded as an attack on human rights, civil society, and democracy itself. We believe that in these cases we can speak of countering globalization, the right to participate in which should be recognized as a natural and inalienable right of the individual and also requires international legal protection. Since globalization is linked to the development of technology, countering this process is inevitably the 'theft of the future,' forcing subsequent generations to hurriedly catch up with what they have missed.

Each year, the non-governmental organization Freedom House publishes the results of *'Freedom on the Net'*, a survey of Internet freedom in different countries around the world. This organization uses a gradation on the degree of freedom of access to the Internet into countries with free Internet, relatively free Internet, non-free Internet. In the 2019 report, experts expressed concern about the actions of a number of governments, which have increasingly begun to use the World Wide Web and social networks to monitor their citizens, control their online behavior and manipulate the results of elections. Freedom House named the following violations of freedom as typical:

– Obstacles to Access – infrastructure and economic barriers to access to the Internet, government control over telecom operators, providers, Internet self-regulatory bodies, etc.;

– Limits on Content – legal regulation of the Internet content, filtering and blocking systems, self-censorship mechanisms, limiting

the diversity of media online and the use of digital tools for civic engagement;

– Violations of User Rights – mass surveillance, violations of privacy and persecution of users for opinions expressed online (imprisonment, violence against bloggers, cyber-attacks, etc.) [2.7].

The building of an open information society, like globalization, is not an option of potential development, but an awareness of the vector of mankind's centuries-long movement, society's awareness of reality, which requires timely legal regulation. Whereas isolationism is a product of myth-making, a departure from objective reality as such.

Isolationism is understood as 'a type of political behavior aimed at limiting connections and relations with other actors' [2.8]. In the focus of globalization processes the reasons for isolationism at the national level may be the desire of the political or economic elite to preserve the existing model in the country, to maintain influence or markets, as well as the major players' intentional containment of potential strong players through their forced political or economic isolation. The interest in the forced isolation of national markets may be dictated by the desire of interest groups to maintain artificial non-transparent, shadow zones for receiving or placing illegal revenues.

This is another disadvantage of globalization in the international format, which mass people's globalization and the global revolution it spawns are deprived of. The prerequisites and signs of positive people's globalization are free information exchange, equal open dialogue, the development of civil society, the growth of democracy, mutual tolerance, and the strengthening of peace and understanding between peoples.

In today's context, young people rightly view traditional politics as the self-serving activity of politicians themselves. Classical parliamentarism, representative democracy is no longer sufficient for taking the opinions of citizens into account, we need direct electronic democracy, which accounts for the interests of the voters' 'groups concerned'. This practice will be a genuine revival of the communal spirit, a continuation of the traditions of people's assemblies and

councils at a new turn of human development, marking the return of power from elites to the society itself.

There is no doubt that 'In a detraditionalising world, politicians can't rely upon the old forms of pomp and circumstance to justify what they do' [2.3, p. 61]. However, on the part of ruling clans and political elites in some states one can observe an intensification of organized resistance to society's awareness of the growing globalization processes. We are talking about conscious substitution of the agenda, mystification, not really opposing the process of globalization, but only aimed at distracting public consciousness from it. There emerges the phenomenon of the 'ritualistic' state in which the regulatory powers of the state in certain spheres lost due to the loss of state control in these spheres of society are replaced by demonstrative activities of the state apparatus, which are ostentatious and ritualistic in nature. In this case, the necessity of existence of these or those power structures is justified by the need for them to perform such 'rituals and ceremonies'.

The reluctance of political structures to engage in the process of global interaction at the supranational level, the obvious weakness and incompetence of the political system are presented to society as the result of external conspiracies and threats. This is expressed in the ideology of fundamentalism, aptly defined by A. Giddens as 'beleaguered tradition' or 'defended in the traditional way – by reference to ritual truth – in a globalising world that asks for reasons.' Fundamentalism has nothing to do with the context of belief, religious or atheistic. What matters here is 'how the truth of beliefs is defended or asserted' [2.3, p. 48]. Fundamentalism is categorical and irreconcilable, 'it is the rejection of dialogue in a world where peace and the future depend on dialogue'. Fundamentalism is a child of globalization. It is simultaneously a reaction to it and a method of its utilisation [2.3, p. 48]. In contrast to democratic dialogue, the logic of persuasion and mutual respect, fundamentalism is a demand for categorical adherence to ritualistic tradition, ensured by intolerance and violence against any departure from it.

Fundamentalism is often disguised as traditionalism, which is understood as a reliance on historical wisdom and experience expressed in tradition. Traditionalism implies understanding the new through the prism of established traditions, it is open to social innovations, putting them in traditional forms, expresses readiness to share its traditions with partners and to respect the traditions of others. Traditionalism is characteristic of countries with Asian culture. The special, Oriental-traditionalist notion of traditionalist ritual can be found in the writings of Confucius, who viewed it as a way of communicating with the expectation of reciprocity. Confucian ritual – a cultural tradition – is a means of preventing all kinds of collisions and complications in communication, whose function was a means of adapting to the 'external environment' on a personal and social level. Confucian traditional ritual is a way of building positive relations, adaptation to the new and communication with the outside world [2.9, pp. 51–56].

The borderline between traditionalism and fundamentalism lies in the latter's categorical nature, irreconcilability, and hostility toward other traditions and new practices.

Historically, the ritualization of power as a substitute for its effectiveness was clearly manifested in the collapse of empires. In the early Middle Ages, after the collapse of the Roman Empire, the very existence of states in globalized European society was upheld exclusively through collective rituals. The power of the sovereigns at that stage was not clearly formalized either legally or territorially. Its only manifestation was the right to perform public rituals, which were perceived by society as a manifestation of power, while the real regulation of social relations was performed locally, at the level of self-organization of professional communities (guilds, chambers), as well as in a family-traditional and communal way. 'In medieval society, power is dispersed: it is actualized and felt directly by the subjects not at all often. For example, dukes and earls, de facto masters of vast territories and possessors of great power, gathered at great church fetes to the royal court. And it was at such meetings that subjects could see, many for the first time, how their kingdom 'looked like': it was not

abstract, but personified and presented to the eye as a set of people who had a certain status, which was externally expressed in their attire, signs of power, the spatial arrangement of certain figures, etc. The kingdom was thus 'read' by those present in the course of a particular ritual that unfolded before their eyes,' says historian M. Boitsov in his article *'Rituals are Power'* [2.10].

The phenomenon of the 'ritualistic' state during this period was also characteristic of the Rome's 'successor' – Byzantium – which was losing its economic and political influence, being replaced by the bureaucratization and ritualization of state functions, as is eloquently demonstrated by the Byzantine book '*De Ceremoniis Aulæ Byzantinæ'* (On the Ceremonies of the Byzantine Court), compiled for Emperor Constantine VII Porphyrogenitus (913–959 A.D.). The Byzantine court rituals were described in great detail, often in minute-by-minute detail, from the point of view of the administrators of the court, describing how they should conduct them, which was a manual containing advice and instructions for Byzantine officials and courtiers' [2.11]. In the decline of Byzantium, this was the substitution of state activities for bureaucratic rituals. For Europe this was the post-imperial period, when states of the new type were yet to be organized.

The characteristic ritualization was also evident in late imperial Rome, in the 'era of the talentless Caesars', who unsuccessfully mimicked Julius and Augustus, relying not on the will and opinion of society, but on fundamentalism, terror, and endless rituals.

According to sociologists, ritual in the modern sense is 'a customary or established order of doing something, a ceremonial' [2.12, p. 5]. Rituals, according to the research of the French sociologist E. Durkheim, are characterized by the collective nature of their performance and are aimed at distinguishing and rallying the group of their participants. Thus, 'the consequence of constant and systematic performance of rituals becomes gradual development of social category of causality, different from natural (natural-scientific) causality; the difference is that in case of ritual the result of change is not visible' [2.12, p. 9]. Durkheim identifies the following main types of rituals in terms of

orientation: negative, which is a system of prohibitions, and positive, the purpose of which is to bring a person closer to the world of the sacred. According to the type of actions performed he distinguished imitative rituals – staged actions, and commemorative rituals – reproducing events of the revered past [2.12, p. 12].

Thus, in general terms, ritualization of consciousness can be characterized as a conscious collective escape from reality, where the process of affecting the changing social environment is replaced by formal actions whose efficiency is not a significant criterion for their participants. The only result, from the standpoint of the ritual participants, is the cohesion of their group and the group's rejection of conscious interaction with reality. This is the case when it is not the result but the process that is crucial for the participants.

A characteristic and multi-explanatory feature of ritualization is the separation from the social group of ritual participants of special leaders-priests, to whose role is that of 'guardians of tradition… privileged interpreters, gaining secular as well as religious power' [2.3, p. 47]. Consequently, no matter how many players there are in the ritual, the one who leads it wins. As public rituals develop, the number of 'priests' and 'servants' – bureaucrats – increases drastically, their social strata are formed. Bureaucratization as a form of ritualization throughout its history is a sure companion of the degradation of states, which can be countered by the centralization of powers at the supranational level or by their return to a mature civil society, as globalization processes suggest.

The bureaucracy itself is a pseudo-administrative ritual. On this basis, de-bureaucratization is de-ritualization.

Similarly, the ritualization of state functions affects lawmaking, forming a ritual law similar to the late Byzantine law, when the authorities issue multiple legislative and other normative acts, aimed not at the actual regulation of social relations, but at the endless regulation of the actions of the official apparatus, building its hierarchy, establishing all kinds of celebrations, honors or bans. When adopting these norms, the necessary assessment of their real regulatory impact on the actual legal

relations in society, the criteria and obligation of which would be good to enshrine in international legal norms, is not performed.

Globalization, in its turn, requires liberation from rituals different for each of the societies and states, liberation, purification from ritual masking of the meaning of goals and concepts, homogeneous and common to the entire humankind.

The essential features of ritualized consciousness are the accentuated alienation from the facts of reality and the implacable hostility to everything that does not conform to the ritual logic set by the ritual organizers. These circumstances make the ritualization of social consciousness the primary tool of fundamentalism in the manipulation of society.

Thanks to the ritualization of social consciousness, the modernist scientific «de-mystification» (demystification, intellectualization) of reality (described by M. Weber [2.13]) that had been underway since Antiquity is being abandoned, and a new «opaqueness» and mystification of consciousness plunging the modern society into the postmodern is re-emerging. Describing this enigma, J. Habermas in '*The Philosophical Discourse of Modernity'* not unreasonably calls modernism the unfinished project of the twentieth century, marveling at its suddenly interrupted flight [2.14].

Russian academia, following the Russian thinker A. Panarin searched for an explanation of modern postmodernism in the processes of globalization and «loss of national identity by an atomizing society» [2.15, p. 91].

In the light of the above, there is reason to believe that the origins of the present-day postmodernism, or rather the retreat from modernity, lie in the phenomenon of the 'ritualistic' state, based on the fundamentalist ideas and mystifications that obscure reality and its prospects from the individual. A characteristic feature of the postmodern 'ritualistic' state is the rejection of the future, a collective ritual commemoration instead of ideas about a unified, progressive future. Globalization, by contrast, is seen by modernist ideologues as a means to the creation of a common future for the humankind.

In the process of the ritualization of public consciousness and the formation of a 'ritualistic' state, the fate of church and religion is not easy as they are under serious pressure from politicians and governing bodies, which inevitably try to replace them (or absorb, 'governmentalize'), or rather, to displace the genuine Faith and Religion, replacing them with a pseudo-spiritual official ideology. In this spiritual surrogate, an ersatz of religion, the subject of worship is 'gurus' and 'priests,' and the subject of confession is the state ideology. The spiritual openness of the true Faith is replaced by the grinning exclusivity of a totalitarian sect. A vivid example of this can be seen in the 'talentless Caesars' of late imperial Rome, who proclaimed themselves gods, the weakening and fragmentation of the Church in late medieval Europe, the persecution of believers in the revolutionary Russia, the quasi-paganism of the National Socialists of Hitler's Germany.

The constitutions and legislation of many countries contain norms aimed at guaranteeing the secular nature of the state, but today there is a need for international legal guarantees for religious organizations from pressure and appropriation of their functions by the state itself, which can be called the governmentalization of the church.

Thus, the Christian Church in Europe has passed the 'way of the cross' from the source of righteous authority, which conferred sovereignty over the nations by right of *'Vicarius Filii Dei, Vicarius Christi'* (the vicar of the Son of God, Jesus Christ) to medieval sovereigns, to the actual tool of state propaganda in the Nazi Germany and the institution forcibly removed from the governance of society in modern Europe.

The rejection of fundamentalism, the 'ritualistic' state and the imposed ideology is the key to society's return to the true Faith, the genuine return of religious spirituality to the society.

A pernicious role in the ritualization of public consciousness is played by the mass media, which are also subject to the processes of globalization. The German researcher N. Luhmann describes it this way: 'The globalization of the media system leads to the all-encompassing nature of information distribution: the scale and rapidity of messages lead to the feeling that literally in the next second it is already known

to everyone' [2.12, p. 29]. The main characteristic of broadcast media is the unidirectional – from source to recipient, linear nature of the information transmission process, unlike social networks, without the possibility of feedback and public discussion. Thus, influence groups ('priests') use broadcast media to engage the masses in the rituals of consumers of their content, turning the transmission itself and the collective one-sided perception (often uncritical) of this content into a 'media ritual'.

Since public control of media giants is very difficult and expensive for society, it is necessary to legally limit their influence on the audience by de-monopolizing and liberalizing media space and introducing broadcast quotas at the international legislative level. Today, there is an acute problem of abuse in the information sphere by Internet giants, who uncontrollably collect and use data of citizens and companies in the interests of national governments and international business. Legal regulation of these issues is possible only at the international level.

Fundamentalism uses ritualization, 'bewitching' of the reality with 'media rituals' as an ersatz-religion for confused minds faced with the complexities of the globalizing world, shutting them out of reality, immersing them in the 'whirlpool' of postmodernism, shutting out the genuine reality and true spirituality.

The paradox lies in the fact that fundamentalism, like everything else, actively uses the fruits of global information technology, in the words of A. Giddens is simultaneously a response to it and the method of its utilization, thanks to modern technology, world media, acquires a world, global scale [2.3, p. 48]. This explains the irreconcilable attack of fundamentalists of all stripes on the right of citizens to participate in a free global information dialogue in the network.

It is with the development of the Internet and social networks as a global discussion environment, a platform for genuine people's diplomacy, a self-regulated system based on the principles of democracy and tolerance, that a new, people's, type of globalization is connected, aimed at the formation of independent supranational associations, self-

regulated public structures of the unified post-political world. This is the real revival of modernity in its global world scale, a global revolution.

At the opposite pole of these processes there is a different kind of globalization, where large national or international groups struggle to expand their influence by ritualizing society, alienating it from reality, imposing fundamentalist or isolationist ideologies on it. This is a way of intensifying political struggle, impossible without destruction, repression and violence. It is associated with the society's lurch toward spirituality, modern postmodernity, the rejection of the idea of conquering the future, the plunge into the abyss of modern magic, ersatz-religion, media-rituals and bureaucratic arbitrariness.

Hope, as always, is directed to the future, to those to whom it rightfully belongs – the youth, who subconsciously choose democratic forms of globalization, actively using the possibilities of the Internet, participate in the global revolution that changes personality and society at the present stage. Whereas people of the older generations, fascinated by the media and unable to master new technologies of information exchange, fall into the traps of fundamentalism and isolationism of the 'ritualistic' state.

Thus, the key to the formation of a new supranational post-political future is a unified and free information and communication environment based on the access to the Internet. The free information exchange and communication created within this environment promotes the development of civil society and democracy, the triumph of justice, and strengthens peace between peoples.

Despite the exponential growth of these processes, the rights of their participants to free access to the information and communication environment, to join efforts at the supranational level require international guarantees and legal mechanisms of protection against global information manipulation and ritualization of consciousness, imposed by pursuing corruptive goals international pressure groups, fundamentalists and 'ritualistic' states 'seized' by them.

The consequence of society's rejection of pseudo-managerial rituals will be not only the collapse of fundamentalism and bureaucracy, but

also the development, purification of unified global meanings that the humankind will use in global cooperation, including that involving artificial intelligence.

The key to the formation of a unified post-political future, a true people's globalization, a return to the project of modernity and true spiritual values on a new supranational level is the protection of human rights to free access and exchange of information, a ban on the substitution of religious morality and spirituality by ideological ersatzes generated by the bureaucracy and pressure groups. The leading role in this process should belong to the international and, ideally, world (global) law, norms accepted by all in the context of everyone.

Thus, at the present stage there is an urgent need for the development and adoption of international law: to supplement the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms with provisions to guarantee the natural human right to free access to the Internet and information exchange on it; an international convention on the rights and status of supranational associations of activists; an international code of information exchange and use (information code); unified mechanisms to protect human rights to free information exchange against illegal restrictions by state authorities (International Court of Justice for the Protection of Information Exchange Rights).

CHAPTER III.
LAW OF NATIONS AND OUTLINES OF THE FUTURE
(Prospective Trends in the Evolution of Law and State in the Context of Globalization)

Chapter III presents an analysis of promising directions in the evolution of law and state as social institutions under conditions of globalization. Particular consideration is given to the impact experienced by law and state from the globalization of human society united by means of electronic communication on the basis of social services and discussion platforms on the Internet, designated as socio-media globalization.

Based on the ideas of I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas, A. Giddens the concept of global partial transit of sovereignty from the population of national states to the emerging global society with the transfer to the global (supranational) level of higher legislative and judicial powers, formation of the highest level of global law ('law of nations', 'basic norms') and global justice are suggested. At the same time, it is proposed to bring national legislation into conformity with the norms of the global law, the 'law of nations'.

The existing states are offered to retain the right of rule-making, law enforcement and judicial proceedings at the national level in accordance with the provisions of global law, recognized by the states. Such a 'vertical' model of checks and balances between the globalized legislative and distributed executive powers in the future will ensure the realization of the sovereignty of the global society (global sovereignty), will protect the national interests of individual nations, will create reliable mechanisms to counter usurpation. It is noted that the abolition of nation-states, proposed by many ideologues of globalism, will open the way to the formation of a global superstate, indifferent to the interests of individual nations, and will create the preconditions for global usurpation of power and planetary dictatorship.

The implementation of the proposed model is the ultimate embodiment of the principle of 'the rule (supremacy) of law' and the establishment of a single moral law for the humankind and artificial intelligence being created by it.

This Chapter III analyzes the genesis of forms of socio-political activity in the conditions of global society formation, considers possible mechanisms of realization of people's rights to participate in global self-government, and describes principles of de-ritualization, de-bureaucratization, and democratization of social management.

With the globalization of many sectors of social life, modern states are experiencing a crisis of loss of authority. They inevitably lose the ability to regulate the industries being globalized at the national level. This leads to the loss by states of their regulatory powers in these sectors. Developed democracies join forces by delegating a part of their sovereignty to newly created supranational structures, which centralize in their hands the regulation of global sectors of modern society: economy, finance, information exchange, culture and education.

The very process of globalization proceeds along two parallel tracks: 'international' globalization – bringing together states and governments to regulate global issues; and 'people's' globalization – 'forming a unified community of people based on information and discussion platforms on the Internet by expanding the communication space' [3.1], which can also be called socio-media globalization. This type of popular (socio-media) globalization was developed at the beginning of the 21st century along with financial and economic globalization and international globalization of the governments of existing states (international associations and unions of states).

The society united on the basis of information and communication technologies acquires a fundamentally new quality of subjectivity in the political sphere through independent determination and solution of issues affecting its rights and interests. The process of globalization implies the establishment of information interaction and dialogue between all members of society and the destruction of the state monopoly

on information. In the words of J. Habermas, 'the communicative space' expands, in which participants begin to respond to the same events in the same way [3.2, p. 19]. Society becomes connected and informed, ceases to need representatives – politicians, often corrupt, serving the interests of financial and economic clans, and managerial bureaucracy (a rudiment of public administration), pursuing personal goals. There is an inevitable strengthening and development of people's diplomacy within the framework of socio-media globalization, the formation of a global society and its establishment of its global 'rules of the game.'

Insolvent and captured by groups of influence, states replace the powers they are losing with ostentatious, ritualistic activities of bureaucratic structures and impose an ideology of fundamentalism and isolationism. A phenomenon of the 'ritualistic' state emerges. The peculiarity of the 'ritualistic' state is the purposeful restriction by the state structures of the rights of citizens for participation in the global information exchange and free expression of opinions in the Internet by means of restriction of access to the network itself or persecution for freedom of expression in it. This is done in order to disconnect citizens from the inevitable process of people's (socio-media) globalization – the formation of a qualitatively new holistic world society based on the expansion of communication space connected by information exchange and dialogue in the socio-media space of the Internet.

Society's desire for the people's globalization and global self-governance, alongside with the capacity for global protest, are components of a global revolution. This term can be understood as 'the growth of a globalized society's self-awareness in the desire for autonomy in solving vital global issues and defending human rights and freedoms, including the free participation in the global exchange of information' [3.3].

The global revolution puts the society on the path of defending its rights against encroachments by governments and political regimes of both individual 'ritualistic' states and international political, financial and economic groups pursuing interests opposed to the demands of the global society, preventing its formation and development.

The main opponent of the development of global society is the globalized political-economic groups seeking to impose their selfish or criminal interests on society on a global scale – to establish their global world order, based on suppression, propaganda and total control over society. The instruments of establishing such a world order are the media controlled by them, the Internet giants and the technologies of control over the individual using information and communication technologies ('digital concentration camp'). Political regimes of national 'ritualistic' states captured by them often act as promoters of this 'new world order,' viewing it as a means of preserving their power and economic privileges by embedding their states this 'new world order' [3.3].

In the confrontation between the supporters of open and 'shadow' globalization, the transformation of the state and the law as the basic social institutions of our time is taking place.

The forecast of the further development of these fundamental institutions of modern society has been the central research question of legal scholars, sociologists, philosophers and political scientists of our time in recent years. Because the answer obtained will determine the peculiar 'contours of the future' of our civilization.

In 2019, based on an extensive analysis of the works of the classics of European thought and leading European scholars of the 19th and 20th centuries, British researcher Bob Jessop published a monograph *'The State: Past, Present and Future'* [3.4]. In this work, he highlights the main features of the state through 'the three-element approach of the continental European constitutional, legal and state theory traditions' to defining the concept of the state through its three obligatory elements.

These are:

– '(1) a politically organized coercive, administrative, and symbolic apparatus endowed with both general and specific powers (state power, state apparatus, or state sovereignty)

– (2) a clearly demarcated core territory under more or less uncontested and continuous control of the state apparatus (state territory);

– (3) a permanent or stable population, on which the state's political authority and decisions are binding' [3.4, p. 26].

The institution of the state itself, defined through the apparatus of violence, which is connected in its origin with the protection of territory and inter-ethnic competition, in its development passes through the following conditional stages:

– 'defensive states' – early tribal or people states that created a state apparatus endowed with the power of violence, capable of organizing to counter external or internal threats by mobilizing resources and populations when necessary;

– 'expansionist states' – states of peoples or nations possessing a regular military and police force to seize the territories and resources of other states and to ensure their permanent domination of the seized territories;

– 'protective states' – states possessing regular military and police force used to ensure governance on its territory, to protect that territory from external invaders and to maintain the existing order of governance.

In terms of the manner in which they respond to the challenges of globalization, modern states can be subdivided into:

– 'globalized states' – states that actively delegate part of their sovereignty to supranational governance structures, participating in the creation and operation of such structures;

– 'ritualistic states' – states that close themselves off in their development and mask the loss, due to globalization, of their governing powers with bureaucratic rituals and ceremonies.

The three-element definition of the state proposed by B. Jessop does not accidentally include the sign of 'state sovereignty' formulated by Carl Schmitt on the basis of the views of T. Hobbes and J. Bodin – the possession of the state (its apparatus) of all the full power on its territory and independence in decision-making, absolute freedom of action and insubordination, and lawlessness in domestic and foreign policy [3.5]. When speculating on sovereignty, J. Bodin meant the absolute power of the monarch coming from God, and C. Schmitt understood the term

'sovereign' as one 'sovereign is he who decides on the exception', who suspends or repeals the laws [3.4, p. 28].

It is difficult to agree with such a categorical characterization of state power, if only because not everything in the world and society is governed by written statute or law. This was initially recognized by J. Bodin in his work *'The Six Books of the Republic'* [3.6], the author excluded the issues of religion, morality and family relations from the sovereignty. In addition, historically the scope of independence of rulers has not always been absolute. In the Middle Ages it was a power corresponding to the place of the ruler in the feudal hierarchy, and only the head of the Roman Catholic Church was recognized as an absolute 'sovereign'.

J. Bodin's views on the unlimited will of the sovereign reflected the ideal vision of the state by absolute monarchs after the conclusion of the Peace of Westphalia in Europe in 1648. In his view, 'sovereignty is the absolute and permanent power of the state over its citizens and subjects, unbound by any law' [3.6]. This absolutist conception found its concentrated expression in the words of the French monarch Louis XIV, who declared in 1655 to the French Parliament: *L'État, c'est moi* ('I am the state') [3.7].

It goes without saying that the views of J. Bodin, also in his time known for his justification of the persecution of witches, about 'absolute sovereignty', and all the more so C. Schmitt with his theory of 'decisionism' (from Latin – *decisio,* the primacy of the ruler's will over the law and society) were popular with tyrants and dictators of various kinds from Hitler to the present-day third world dictatorships, as justification for the arbitrary and violence raised to law by the state machine. In this interpretation, sovereignty from the popular will, implementing the law, turns into the will of the ruler, threatening to escalate into arbitrary internal terror or external aggression – war.

One should agree with the classical European approach by B. Jessop on a more precise definition of the state, based on the provisions of Hans Kelsen's scholarly work *'The Pure Theory of Law'* [3.8], which is based on the development of Kant's philosophical ideas (3.8).

H. Kelsen calls the following determining elements of the state: population, territory and state power. He also suggests that state power should be understood as 'a coercive order – a centralized coercive order, limited in its territorial validity' [3.8, p. 54]. He reduces the very essence of the state to the emergence of a legal order to enforce legal norms, to a legalized apparatus of such enforcement. 'Since a legal order, in the sense just described, is a coercive order, it may be described in sentences pronouncing that under specific conditions (that is, under conditions determined by the legal order) specific coercive acts ought to be performed', he says [3.8, p. 58].

Thus, in H. Kelsen's understanding, the state is a coercive mechanism for ensuring lawful behaviour, emanating from the law and defined by it, inseparable from it.

This explains the meaning of sovereignty as the exercise of the will of the people, who make the laws and follow them (according to the model of popular sovereignty of J.-J. Rousseau and C.-L. Montesquieu).

Consequently, the state as a social institution is inseparable from the law and is based on it.

Already I. Kant foreshadowed the unity of the world law, formed from the acts of international commercial law, interstate treaties and agreements, and the acts of the single human community, already today united by socio-media globalization, in *'Perpetual Peace*,' saying that: 'The legal order as regards those involved in it is as follows:

1) the arrangement by right of state citizenship of the people as part of the people *(ius civitatis)*;

2) the system under international law of states in their relation to one another *(ius gentium)*;

3) arrangement by the right of universal citizenship *(ius cosmopoliticum),* since people and states, being between themselves in external mutually influential relations, must be regarded as citizens of the universal state' [3.9, p. 9].

Developing these provisions, H. Kelsen proposes the idea of the hierarchy of law in the national system, where the lower norms derive from the higher ones.

The highest level is the constitution, which derives its binding force directly from the 'basic norm'.

The next step in the hierarchy of norms are laws and general norms. They are established in decrees, ordinances or customs.

The lowest level are individual norms, judicial and administrative norms for deciding cases.

At the same time, he sees the source of law, the 'basic norm', in the highest superstructure, international law, in relation to which national law is the collection of state legal orders under the aegis of international law. '(The state legal order) may be conceived as being delegated by international law and therefore subordinated to it – conceived, in other words, as partial legal orders included in a universal world legal order; the coexistence of the national legal orders in space and their succession in time is then made legally possible by international law. This primacy of international law is compatible with the fact that the constitution of a state is valid as a part of national law,' he wrote [3.8, p. 336].

On this basis, H. Kelsen sees the natural genesis of law in the establishment of a world order based on the voluntary subordination of states to the bodies of international jurisdiction. Analyzing the dialectics of the development of the institution of law, he notes: 'To the extent that international law penetrates areas that heretofore have been the exclusive domain of national legal orders, its tendency toward obligating or authorizing individuals directly increases. To the same extent collective and absolute liability is replaced by individual liability and liability based on fault. This development is paralleled by the establishment of central organs for the creation and execution of legal norms – a development that up to now is observable only in particular international communities. This centralization applies, in the first place, to jurisdiction; it aims at the formation of international courts. In this respect the evolution of international law is similar to that of national law. Here, too, centralization begins with the establishment of tribunals. The entire legally technical movement, as outlined here, has – in the last analysis – the tendency to blur the border line between international and national law, so that as the ultimate goal of the legal

development directed toward increasing centralization, appears the organizational unity of a universal legal community' [3.8, pp. 327–328]. H. Kelsen calls an indication of the supremacy and universality of international law its bindingness in practice with respect to all legal relations and states, regardless of the act of their recognition of its norms [3.8, p.333]. Thus, he suggests: 'to conceive of the legal existence of the individual states… only as partial legal orders integrated into international law' [3.8, p.345].

The human society ('world civic association' [3.9, p.30] by I. Kant) today should be understood as the global society organized and united by socio-media globalization, which emerged as a result of the expansion of communication space (about which J. Habermas speaks). In this sense, the Kantian *'ius cosmopoliticum'* is seen as the norms of world law, accepted 'from the perspective of his own understanding of himself and of the world' [3.10, p.33].

Under the present-day conditions, the people, the population of states, are recognized as the source and the owner of sovereignty, while governments are bound in their decisions by a network of international treaties and obligations, morality and traditions of society. The proposed construction implies, in fact, a description of the genesis of sovereignty, its further transit from national societies to the global society as it emerges and develops.

Thus, the delegation by states, based on the will of the population expressed directly or through legislative bodies, of the right to adopt global laws to supranational law-making bodies formed by them, as well as the subordination of such global laws, their primacy over national law, does not eliminate the states themselves, but only brings them to a qualitatively new level of development. At the same time, their sovereignty is guaranteed to their population by the right to participate in global law-making, both directly and through the election of representatives to the global law-making bodies.

This is the reality of the European Union today, which does not diminish the essence and sovereignty of the states of Europe.

The essence and obligation of the states' organs remain in the national law-making and law enforcement, law-based coercion, they must act, being elected by the peoples, controlled by them and subordinated to the law, on the highest step of which hierarchy is 'the highest norm' (H. Kelsen), *'ius cosmopoliticum'* (I. Kant) – law of nations, norms accepted by everybody in perspective of everybody (J. Habermas) [3.10, p.33].

In the proposed construction the preservation of globalized nation-states, the non-linking of their executive power into a global superstate, creates natural 'vertical' checks and balances against global usurpation, 'the most terrible despotism,' in the words of I. Kant [3.11, p. 103]. This is how the distributed world order of the future will be created.

It should be assumed that the modern crisis of the state as a sociopolitical institution is related primarily to the insufficient, protracted process of participation in globalization and delegation of powers to the supranational level, too slow formation of a global 'law of nations'.

A separate problem is the states reluctant to participate in this natural process, embarking on the path of ritualizing their lost powers. The 'ritualistic' organs of states, losing their meaning due to the absence of the subject of regulation, are actively degrading: they are being replaced by structures of the so-called 'deep state,' representing the interests of globalized financial and industrial groups, power and bureaucratic commonwealths and the international mafia. The term 'deep state' usually implies a mixture of corrupt secret services, politicians, officials, organized crime and terrorists, as well as financial-industrial clans, intercepting with the use of legal and illegal mechanisms the channels of government and society. The success of the structures of the 'deep state' in the accelerated capture of individual states, in fact, is due to their highly globalized: the presence of centralized redistributed financial resources, underground coffers. Bound by common interests, these 'shadow' players are actively building the 'new world order' they need, rapidly merging into a 'deep' shadow superstate, formed by a network of corrupt executive bodies of captured states, whose goal is the global

suppression of democracy and human rights, monopolization of power and information, and total control over society. The mechanisms of this 'new world order' are now being actively tested on the periphery of the civilized world in the form of the Asian model of the 'digital ghetto' and 'colonization' of cyberspace. Such a 'new world order' is actively imposed on the models of modern autocracy, presented to society as more effective models of governance in crisis situations, where the role of dictators is played by corrupt and dependent politicians manipulated by the 'shadow' super-state.

Existing states are of exceptional interest for seizure by such shadow structures because of the possibility of applying coercive and violent measures to society on their behalf, both within states and in foreign policy. This leads to the fact that 'many states routinely infringe their own legality – whether openly or beneath the cloak of official secrecy, whether at home or abroad – by relying on a mix of terror, force, fraud, and corruption to exercise power' – B. Jessop, referring to the work of over 20 world-renowned scholars, states in his work *'The State: Past, Present, and Future'* [3.4, p. 28].

A kind of 'marker' of this process are the attacks of such states on the rights of citizens to freely participate in the global exchange of information and freely express their opinions on the Internet, which require urgent international legal protection at the global level by supplementing the relevant norms of the Universal Declaration of Human Rights [3.12]. 'Human society needs intellectual freedom – the freedom to receive and impart information, the freedom of unbiased and fearless debate, the freedom from the pressure of authority and prejudice. This threefold freedom of thought is the only guarantee against the contamination of the people with mass myths, which in the hands of insidious hypocritical demagogues easily turn into a bloody dictatorship,' as the Soviet scientist and thinker A.D. Sakharov [3.13] delineated the problem as far back as in 1968. By replacing lost powers with bureaucratic rituals, to maintain their power, dictatorships resort to repression and public reprisals against opponents, which, covered by

the media, also have the character of collective media rituals (ritualistic terror).

Legal science often falls under the influence of autocratic regimes. Ideologists of the absolutization of the role of the state question the basic values of modern society, such as democracy, human rights and the principle of 'checks and balances' in the system of separation of powers. Thus, one of the well-known jurists of the post-Soviet space openly challenges the value and acceptability of 'democracy as a form of organization and functioning of state power' [3.14, 115], the duty of the state to 'protect the interests of an individual' [3.14, p. 79], it is proposed to hand sovereignty and 'the dominant role in state systems' to the executive power [3.14, p. 56], he comes to the conclusion about the inevitable elitist nature of power, recognizing, however, the 'objective orientation of the historical process towards deepening globalization' [3.14, p. 8].

The groups of influence that have seized the states actively exploit the theory of elites, contrasting it with the principles of people's power. This approach was partly historically substantiated there and then, when a narrow circle of state-affiliated elites had a monopoly on information and its dissemination. Socio-media popular globalization, which has made access to information and its exchange a true property of society, has crossed out such arguments.

Thus, the only effective alternative to the global 'shadow' dictatorship, accumulating in its hands the latest technology and capabilities of the states seized by it, threatening to lead to 'the most terrible despotism' of planetary scale [3.11, p. 103], is the centralization of law-making at supranational level, the spread of global laws and control over their implementation on individual states, while retaining the functions of legislation, law enforcement and courts at the national level. This is the global transit of sovereignty to the supranational level, its implementation by the population of states in the form of direct participation in global lawmaking and the election of representatives to the global legislative bodies.

Such a model would put an end to the omnipotence of regional elites and the influence of financial, criminal, and bureaucratic clans by placing the executive bodies of states under the moral law and the judicial control of global society based on that law.

Since no force can tear society into disconnected fragments again and return technology to the 'harmless wars' of the past, the alternative is not globalization or the lack thereof, but variants of globalization: open – popular, or 'shadow' – criminal.

British sociologist Steve Fuller, author of the bestseller *'Post-Truth. Knowledge as a Power Game',* cites the fact that 'the meaning of 'the political' is gradually shifting to areas that call into question the ability of the state to act effectively. These are areas of human life where the state is simply powerless to do anything' [3.15]. Globalization is blurring the classic national politics, elevating the tasks it solves to a higher global level.

With globalization, there is a process of centralization of politics, when it ceases to have the aggressive, destructive local character of the struggle between individual peoples and states. The centralization of politics will remove the contradiction between the common global interests of society and the interests of the ruling regimes of individual states, international groups of influence, served by professional lobbyists-politicians. For politicians themselves, their activity today is a struggle for self-preservation as a privileged community, an elite in the states.

In the 19th–20th centuries there was a 'seizure' of popular sovereignty from the bodies of people's representation by the newly formed financial and economic elite through the introduction of professional lobbyist politicians into representative bodies, rigged elections and the final removal from the management of society of the spiritual power – the church through the model of a 'secular state'. Thus, for example, in Russian the term *'svetskoe gosudarstvo'* (secular state) is interpreted as the state of the aristocratic upper crust of society *('svet')*. It is indicative that it is not called either a people's state or a social state, which extremely accurately conveys its essence as a state of the

elite. The Russian-language term 'secular state' itself inexpressibly defines the nature of the elites' seizure of power. It is not a people's state, not a spiritual state, but the state of the 'light of society' – the elites. Thus, the state with its coercive power in the 20th century finally broke away from the interests of society and spiritual foundations and became a tool in the hands of the globalized financial and economic elite, supported by bureaucratic and mafia clans.

The goals of classical politics are to seize and maintain power over society. It is an instrument of competition, degenerating into discrimination and aggression, and ultimately into war between nations, which, according to Carl von Clausewitz, 'is nothing but an extension of politics' [3.16]. According to Clausewitz, war is not an independent phenomenon, independent of social development. It is a political act to achieve a political goal, arises from the political situation and is caused only by political motives. 'War is the true instrument of politics, the continuation of political relations' [3.16], he said.

I. Kant wrote: 'The devastation caused by war, and to an even greater extent the need to be always ready for it, delay the development of natural inclinations, but the disasters arising therefrom compel our species to find a law of balance for the very benign clash between neighboring states, caused by their freedom, and to create a united power for giving force to this law, thus creating a world-civil state of public state security' [3.9, p. 11].

The prevention of the global military conflict in the era of the nuclear confrontation of the superpowers is a question of the survival of humanity as a civilization and biological species, which is confirmed by the calculation of scientists about the possible fatal consequences of the modern nuclear war in the form of a global 'nuclear winter' and the death of humanity through famine [3.17].

The main condition for the self-preservation of civilization is the achievement of peace and justice. Preventing war and ensuring 'perpetual peace,' foreshadowed by I. Kant, at the present technological stage, is a question of common survival. 'Perpetual peace' is inconceivable without unification, because in the words of A.

Sakharov, 'the fragmentation of mankind threatens it with destruction... In the face of danger any action which increases the fragmentation of mankind, any preaching of the incompatibility of world ideologies and nations is insanity, a crime' [3.13].

The achievement of 'perpetual peace' requires not only the centralization of politics, replacing it with activism (volunteerism), but also a broad public campaign to reassess the historical legacy that contains signs of aggression, exploitation and dictatorship. An example is the modern mass movement to condemn public figures of the past involved in racism, colonialism and slavery, which has developed in the U.S. and European countries.

Along with the 'perpetual peace,' justice is the spiritual being's highest natural need for harmony and equilibrium with the world, expressed in the concept of the proper, which contains the requirement of conformity of deed and retribution. John Rawls, in his world-famous '*A Theory of Justice*,' defines it through the equality of freedoms and opportunities in society [3.18]. The 'gene' of justice, the innate 'God particle', lives in every human being from birth, regardless of his upbringing or social environment. Which is not found in any other creaturely, animal environment, with the exception of the higher primates. This is confirmed by the works of geneticists, who argue that 'There is reason to believe that there is something inherent in the hereditary nature of man that forever draws him to justice, to deeds, to self-sacrifice. The enormous, though contradictory, potencies to do good, which are constantly unfolding in man, have their grounds also in his hereditary nature, where they are invested by the action of special biological factors, which played an essential role in the mechanisms of natural selection, in the process of the evolution of our ancestors' [3.19]. There is every reason to believe justice along with peace as a fundamental human need, as the lack of justice is able to push a person not only to voluntary deprivation, but also to conscious self-sacrifice, to force to step over any basic needs, formulated as such. Without including the need for justice, A. Maslow's proposed 'pyramid of personality needs' [3.20] is deprived of its basis. Speaking of law

as an expression of the 'categorical imperative,' I. Kant wrote, 'For if justice were to disappear, the lives of people on earth would have no value at all' [3.21, p. 256].

Peace, justice, and freedom of communication are the basic universal principles for the formation of the 'basic norm' of the 'law of nations,' global law.

The construction of a secure and just future involves not only globalization, but also the denationalization and internationalization of the political system, the political process and politics itself. Which, in the words of B. Jessop, is characterized by a 'shift from government to governance,' this is expressed in 'a shift from the predominance of government to greater reliance on governance or self-governance on various territorial scales and across various functional domains,' where states 'remain first among equals' [3.4, p. 217]. Politics as a professional activity breaks out of the 'crystal lattice' of bureaucracy and finds its footing in society's initiatives. Like business management reforms, the principle of 'Humanocracy' is acceptable here which is expressed in debureaucratization and encouragement of ordinary initiative, proposed in 2019 for business management by Gary Hamel [3.22]. In this context, we can talk about the rebirth of classical politics in 'activism' – the voluntary and disinterested participation of citizens in addressing issues of global importance through the adoption of common norms and approaches to their solution, active and proactive support of global forums and associations in this area. The difference between an 'activist' and a politician lies in the non-professional nature of the activity, absence of desire to hold positions of power. The reward is authority and public recognition. 'Humanocracy' of activism is expressed in the absence of bureaucratic structure and hierarchy in global movements, in the ability of each supporter to convey their initiatives to one and all, without requiring departmental authorization for their implementation. Today, this is reflected in the emergence of global movements of activists, which begin to form the contours of the global social movements of the future.

Against the background of the inability or unwillingness of individual governments to solve global problems on their own, the inability of politicians to agree on common actions and solutions to common problems within international organizations, the phenomenon of 'global self-government' is already emerging today. By which we can understand the ability and desire of the global community independently and under its own responsibility to solve the vital issues of its existence and development. The emergence of global forums and movements of activists in the field of human rights and environment protection can be considered signs of global self-government. A united society does not need representation, information manipulation, and a multitude of decision-making centers. Cross-national and inter-ethnic competition, discrimination and struggles typical of politics disappear, and a unified post-political world, based on respect, equality, tolerance and striving for eternal peace, freedom and justice, emerges.

The ultimate goal of the global revolution is the return of sovereignty to its source – the people and religion, as the exponent of the divine origin of our society, the elimination of politics as a means of aggression and suppression, in order to establish global peace and justice in society, to ensure its sustainable development in a favorable spiritual, social and ecological environment.

It must be recognized that the creation of full-fledged supranational structures by the society and states, capable of adopting the rules of law, is a complex and long-term process. One way or another, it will not be a new process for our civilization. Thousands of years ago humankind formed powerful supranational religious associations with enormous experience of social and legal regulation, undeservedly moved away from the management of society by states of the modern (Westphalian) type. According to S. Fuller, the meaning of the Peace of Westphalia in 1648, which legitimized the modern nation-states, was to deprive the 'trans-national' religions of influence. He notes that 'The historic problem with religion from the standpoint of the state was that its doctrines encouraged adherents to think of themselves in terms that went against the aims of the state' [3.15]. In this context this applies to

Christianity, Islam, Judaism, and Buddhism. The 'Westphalian state' decided to go beyond the status of 'the generation of divine design,' it wanted to take the place of the Creator. By finally rejecting religious principles in the twentieth century, it was unable to resist the natural processes of globalization, but it paid the price of not reflecting the basic spiritual values preserved by traditional religions.

It is traditional transnational religions that are to undergo an awakening and to make the preserved spiritual values the foundation, and global laws of the post-political future.

If at the level of the community of states there is their worldwide association, the United Nations, then the global society being formed will face a significant stage of self-organization. In both cases, this should be an interdependent and complementary process. Socio-media globalization plays a major role in this process, allowing the successful application of direct democracy and feedback mechanisms with the help of modern technology.

The very history of the emergence of states from the chieftaincy societies of antiquity was characterized by the overcoming of 'spatial, temporal and administrative limitations,' [3.4, p. 128] associated with the need to transfer managerial information over long distances. It was from these restrictions that the infrastructure and logistics of power and administration grew, allowing the inhabitants of these territories to manage remote territories and participate in the management of society. This solution, which replaced the forms of direct democracy: assemblies, *veches* (popular assemblies in ancient Russia), *things* in ancient Northern Europe and meetings, was representative democracy which, originally, being aristocratic, solved the question of people's representatives education and offered the logistics of implementation of representative powers.

W. Humboldt, a German thinker of the beginning of the 19th century, noted that as people became better educated, they can make laws independently ('self-legislate', a concept of I. Kant) without delegating this to elected deputies, who, supposedly, know better [3.15]. In such a

case, the need for a class of professional politicians who represent the people disappears.

Today, information and communication technologies offer a unique chance to bring back direct forms of popular power: referendums, polls, petitions, providing everyone with access to direct participation in them and awareness of the decisions made.

Parliamentarianism, outdated and compromised by professional lobbyists, is being actively replaced by electronic democracy, which not only makes voting and discussion fast and representative, but also greatly reduces the cost of these procedures. Its value lies in the ideal combination with the principle of 'Humanocracy,' due to the absence of bureaucratic barriers to the expression of opinions. The advantages of direct electronic 'web' democracy, the principles and methods of its implementation in comparison with existing representative bodies are well described in a unique work published in Russia in 2014 *'Cloud Democracy'* [3.23]. The models of direct (unmediated) e-democracy proposed by the authors of this work certainly deserve to be implemented. But a number of significant risk factors must be taken into account: the low electoral activity of citizens and the possibility of elementary buying up their votes by interest groups. It is absurd to hope that without the supremacy of the supreme moral law, the goals and objectives of state activity will be completely subordinated to the interests of society, which without reforming the existing political system is unrealistic, as well as the solution of many issues on a purely national level.

Direct e-democracy is an ideal tool for expressing the will of the global community, and can be successfully implemented at the state, interstate, and supranational (global) levels. Most importantly, such procedures and voting systems can and should be initiated by supranational social movements of activists, their forums, unions and associations.

This is not a new form of democracy, but a logical return to the communal assemblies and gatherings of the past at a new historical stage. Once torn apart by politicians and states, society, thanks to

connectedness, informedness and education (due to the reduction of the language barrier, the level of education, the means of electronic translation in the Internet) acquires again the features of a united human community, capable of raising a free voice in defense of its interests in pursuit of eternal peace and justice on its own.

Direct global democracy along with international treaties and conventions can be a starting point for the emergence and adoption of higher norms of universal law of nations, first of all – global constitution, charters, declarations, norms of global planetary law, accepted by all in the perspective of everyone. The legitimacy of these norms can be ensured by their mass acceptance and recognition at a global level through their gradual ratification by legislatures of national states and their associations, unions, international organizations, which will ensure their implementation by means of national governments and international influence.

Globalization in the social, economic and cultural spheres genuinely transforms humanity divided by borders into a single society, gaining qualities of connectedness and subjectivity in the management of its existence. This process is deeply rooted in history and began with the first encounters between primitive tribes. Technical progress in recent centuries has accelerated the formation of a unified human society. But the main factor catalyzing this process is the proximity of humanity's exploration of the planets of the solar system. The moment of the near future, when many of the people already from the surface of Mars will be able to see our planet as a pale blue dot in the vastness of space, will cause the effect of 'singularity of self-consciousness,' compressed into this point of awareness of the unity of the human race. A similar effect was observed in the formation of European nations during the Age of Discoveries. These processes will also be important in accelerating the formation of a global planetary law, the norms of which will need to be extended to the territories of earthly colonies of explored cosmic bodies such as the Moon and Mars. Questions about the legal aspects of governing which are already being actively discussed by space industry leaders such as SpaceX, whose head E. Musk promotes the

idea of abandoning international Earth laws on Mars, where, in his opinion, 'self-governing principles aimed at the prosperity of the future colony will be established' [3.24].

Analyzing the processes of the society development in the conditions of globalization, it is possible to allocate the following basic directions and prospects of evolution of such social institutions as the state and the right which are peculiar 'contours' of the future social organization of society till the end of the current XXI century.

The main directions of transformation of the state and law can be described as:

– the formation of a single global society as a subject of international politics and a bearer of supreme sovereignty through the development of information exchange (dialogue) in the socio-media space (socio-media globalization);

– emergence of global public associations (movements) based on the principle of activism and their gradual displacement (or absorption) of classical political associations at the national level with a gradual denial by society of politics as such (anti-politics);

– further formation by the developed states of the world of supranational law-making structures of society management with the involvement of global public associations (movements) activists and religious associations in their work;

– strengthening the primacy of international law over national law

– further development of international justice and means of international stimulation of lawful behaviour;

– the formation of a global hierarchy of legal norms, in which the highest level will be the basic norms of global law ('law of nations'), adopted by global voting based on public initiatives of global associations (movements) of activists, religious associations, through public surveys, voting in the global Internet with their subsequent approval (approval) by legislatures of states, their unions or associations, and by including the recognized norms and provisions of international law in them;

– evolution of existing states by means of delegating part of their legislative power to supranational bodies created by them, with states retaining lawmaking, law enforcement, executive and judicial functions at the national level (global transit of sovereignty);

– the emergence of a global judiciary in the form of a system of supreme international courts of appeal, with the transfer of supreme judicial powers from the states to the national courts;

– the emergence of a 'vertical' model of checks and balances between globalized legislative and distributed executive powers, which will ensure the realization of the sovereignty of global society (global sovereignty), protect the national interests of individual nations, and create reliable mechanisms to counter global usurpation

– deritualization and, as a consequence, de-bureaucratization of social management, the rejection of forms of ritual violence over society by states;

– development of democracy and equal dialogue (people's diplomacy) in the global society with the use of electronic communication, guaranteed by the norms of global law.

In fact, we can talk about the influence of globalization on the evolution of the principles of separation of powers and the system of checks and balances proposed by Locke and Montesquieu. The disadvantages of which were the lack of effective guarantees against usurpation of power by the executive. Such guarantees have so far been based solely on the peoples' ability to resist usurpation attempts by various means, up to and including armed uprisings.

The implementation of the construct of transferring the supreme legislative and judicial powers to the global supranational level (global transit of sovereignty) will create a powerful 'vertical counterbalance' to possible usurpation attempts, traditionally coming from the executive branch, wishing to change laws to their advantage. Maintaining executive functions at the decentralized nation-state level will protect the globalized legislature and judiciary from possible pressures and usurpations. The efforts of individual national governments will clearly be insufficient to change the rules of global law and influence

the decisions of higher courts. Such a 'vertical' model of checks and balances would permanently place the executive branch under the legislative and judicial control of a single sovereign society.

The preservation of the institution of the state at the national level is extremely important, since its abolition would open a direct path to the creation of a global super-state with power and coercive mechanisms of the global level, which would create the threat of global usurpation and tyranny of the worst kind.

The main guarantor of human rights and freedoms is and remains the law, the global, supranational level of which ('law of nations', 'basic norms') must be the quintessence of human morality. Only the subordination of the state to the supreme moral law expressed in the norms of law, and its control over an independent court guided by this moral law, will make it possible to achieve the long-held dream of legal scholars about its moral character.

This model, in fact, is the ultimate embodiment of the principle of 'the supremacy of law' as a global mechanism of social regulation when, in the words of the UN Secretary-General, 'all persons, organizations and entities, public and private, including the state itself, operate under laws that have been publicly promulgated, equally enforced and independently implemented by judicial authorities, and which are consistent with international human rights norms and standards' [3.25, p. 4]. Under this approach, the supremacy of law is guaranteed by its comprehensiveness, universality, and independence from the will of individual state administrations and politicians.

Such unity and certainty of law is extremely necessary to regulate the issues of human interaction with artificial intelligence, which, in the absence of the basics of human morality, needs formalized guidelines and principles of its work. Such interaction will be ubiquitous and global, and cannot be an embodiment of imperfect laws and legalized arbitrariness.

Alongside with the creation of global law and higher justice, the main 'outline of the future' of the post-political world is the emerging public forums and global movements of activists for human rights and

the environment as the most important problems of humanity. These are the prototype of global parties of the future, which in time will replace the existing national political parties and movements all over the world, will be the initiators of the adoption by society of basic norms, global laws of the very 'law of nations' that I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas spoke about, norms accepted by everyone in the perspective of everyone.

The mechanism of their adoption will be both the charters of these movements, supported and shared by the majority of the population of the planet, and the results of the global surveys (votes) of the Earth population initiated by them on the Internet on the most important issues of life and development of humankind, which should be endorsed, recognized, applied and taken into account by the authorities, national and supranational, all over the world. It would be correct to develop mechanisms for the accreditation of such global movements with the UN and the conduct of these global surveys and votes at the initiative of global movements by the UN, with the counting and official approval of their results by a special international commission of representatives of national governments.

The process of transferring legislative powers from nation-states to supranational bodies, providing global democracy in the form of global electronic voting (global transit of sovereignty), should be gradual and step-by-step. At the first stage a planetary constitution should be formed under the auspices of the UN, including the current Universal Declaration of Human Rights, supplemented by the right to free access and free expression on the Internet, to participate in global voting, and the basic global laws (codes) should be adopted in the most important areas of society: ecology, trade, finance, medicine, education, information exchange. These acts must be approved by national parliaments or by a majority of citizens in countries by popular vote, and only then become the legal supreme superstructure over national law, the 'law of nations.'

The second stage will be the formation of a global system of online voting under the auspices of a supranational body for the realization

of people's rights to popular power. The initiators of the agenda of such votes should be the citizens themselves, their social and religious movements and associations, by forming and supporting online petitions.

The created 'law of nations' will form a global legal superstructure over the systems of international and national law, will create a kind of constitution of mankind, having supreme force and direct effect on the entire perimeter of human habitat, not limited to our planet in the near future. It is the imminent expansion of human activity beyond the Earth's surface that will stimulate the ultimate globalization and require unified legal norms for application by people on Earth and beyond.

In other words, the future is waiting for us, and it does not wait.

CHAPTER IV.
REVIVAL OF LAW AS A GLOBAL ALTERNATIVE TO THE WORLD DICTATORSHIP

Chapter IV considers the impact of the processes of globalization of society on the evolution of law as a social institution. In the context of globalization, it is relevant to establish clear criteria for the implementation of the principle of the supremacy of law at the international, supranational level.

The urgent task is to find a mechanism to eliminate the existing ambiguity of the concept of 'compatibility with international human rights norms and standards', which serves as a pretext for possible abuses and violations of this fundamental principle. Chapter IV contains an analysis of the historical genesis of the concept of 'law' in its natural-legal understanding and the influence of the doctrines of sovereignty and positivism on it.

Based on the analysis of the ideas of I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas, the model of the concept of global transit of sovereignty from the population of national states to the global society with the transfer to the global (supranational) level of supreme legislative powers, formation of the highest level of global law (law of nations, 'basic norms') and global constitution is synthesized.

As a result, it is proposed to form norms of global law based on traditional spiritual and religious values, recognized standards of human rights and freedoms, complemented by the right to free exchange of information and free access to the means of such exchange as a natural human right (the right to freedom of communication).

In accordance with the theological tradition, the views of the sociologists F. Hayek, S. Fuller and the Russian philosopher I. Ilyin, it describes the vision of the revival of the original natural (Divine) right at the global level, lost by society during the implementation of the principles of absolutism and popular sovereignty, as a global civilization alternative to the 'new world order,' global superstate and a possible planetary dictatorship based on total digital control.

International movements of believers-activists united by transnational traditional religions can be the initiators of this process.

Active development of means of electronic communication and dialogue on the Internet accelerated the formation of a single global human society (socio-media globalization), which along with the strengthening of the work of developed states to create mechanisms of transnational governance (international associations and unions of states), international globalization, contribute to the global transit of sovereignty from peoples to the global society [4.1]. Under the influence of these processes there is a development and transformation of such social institutions as law and state.

The globalization of the main spheres of social life puts the existing nation-states before the prospect of participating in the organization and work of supranational governance systems, or becoming on the path of isolationism, replacing the lost powers to manage the globalized spheres of social life with bureaucratic rituals and turning into a 'ritualistic' state' [4.a]. 'In the process of the ritualization of public consciousness and the formation of the 'ritualistic state' the fate of the Church and religion looks difficult, experiencing serious pressure from politicians and governing bodies, which inevitably try to replace them with themselves (or absorb, 'governmentalize'), or rather to displace the genuine Faith and Religion, replacing it with a pseudo-spiritual official ideology. In this spiritual surrogate, an ersatz religion, the subject of worship becomes 'gurus and priests,' and the subject of confession becomes the state ideology. The spiritual openness of genuine Faith is replaced by the snarled insularity of a totalitarian sect' [4.2].

Global interaction and interconnection in many areas of the society life makes urgent not only the development of norms of international law, dominating over the norms of national legislation, but also raises the question of formation of a global hierarchy of legal norms, in which the highest level will take the basic norms of global law ('the law of nations')'. These must be norms of the highest order – global law, *'ius*

cosmopoliticum' – the law of nations (I. Kant) [4.3], 'the highest norm' (H. Kelsen) [4.4, p. 336], 'norms accepted by all in the perspective of everyone' (J. Habermas) [4.5, p. 33].

This model is logically justified and designed to become the final embodiment of the principle of 'the supremacy (domination) of law' as a global mechanism of social regulation, when, in the words of the UN Secretary-General, 'all persons, organizations and entities, public and private, including the state itself, function under laws that have been publicly adopted, are equally enforced and independently implemented by judicial authorities and that are compatible with international human rights norms and standards' [4.b].

In this approach, the supremacy (domination) of law is guaranteed by its comprehensiveness, universality, and independence from the will of governments and politicians.

However, even at first glance, it becomes apparent that there is a significant ambiguity in the criteria for verifying the conformity of certain norms and provisions of national legislation with this principle. This uncertainty lies in the wording about their compatibility with the 'international norms and standards in the field of human rights' [4.b]. In legal science, this term is understood as a set of principles and norms governing the international protection of the rights and fundamental freedoms of individuals and constituting international human rights standards for national law [4.6]. The fundamental act of international law in this area is the Universal Declaration of Human Rights, adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) (International Covenant on Human Rights) of December 10, 1948 [4.c]. This Declaration defines basic human rights and is formally of a recommendatory nature. Some of its provisions are enshrined in international treaties (covenants), which have subsequently become binding on signatory states. Seven more international conventions for the protection of human rights and certain categories of people were established by UN treaties between 1965 and 2006: International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination; Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against

Women; Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment; Convention on the Rights of the Child; International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families; Convention on the Rights of Persons with Disabilities; International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. Unfortunately, only three of these – the prohibition against racial discrimination, torture, and the protection of the rights of persons with disabilities – have achieved global effect. There are also a number of international conventions and agreements of a regional character on these issues.

Thus, it follows that the legal nature of any national law or regulation is determined by compliance with the complex and disparate provisions of the international law. Often the question remains open as to how to apply and, especially, how to interpret these international legal norms.

We must agree with the position of the famous legal scholar H. Kelsen about the inevitable strengthening of the positions of international law and the practice of their enforcement by measures of international influence (coercion), regardless of the fact of their recognition by individual national governments [4.4, p. 333]. In other words, 'international law retains its importance, despite the fact that it is too often bypassed in peace and not observed in war' [4.7, p. 19].

All this confirms the urgent need to form unified universally recognized norms and principles of law at the global level, to create a genuine global 'law of nations,' the constitution of humanity, accepted by all in the perspective of everyone.

Speaking of 'basic norms', 'the law of nations', it is necessary to imply a kind of 'global constitutionalism', which implies the enshrinement at the global level of basic rights, freedoms and principles of regulation of legal relations, on the basis of and in accordance with which legislators should act both at the international and national level.

Otherwise, the remaining uncertainty can and does lead to a tendentious or expansive interpretation of the concept of 'international human rights norms and standards', the use by leading world powers and their alliances of the practice of imposing on the global community

certain norms and provisions enshrined in their national legislation and/or international agreements with their participation, including through the use of international pressure.

With the rapid formation of a global society, the world more than ever needs a consensus on the fundamental rights of the individual and the principles of legal regulation.

Particularly acute impact on the need to adopt norms of global law ('law of nations') is the lack of regulation of the rights of the stakeholders in the currently being accelerated processes of development of the cybernetic and cosmic spaces. This is comparable to the Age of Discoveries of the 15th–17th centuries, when the leading powers were competing in the development of the world ocean and colonization of overseas territories. The current situation in these spheres is very similar to the World Olympics with the absence of uniform competition rules, which can become a reason for a global conflict, unacceptable in the conditions of nuclear confrontation.

Based on a comprehensive analysis of the historical genesis of the concept of 'law' in its natural-legal understanding and assessment of the influence on it of the doctrines of sovereignty and positivism, the views of F. Hayek, analysis of the ideas of I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas about global society and world law, we can conceptually synthesize the model of global transit of sovereignty from the population of national states to global society with the transfer to the global (supranational) level of higher legislative powers, the formation of the highest level of global law (law of nations, 'basic rules'), global constitution, in the near historical perspective. In its turn, analysis of modern and ancient religious doctrines, religious-philosophical views and researches of modern scientists-geneticists allows to determine natural bases and principles of such global law, to construct a practical model of its formation and development.

From the point of view of human history, the proposed 'global transit of sovereignty' (transfer of the right to adopt the fundamental norms and principles of law from national legislatures to the global supranational level) does not look new, having no historical experience of the process.

In the recent past, the observance of spiritual laws and religious traditions was considered to be the rule of law for all peoples of the planet. It was obvious to anyone that all authority must be from God and according to His laws.

In this sense, the semantics of the Russian language is surprising, when the concepts of 'right' as well as 'faith' and 'truth' are embedded in the very words: *'PRAVedny'* (righteous), *'PRAVilny'* (right), or in the Islamic tradition: *'PRAVoverny'* – corresponding to the right and the Faith, or 'Faithful', corresponding to the Faith. Thus, for example, in Russian the term *'svetskoe gosudarstvo'* (secular state) is interpreted as the state of the aristocratic upper crust of society *('svet')*. It is indicative that it is not called either a people's state or a social state, which extremely accurately conveys its essence as a state of the elite.

All the most ancient codes are monuments of law: Ur-Nammu (2100–2050 BC), the Laws of Eshnunna (19th century BC), Lipit-Ishtar (1930 BC), Hammurabi (1755–1752 BC), the Hittite laws (15th–13th century BC), Assyrian (14th century BC.), Laws of Manu (2nd century BC) – were monuments of religious thought and legal tradition, declared as given by gods.

The traditional Abrahamic (Abramistic) religions of the Old Testament are based on God's direct granting of just laws to humanity. The Old Testament Laws of Moses contain the basic principles of protection of human rights and society: 'Widows, orphans, the poor, and strangers were under legal protection. The punishment of their offenders was thought to come from God Himself, who deprived even the families of offenders of their protection' (Exodus 22:21-27; 23:9; Deuteronomy 23:2; 24:17). This is how the tradition of protecting individual rights was established, although in ancient times it was not separate from protecting the integrity and stability of the whole community. In biblical law it was at its highest in terms of protecting human liberty and life as God's gift from malicious encroachment. Forcible deprivation of liberty and enslavement was unequivocally punishable by death (Exodus 21:14,16)' [4.8].

Modern scholars of the Old Testament also highlight the principles it established for governing society:

'1. Government is given by God as a necessary condition for the full life of the nation (the sacred nature of the power).

2. The government receives power and authority from the people (popular sovereignty).

3. The personality of the political leader is important and must be accounted for by the people in his choice (electability).

4. The government must represent all the people (proportional representation).

5. One of the main purposes of government is the just resolution of disagreements and conflicts between people (justice)' [4.9].

At the same time, they highlight the manifestations of human nature condemned in the Old Testament: 'idolatry: priestly rituals (ritualization); abuse of political power (corruption): government; immorality (sin): man and family; economic injustice (social state): market relations' [4.9].

The importance of such spiritual principles of legal consciousness – respect for personal dignity, spiritual respect and trust of the people to the government and the government to the people, recognition of the spiritual basis of law – was highlighted in his work by the outstanding Russian philosopher of the 20th century I.A. Ilyin [4.7, p. 172, 179].

With the advent of our era, Christianity transformed the Roman Empire and became the basis for the development of Europe. Thus, in medieval Europe the globalizing factor, along with the Roman Catholic Church, was the norms of canon law, which regulated the most important spheres of the society, above all individual rights, which were the same for all countries of Europe, as was canon justice, the right to which was guaranteed to everyone. 'This created for the future a prototype of a unified (European) legal space based on the same understanding of the ideas of justice, fairness, and the rule of law' [4.10].

Thousands of years ago mankind formed powerful supranational religious global associations with enormous experience of social and

legal regulation, which bound society together by common principles of spirituality and law, theological languages (Greek, Latin, Arabic), undeservedly sidelined from the governance of society by modern (Westphalian) type states.

The principles of personal liberty, peace, and justice are at the core of religious spirituality's principles of jurisprudence. These aspirations are universal and innate regardless of nationality, culture, or upbringing, as confirmed by the writings of the contemporary geneticist and public figure V. P. Efroimson [4.11]. These principles constitute in every man the 'gene of God', a reflection of his spirit or soul. It is these principles as the fundamental foundations of universal law that the philosopher and economist, Nobel laureate Friedrich August von Hayek in his work *'Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Politics'* [4.12, v.2, p. 31, v.3, p.130] refers to.

F. Hayek, a committed proponent of natural law theory and a critic of positivism, proposes to divide the existing legal norms into 'nomos' principles of just behavior given (by nature or God) and 'thesis' laws approved by parliament (government) – the rules for organizing the activity of public institutions. Linking 'nomos' to the concept of justice, he wrote: 'We are not contending that all rules of just conduct which are in fact observed in a society are law, nor that all that is commonly called law consists of rules of just conduct. Our contention is rather that the law which consists of rules of just conduct has a very special standing which not only makes it desirable that it have a distinct name (such as nomos), but also makes it exceedingly important that it be clearly distinguished from other commands (thesis) called law.' [4.12, v.2, p. 34]. It is these ancient and universal principles of the organization of society, clothed in the form of religious and popular legal tradition (nomos), he proposes to call 'law', separating them from the legislative acts adopted by parliaments (thesis).

True law (traditional and religious law) for thousands of years has had the characteristic of invariability, stability. Being much older than the institution of statehood, it determined the way of life and the foundations of social life. 'Law is older than legislation. Law in the

sense of enforced rules of conduct is undoubtedly coeval with society; only the observance of common rules makes the peaceful existence of individuals in society possible... Long before man had developed language to the point where it enabled him to issue general commands, an individual would be accepted as a member of a group only so long as he conformed to its rules...The historians of law are agreed that in this respect all the famous early 'law-givers', from Ur-Nammu and Hammurabi to Solon, Lykurgus and the authors of the Roman *Twelve Tables*, did not intend to create new law but merely to state what law was and had always been,' notes Hayek [4.12, v.1, p.72, p.81].

I. Ilyin described this natural process from a spiritual standpoint as follows: 'Driven by the object will to the Spirit, man invisibly becomes involved in the natural-legal order of universal brotherhood. Each of the whole host of individual spirits is perceived by him as a living habitation of the Spirit, as an independent and distinctive locus of spiritual life. Connected to each of these spiritual hearths by the threads of natural-legal and positive-legal belonging, he recognizes this legal connection, respects it, and supports it as a necessary condition of his and others' spiritual life. In this way, the basis of a normal legal consciousness makes man a member of the one universal legal community, a 'citizen of the universe'. He who is able to love the spirit knows its supernational, universal essence; therefore, he cannot hate and despise other peoples, for he sees their spiritual strength and their spiritual achievements' [4.7, p. 69–70].

Law in its natural, indigenous sense is the first, basic and universal instrument of social regulation, reflecting the human desire for a natural, established from above, world order. It is safe to say that our very civilization was created by it and is guided by it from chaos to the divine ideal.

A unique characteristic of law is its naturalness, so due to the natural (genetic or God-given) predisposition of most people to its fundamental principles (justice, peace and freedom), following its norms is the natural inclination of most individuals. At the same time, the rejection of these natural norms is the lot of the few that are biologically and spiritually

degenerate (sinful), whom criminologists refer to as 'degradants' [4.13, c. 319]. In this natural adherence of the majority to the right there is the eternal guarantee of the victory of Faith and Truth over lie and sin, of peoples over degenerating greedy and sinful elite, the guarantee of the triumph of democracy (natural direct democracy).

One can reasonably distinguish the following characteristics of natural law: natural (divine) origin, universality (based on common principles), internationality (the same understanding by all peoples) and stability (invariability in time). Given to mankind from above (by God or nature), it has remained fundamental and stable for millennia, ensuring on a global level peace, freedom and justice, and, ultimately, the survival of human society itself.

This order of things existed until the middle of the seventeenth century, when European monarchs, empowered with the ideas of J. Bodin about the sovereignty of rulers [4.14], encroached on the spiritual and traditional foundations of European society.

In fact, the 'Westphalian' process of sovereignty was aimed at getting rid of the transnational '(Trans-National Religions)' and the supranational, globalizing role of the Roman Catholic Church [4.d]. The 'Westphalian state' decided not to limit itself to the status of 'generation of divine design,' it declared itself sovereign and appropriated to itself law-making as well. The sovereignty of the monarchs served as the basis for the monstrous arbitrariness of the authorities, which undermined the natural basic principles of justice, freedom and international peace. The result was not long in coming. Over the next three centuries, ninety percent of European monarchies fell to popular discontent and revolutions. The people's slogans that replaced absolutism were the tenets of natural law: 'Liberty, Equality (justice), Fraternity (peace)' (the motto of the French Revolution).

Unfortunately, in the course of the formation of the European republics the chance to restore the natural spiritual-legal principles was lost due to the republics' inheritance of the ideas of sovereignty, which came to be called 'people's sovereignty' from the absolutists. C. Schmitt's ideas of sovereignty of elected rulers [4.15] along with the

positivist view of law and the ideology of atheism laid the foundation for the monstrous totalitarian regimes in Europe, responsible for the bloodiest page in human history. F. Hayek describes the process as follows: 'In the Western world unlimited sovereignty was scarcely ever claimed by anyone since antiquity until the arrival of absolutism in the sixteenth century. It was certainly not conceded to medieval princes and hardly ever claimed by them. And although it was successfully claimed by the absolute monarchs of the European Continent, it was not really accepted as legitimate until after the advent of modern democracy which in this respect has inherited the tradition of absolutism' [4.12, v.3, pp. 34–35].

The ideas of absolutism and sovereignty expressed the desire of the aristocratic and then financial and political elite to enslave peoples. Such exploitative aspirations, at their core, can be neither justified nor real, since they contradict basic spiritual principles. It is obvious to any believing person that only the Creator can be called the only Sovereign, while the rest have 'the hairs of their heads all numbered' (Bible, Matt. 10:30). History knows many sad examples of the collapse of personal (from the kings of Egypt and the emperors of Rome to the monarchs of Europe) and popular (from the societies of Sodom and Gomorrah to Nazi Germany) sovereignty.

The rethinking came after the victory over Nazism in analyzing the results of World War II, when nations were forced to recognize the perniciousness of legalized state arbitrariness that had led them to a planetary tragedy. The question of the legal nature of legislation arose again.

It became obvious that 'the separation of law from its religious roots, from its moral foundations, from its philosophical content, had turned it into an auxiliary mechanism for political objectives and financial operations, human ambition and greed' [4.10]. It was after this that the need to form globally recognized international standards of human rights and freedoms and the principles of peaceful coexistence of peoples, to create institutions of supranational control and influence

on their violators, to develop criteria for the compliance of legislation with legal norms was realized.

However, this process developed very slowly due to the confrontation of military-political blocs of states in the second half of the 20th century. F. Hayek describes this 20th century process as follows: 'It seems to me that in this century our attempts to create an international government capable of assuring peace have generally approached the task from the wrong end: creating large numbers of specialized authorities aiming at particular regulations rather than aiming at a true international law which would limit the powers of national governments to harm each other' [4.12, v.3, p. 149].

In the 20th century, by denying religious principles, modern states lost the foundations not only of spirituality, but also of genuine law; as a result, they could not withstand the natural processes of globalization and paid the price of not reflecting the basic spiritual values preserved by traditional religions in these processes. With the loss of religious and spiritual principles of governing society in the early twentieth century, in fact, nations lost their own original law as well.

I. Ilyin in his work *'On the Essence of Law Consciousness'* says about this tragedy of our civilization's loss of spiritual foundations of law consciousness: 'Outside of it (spirituality) ... the right and the state become an instrument of evil' [4.7, p. 3]. He also rightly notes: 'If the task of organizing peaceful and just coexistence of people on earth is the task of law and legal consciousness, then the modern crisis exposes first of all the deep malaise of modern legal consciousness' [4.7, p. 4].

As an advocate of natural law, I. Ilyin spoke of an inextricable dialectical connection between religious spirituality, the legal consciousness that follows from it ('the will to the spirit, to justice and to all good... its living root must be sought in the religious feeling and conscience') and law ('the necessary for man the way of his spiritual life on earth', 'the attribute of the spirit, its way of life, its necessary manifestation') [4.7, p. 62]. 'The will to spirit, i.e. the desire to lead a spiritual life oneself and to provide it for others, is the unconditional and universal basis of the right-consciousness', he argued [4.7, p. 68].

In our 21st century, the accelerated development of information and communication technologies and the process of globalization of society on the basis of global dialogue in the Internet (socio-media globalization) open the way for the formation of a full-fledged 'law of nations', 'basic norms', the global constitution of the human world on the entire perimeter of its habitat.

It is necessary to understand that in the remaining conditions of legal uncertainty of 'basic norms', human rights and principles of global interaction there is an alternative of imposing on the world community its will and laws by transnational financial and industrial groups of influence ('global oligarchic power' [4.16]), 'deep state' of mafia clans and corrupt special services, whose capabilities are increasing day by day by taking over failed states and technological progress (digital concentration camp). The goal of such a 'new world order' is the creation of a single global super-state, completely directed from a single center, alien to the needs of individual nations and creating the preconditions for global usurpation and planetary dictatorship. This version of the future denies not only natural law, but also the nation-state. Under the guise of a 'new world order', a new 'Rome' is looming over the nations – the domination of a degenerating (degenerate) minority (godless elite) based on technological enslavement.

A civilizational alternative to this can only be a broad international (global) movement of activists in favor of the formation and adoption of a global constitution, 'basic norms,' 'the law of nations,' based on traditional spiritual and religious values and recognized standards of human rights and freedoms, supplemented by the right to free information exchange and free access to the means of such exchange as a natural human right (right to free communication).

The ongoing global revolution is 'a process of the growth of self-awareness of the masses around the world through the free exchange of information, the coordination of joint actions and efforts in the protection of human rights and freedoms, the struggle to preserve and create a favorable environmental and social environment' [4.2], as well as the desire to unite efforts against attempts to monopolize the

information and spiritual sphere by the postmodern 'ritualistic state', the replacement of compromised politics with healthy activism is a unique chance for the revival of law in its authentic, original, global, traditional and spiritual sense.

Having realized the fallacy of the fetishization of sovereignty, the rejection of universal spiritual values in favor of ideological 'quasi-spirituality', managerial rituals and political demagogy, humanity, in the words of Ilyin, is to undergo a profound renovation 'In its understanding of law and state. The pernicious prejudice about the 'external' nature of law and state must be definitively rejected; their 'internal', soul-spiritual essence must be discerned and assimilated. Law only 'manifests itself' in the external, spatial-bodily world; the human soul remains the sphere of its real life and action, in which it acts with the power of objective value. The legal consciousness of ordinary life may have no religious root; it may even be indifferent to what is usually called 'religion'. But genuine religiosity cannot pass by the law and the state: it is forced to determine its relation to them and to legal consciousness' [4.7, p. 179–181].

Traditional transnational religions (global associations of faith activists) are to experience an awakening and bring preserved spiritual values into the foundation and global laws of the post-political future, regarding the changes taking place in the world as a Great Divine Chance. It cannot be considered normal for a majority of faithful citizens to be forced to fight the minority (elite) hijacked state 'machine' by demanding that lawmakers respect religious values and traditions.

'We are not the first generation of believers to face global shifts in social systems... Throughout history, great change has provided the best climate for influence. History shows that all great changes have provided the best climate for influencing the minds and souls of people. The church has, in some measure, found its voice and brought God's truth to influence each major shift in our global history,' says theologian Landa Cope [4.9, p. 163].

The position of separating law from spirituality and tradition is wrong, inconsistent with the true Faith. 'Mechanical separation of

'God' from 'Caesar' will always be a dead fiction, devoid of being and practical meaning. Law is a necessary form of man's spiritual being, and religious being is spiritual being; therefore outside of law there can be no religion' [4.7, pp. 182–183].

'The main guarantor of human rights and freedoms is and remains law, the global, supranational level of which ('law of nations', 'basic norms') must be the quintessence of human morality. The subordination of the state to the supreme moral law expressed in the norms of law, and the subordination to an independent court guided by that law, will make it possible to achieve the long-held dream of legal scholars of its moral character' [4.17]. Only then the legislative work of state institutions will be truly legal and spiritual in nature. Modern jurisprudence justifiably sets the task of translating the dream of a moral society 'into the practical plane of creating a moral state' [4.18, p. 14].

It is essential for the global society to formulate and affirm common basic norms and principles of law, which, rather than expediency, can guarantee peace, freedom, and justice. The task is complicated by the fact that different spiritual civilizations, as well as different religions, have different concepts of law and legal consciousness. In ancient times, these civilizations did not come into contact very often, mostly on the battlefields. Today, in a global society, the world needs a consensus on the fundamental principles of law, human rights and freedoms. But, are these differences so great, if at the heart of it all are the same values: peace, freedom and justice? 'Humanity must resume its millennial work of organically reconciling the 'kingdom of God' with political construction ... out of the fire of this epoch a new religiosity, a new legal consciousness and a new man will be born. I think we have already entered this era. And in the light of this idea I regard and comprehend everything that is happening around us', I. Ilyin wrote in the last days of his life [4.7, p. 192].

Once again history is repeating itself. The world has been in decline before. Thus, ruled by a 'sovereign' corrupt and spiritless minority, imperial Rome laid through lands and peoples the globalizing channels of information exchange (the Latin language, culture and

administration) which Jesus and His Apostles were to fill with the Light of true Faith and Spirituality (a global civilizing alternative). These Faith, Spirituality and the Law based on them became the unifying (globalizing) beginning for the regenerated and liberated peoples of Europe for many centuries.

Society, a healthy spiritual majority, united by socio-media globalization, dialogue in the global Internet, can and should give birth to a truly democratic worldwide movement of activists for the development and adoption (global approval) of basic norms, the 'law of nations', a global constitution based on common traditional religious and spiritual values: peace, justice and freedom, compliance with which will determine the legal nature of any legislation, national and international, – a global alternative to the soulless new world order.

I would like to believe that today with the development of technology and acceleration of globalization processes mankind is given a unique chance, a global civilizational alternative to the revival of Faith, Spirituality and the true original Right at the global level, the supremacy (supremacy) of which will be the basis of the long new era of eternal peace.

CHAPTER V.
APPROPRIATION OF THE STATE AND GLOBAL REVOLUTION

Chapter V presents an analysis of the transformation of the state as a social institution under the conditions of a globalized society in the context of power relations within itself and the society with the state. The study focuses on state power and politics as a subject and method of appropriation of resources and exploitation of society. It is noted that the main conditions for 'appropriation' of the state by the financial and political elite are as follows: replacement of the primordial traditional law by legislation, abandonment of direct communal democracy in favor of representation and parliamentarism, which has violated the principle of 'corrective majority' of the spiritually healthy bulk of society, the carriers of morality. It is suggested that socio-media globalization on the Internet by expanding the communication space contribute to form a public sphere as a discussion platform for the creation of the world law of nations, a global constitution based on common traditional values of humanity: peace, freedom and justice; and also the possibility through freedom of communication in the Web, electronic democracy and global activism movement to influence the change of vector of society development from political confrontation and competition to harmonious cooperation and collaboration, and in the end to guarantee that society regains control of the states.

The natural and inevitable formation of a global society, accelerated by technological progress, involves more and more branches of human activity in the sphere of globalization. This creates significant difficulties for the regulation of such social relations at the level of individual states and their associations, unions. The development of supranational institutions of regulation, the formation of norms of global law, the law of nations, the constitution of mankind become relevant. This process is expressed in the strengthening of international legal norms and the creation of collective mechanisms of influence on their violators, increasing international legal responsibility of states

and governments. 'And around the world, the idea that justice means respecting certain universal human rights is increasingly embraced,' notes American philosopher Michael Sandel [5.1, p. 16].

In this regard, humankind is faced with an inescapable choice: the global alternative, whereby it must determine how and which universal norms and principles will form the basis of a legal system for the perpetual peace, as well as how to ensure that these norms are respected by national governments.

The process of international globalization (merging national states into transnational governance systems) inherited an aggressive competitive approach from the foreign policy of states, that led to the formation of geopolitical blocks (alliances), opposing each other in the economic, ideological and military spheres. This model, characteristic of most states in the world, has led to significant unproductive costs of competing parties, global mistrust, communication barriers and, most importantly, to the prospect of a global destructive military conflict for the entire civilization. In addition to external threats, this approach has a corrosive effect on societies and states dominated by self-serving political and economic pressure groups, imposing an ideology of block thinking, intolerance, isolationism, fundamentalism, ritualizing the functions of states, replacing them with bureaucracy, plunging society into postmodernism.

There emerges a phenomenon of 'ritualistic' state, 'when in connection with the withdrawal of certain spheres of social life from the state control, the regulatory powers in these spheres are replaced by demonstrative activities of the state apparatus, which are of ostentatious, ritualistic nature. In this case, the need for the existence of certain power structures is justified to society by the need for them to perform such rituals and ceremonies' [5.2]. Political regimes of such states use collective media rituals, often associated with violence and ritualistic terror, impose the ideology of fundamentalism and isolationism, the cult of fighting the enemy or war.

The self-organizing global communicative environment being formed and the full-fledged 'public sphere' ('open discussion platform'

in J. Habermas' terminology [5.3, p.30]) formed on its basis affect the existing society management structure, the state and political spheres. It is necessary to understand the essence and perspective of this influence on the basic social institution – the state.

Power relations in modern states are based on the political process. This concept has many definitions: from the Aristotelian 'science of the state' to the class approach of F. Engels, who considered politics, like the state, an instrument of struggle of 'that class, which itself was a representative of all modern society' [5.4]. In a broad sense, politics is any state activity; in the narrowest sense, it is any participation in the activity of the state. One way or another, politics is inextricably linked to the existence and functioning of the state (or states). The state itself is rightly defined by European legal theorist Hans Kelsen through the concept of a legal mechanism and apparatus of coercion and legal violence [5.5, p. 58], who followed the philosophy of M. Weber, who saw the state as 'a relation of men dominating men, a relation supported by means of legitimate (i.e. considered to be legitimate) violence as a means' [5.6, p. 4]. At the same time, as the philosopher and political scientist Michael Sandel notes, 'when we think of politics, we think of compromise, posturing, special interests, corruption' [5.1, p. 103].

In both domestic and inter-state relations, the task of all politics is suppression and exploitation for the purpose of appropriating values and resources.

Thus, it can be defined as a competition for power over society through legal mechanisms of violence and coercion, called the state, to suppress and exploit society for the purpose of appropriating values and resources. The subject of politics is organized groups (an organized minority), and the object is state power, exercised through violence (or the threat of its use). It is this very power, its appropriation and retention can be considered the final manifestation of politics itself (as a struggle for power and domination), and the natural 'continuation of politics' and 'political relations', according to the classic of the military theory Carl von Clausewitz, is war [5.7, p. 25], rightly termed by I. Kant as the gravest crime threatening mankind with a 'gigantic graveyard' [5.8, p. 262].

Charles Lindblom, an American political scientist and author of the concept of 'polyarchy,' accurately expressed the essence of politics: 'In an untidy process called politics, people who want authority struggle to get it while others try to control those who hold it... Men fight over authority, for the control over men and wealth that authority achieves, for control over formal organizations and especially over the state's administrators and the military ... The struggle takes innumerable forms. Along with exchange and persuasion, authority itself is thrown into the struggle for authority' [5.9, pp. 119–120].

The consequence of this formula of 'authority participation in the struggle for authority' is the obvious fact of confrontation between society and the state, the existence of the problem of 'the state's opposition to the participation of society in the exercise of state power, which makes decisions for it' [5.3, preface to the 1990 edition (in German)]. The paradox consists in the constant aspiration of the society, which formally created the state to protect its interests, to limit or control the state power that suppresses society and imposes its will on it. At the same time, the state as a public institution is declared to serve society. In this connection, as far back as K. Marx in the 19th century put forward the idea of 'appropriation of the state' by a class of bureaucrats having 'the state in their possession' [5.10], and about the 'provenness' and 'legitimacy' of the 'antithesis between the state and civil society' [5.10], about bureaucrats consciously substituting the 'real' state for the 'imaginary' one [5.10] who have deliberately substituted the 'real' state for an 'imaginary' one, transforming it into 'a government machine or a state because it constitutes its own organism separate from society by virtue of the division of labor' [5.11]. K. Marx was the first to raise the question of 'returning the state to society' at the end of the 19th century [5.10].

Can we conclude that, in fact, the state, generated by society, no longer belongs to society and, moreover, opposes it?

The answer to this question is possible only within the framework of understanding of who and how controls this social institution.

If society as a whole is not such a subject, is it possible to regard the modern state as an 'appropriated' institution?

The very emergence of states from ancient societies is inextricably linked to politics. The socio-economic inequalities that emerged in the communities of the past, guided by customary law and self-governed through direct democracy (assemblies, gatherings, forums), eventually transformed into political power. Military leadership and economic superiority were transformed into political power. By means of military emergency and infrastructural constraints on the administration of considerable conquered territories, conditions were created to replace the direct democracy that dominated the communities by the power of the military aristocracy and a few class representatives. This marked the beginning of the political transformation of communal democracy – the power of a healthy majority into the power of a small elite, the beginning of the process of appropriation of the state by an organized political minority seeking to illegally acquire the benefits and exploitation of fellow citizens.

Initially, governance of society continued to be based on traditions and customary law, the source of which were spiritual, moral and religious doctrines, formally the highest authority was recognized to be God and religious associations. Gradually, however, the small elite was losing its connection with the community and its natural sense of ancestral law and justice. The degradation of spiritual origins, the departure from the moral tradition as the 'gene of God' easily returns man to the lowest laws of the animal world – competition for resources and survival. According to the Russian physiologist I. Pavlov, 'for a man descended from the beast it is easy to fall' [5.12]. In the context of political knowledge, the subject of competition is power secured by a state apparatus with the possibility of legal violence and exploitation. With this approach the meaning of politics inevitably becomes the primary competitive 'struggle of all against all' (omnium contra omnes) for the sake of survival of the strongest, described by T. Hobbes in his 'Leviathan' [5.13].

The ideas of social Darwinists, who directly transfer the laws of the struggle for survival in the animal world to human society, the inevitable consequence of which was the racist ideology of the struggle for living space, may be considered an attempt of natural-scientific substantiation of political competition. Such a primitive reductionist Malthusian (named after the British economist and demographer T. Malthus, who saw in population growth the threat of resource shortage) approach to society development has no serious grounds, as it does not take into account the fundamentally different – spiritual and creative – potential of a reasonable person. Not endowed with reason and the ability to cognize and change the world by the Creator (or nature), animal organisms are forced to compete for the environment and life resources given to them by nature in order to survive. Human beings, endowed with reason, are able, within the framework of social cooperation and cognition of the world, to explore new spaces and find new resources, to transform the environment to meet their needs. The success of such a creative development of the society directly depends on equal, open and honest communicative interaction of individuals, on cooperation, communication and division of labour. The loss of understanding of this human property and sliding down to natural selection and aggression is the main sign of spiritual degradation of a personality or, as people aptly say, 'animal-like degradation' (indulgence to animal instincts, 'to the inner beast' and even literally demonstration of animal-like behavior, animal aggression [5.14, p. 92, 183]).

Contemporary criminology and psychiatry see the origins of this phenomenon in the manifestation of the archetypal mechanisms of the psyche, believing that 'some part of the savage psyche' responsible for aggression, violence and insatiable appropriation continues to live in the minds of civilized people [5.14, p. 185]. Such 'denial of civilization' (its values: peace, freedom, and justice), such 'regression to the prehuman stage of development,' when man 'knew neither religion nor morals,' and survival was guaranteed only by the degree of aggression, modern science calls the 'regression of psyche', 'the syndrome of return (feralization)' [5.14, p. 92, 184].

Thus, the impetus for political struggle is aggression rooted in the animal nature of man, when such a nature is not bound by the moral and spiritual principles of civilization. And the root of this aggression, as with any fecund animal, should be sought in the desire to overcome the deep, primitive fear of the inevitable end of existence, in an attempt to 'gain a foothold' in the earthly life, the material world through limitless (beyond the possibility to consume) appropriation of goods and power over values and people. Such conclusions based on the works of K. Lorenz and E. Fromm comes to the modern scientist-criminologist Yu.M. Antonyan in his work *'Theory of Human Aggression. Why People are Cruel'* [5.14, p. 37, 97–98, 109, 218].

It must be said that the origins of such existential horror lie in the lack of spirituality and moral principles in particular individuals, which confirms that man without Faith in his soul is only a highly organized beast. It was Faith and spirituality that created our civilization, becoming the main, spiritual stage of human evolution, the pinnacle of which is not 'homo sapiens' as such, but the Son of God.

Consequently, politics as an animal 'survival of the fittest,' a limitless violent competition for power and the right of appropriation appears as a manifestation of aggression, self-interest, greed and injustice (Aristotelian (πλεονεκτες) *'pleonexia'*: unjust 'appropriation of 'another's' good (material or otherwise)', 'shameful profiteering', 'unjust distribution of due' [5.15]. The American liberal philosopher J. Rawls in his *'A Theory of Justice'* describes pleonexia (the taking of another's property in an improper way, self-interest (πλεονεκτες) as the direct antipode of natural justice [5.16, p. 9]. Thus, following Aristotle and J. Rawls, the degraded minority who have lost their sense of justice and are competing for power can rightly be called 'pleonexers'. The essence of such supposedly natural and profitable behavior, which is opposed to justice, is set forth as early as in the arguments of Plato's character, Throsymachus, arguing with Socrates in Plato's *'The State'*: 'Possession of power gives great advantages ... insofar as it is more useful for everyone for himself personally to be unjust than just ... Such is tyranny: it surreptitiously or forcibly seizes what does not

belong to it – temple and state property, personal and public – and not gradually, but in one fell swoop. A partial violation of justice, when it is discovered, is punished and covered with the greatest disgrace... If someone not only deprives citizens of property, but also enslaves them, turning them into slaves, he is called prosperous and well-to-do instead of these shameful names, and not only his countrymen, but also foreigners, just because they know such a man has fully realized injustice...full enough injustice is stronger than justice, it has more power, freedom and authority..., while injustice is expedient and useful in itself...' [5.17].

Of course, such a Pleonexian 'Froshimachian' approach could only be considered natural if it were exclusively about the animal world.

As a source of justice, J.R. Rawls, relying on the social contract theories of the Renaissance philosophers J. Locke [5.18] and J.-J. Rousseau [5.19], and also on the assumptions of I. Kant (who, however, recognized it only as an abstract 'idea of reason') [5.8], has considered a social contract, arisen in ancient pre-classical society, 'the original agreement (original contract)', made by ancient people in conditions of primitive society ('initial position'), when society had no social and economic inequality, and all its members were exclusively concerned in achieving the common public good [5.16, p. 10]. Thus, J.-J. Rousseau follows Aristotle who, in the Nicomachean Ethics, directly defines law as 'lawful and just' ('justice'), opposing the public good to 'injustice', self-interest *('pleonexia')* [5.15]. It is obvious that by right, 'lawful and just' Aristotle meant precisely the primordial, traditional right, which emerged at the dawn of society on the basis of the provisions of the 'original agreement' in the conditions of the Golden Age. This is confirmed by the fact that already in the Nicomachean Ethics the concepts of 'law' and 'state law' are distinguished. The former is identical with justice (primordial right), while the latter is necessary 'for those participating in common life for the sake of self-sufficient being' (the rules adopted in accordance with primordial right for living in society on the basis of equality of citizens [5.15],

later called by the Nobel Prize laureate Friedrich Hayek 'nomos' and 'thesis', respectively) [5.20, v.1, p. 126].

Thus, the mechanism of expressing and fixing the natural (Divine, or genetic) inherent need of mankind for peace, freedom and justice, in the norms of natural and aboriginal traditional law, which emerged through the 'original agreement' (Rawls) [5.16], 'social agreement' (Rousseau) [5.19], 'public agreement' (Kant) [5.8], 'public opinion' (Hegel) [5.21] at the inception of social cooperation at the dawn of human society, becomes explicit.

The formation of the society itself (in the understanding of the doctrine of the German philosopher Jürgen Habermas of the 'public sphere' [5.22]) J.-J. Rousseau saw it in the contract, 'the articles of which are defined by nature itself', in the birth of a new subject called the State 'when it is passive, the Sovereign when it is active, the Power when it is compared with its like' [5.19, pp. 208-209]. According to I. Kant, in conditions of democratic 'acts of public will' and also based on religion and tradition, 'the natural foundation of the legal state' [5.8], 'within the state of universal normativity (which unites civil order and eternal peace into a 'perfect just order') the natural (animal) law of domination (capture, pleonexia) gives way to the rule of legal (just) law' [5.8]. In J.-J. Rousseau's terminology this 'produces a very marked change in man, replacing his instinct with justice in his behavior and giving his actions that moral character' in his transition to the 'civil state' [5.19, p. 212].

Agreeing with the abovementioned, it is possible to proceed from the natural, or divine, human need for justice, peace and freedom confirmed by modern science and reflected in the norms of traditional, primordial natural law (nomos), which, according to F. Hayek, is only such a law [5.20, v.1, pp.72, 81, 88, v.2, p.34].

The mechanism of supremacy (domination) of traditional natural law laid down by nature itself and the experience of millennia is a natural direct democracy, when the prevailing mass of spiritually valuable individuals, carriers of the 'God gene', guarantees by their majority the adoption of norms and decisions in accordance with these fundamental

natural principles of existence. At the same time, a smaller number of degraded individuals, in whom these principles are lost, suppressed by the usual animal competition and aggression (according to Aristotle, 'pleonexia' caused by the irrational 'bestial' side of the soul [5.15]), inevitably become a minority and have no influence on the norms and decisions accepted by the community. As Plato says about such degradants in the mouth of Socrates, 'when such kind of people in the state are few, and all other people think reasonably, they go to another land and serve there as bodyguards of some tyrant or in mercenary forces, if there is war. When such desires are manifested in them in peaceful conditions, then in their homeland they do a lot of evil, albeit in trifles' [5.17, p. 53].

Consequently, in a direct public natural democracy, a healthy moral and spiritual majority of citizens has a natural corrective power in favor of peace, liberty, and justice when making public decisions. Let us call this the principle of the 'corrective majority'. This principle is not new in the biology of earthly life. Guarantees of its manifestation in society are mass nature (direct democracy), equality of participants and publicity (openness, publicity, personal responsibility to the community), as well as stability (invariability) of traditional rules of law, customs and foundations.

In turn, in the political (competitive, animal) environment are rooted conditions for *pleonexia*: little or even individuality in making legislative norms and managerial decisions; deliberate inequality of votes, when the power of a degraded minority (elitism) emerges; uncontrollability and unaccountability of rulers and deputies to society; closed and secret nature of management decisions, when one can easily avoid personal responsibility for immoral actions and dishonesty, and most importantly – lack of supremacy. Under these conditions, the law of the 'correcting majority' inevitably works only when the degraded and unjust power of the minority is forcibly replaced by society in revolts and revolutions, which has been repeatedly confirmed by history.

Modern science asks questions: how the mechanism of appropriation of power by the *pleonexer* elite became so successful and what allowed it to subjugate society, to appropriate the state [5.23, pp. 25–26, 28].

The subject of political competition became a struggle for control over the state, an organized apparatus of coercion and legal violence, which was necessary for the pleonexers to suppress by force the natural social discontent with exploitation, unjust appropriation and distribution of social benefits.

Initially, religion and church, which remained globalized and genuinely popular, were proclaimed as the ultimate authority and source of state power. The instrument of the struggle for the possibility of appropriation of others (exploitation of others) between nascent elite groups became politics, the struggle for a legal resource of violence in the form of state power. At this stage, 'politics was an honorific avocation' [5.3, p. 202].

Thus completed the first stage of the political transformation of society, the appropriation of the state. It was characterized by the transition from natural direct non-political democracy to hereditary government and class representation, the power of an organized minority, and the creation of an apparatus of force to exploit and suppress society. At the same time, the Creator and the Church were still formally recognized as sources of power. This was characteristic of Europe during the Middle Ages.

The second stage of the political transformation, the appropriation of the state (16th–17th centuries) can be called the transition to absolutism based on the doctrine of sovereignty with the gradual governmentalization or removal of transnational religious associations from power over society – the 'Westphalian' state [5.24]. In the political paradigm imposed on society, society (or the original community) as a unified communicative environment and public sphere ceased to exist under conditions of economic and class division into isolated and untrustworthy groups. Under these conditions, genuine people's law-making became impossible due to the stratification of society, the emergence of group interests, and the absence of a unified communicative environment and public sphere. A significant impetus

for the development of this process was the abandonment of the supremacy (domination) of traditional religious law in favour of laws issued personally by sovereign rulers – monarchs.

The original 'public sphere' was 'replaced by the ritualistic representative publicity of monarchs and aristocrats' [5.3, p. 8] that replaced it with demonstrative rituals, in fact, turning it into power itself.

The third stage of the political transformation of society and appropriation of the state came in the 18th – early 20th century, when the original aristocratic and feudal elite, which had lost its connection with society, moved from traditional law to legislative arbitrariness and abandoned the principles of freedom, justice and equality, were overthrown through bourgeois revolutions, which declared the value of freedom, equality (justice) and brotherhood (peace).

As early as the middle of the 19th century, the British philosopher J. Mill suggested that 'modern means of communication (then – printed media) would construct an intangible forum of opinion through which socially significant issues will be brought into the public arena, and policies and institutions will be subject to the judgment of the public' in the manner of ancient forums and assemblies [5.25]. This was made possible by the formation of a 'bourgeois public sphere', a communicative and debating environment linked by printed literature and the independent press, this process of 'the genesis of the bourgeois public sphere' was described in detail by J. Habermas in his work *'The Structural Transformation of the Public Sphere'* [5.3, p. 14–27]. Further, using the doctrine of 'popular sovereignty' of J.-J. Rousseau [5.19], though in a more understanding of the theory of 'popular absolutism' by the German lawyer Carl Schmitt [5.26], the emerging financial-industrial pressure groups, through corruption in representative democracy and professional bureaucracy, have re-appropriated political power and the state through 'privatization of the public sphere' [5.3, p. 151, 175, 180, 202–203, 214] through financial injections into election campaigns, advertising, bribing officials and turning elections and votes by the broadcast media under their control

into media shows (mediatization of politics). 'It is probably truer to say that top authority goes to the persons who have the money, which is a more immediately controllable instrument of influence than guns in the hands of the ordinary policeman or soldier. ... yet money not only talks in politics; it whispers conspiratorially and, at the other extreme, sometimes shouts so loud that no other messages are heard,' rightly notes C. Lindblom [5.9, p. 123].

The phenomena of 'transformation of the public sphere,' 'privatization of society,' and 'intervention' through advertising and propaganda in the public sphere by the state, which has unified its interests with bourgeois pressure groups, are the subject of Habermas' seminal work *"The Structural Transformation of the Public Sphere'* [5.3, p. 151, 175, 180, 202–203, 214]. It examines in detail the processes of merging the state and public bureaucracies, 'replacing the expression of the will of the people with meetings of 'party officials'' marked by C. Schmitt [5.26], 'the parliament itself has correspondingly evolved away from a debating body (into a demonstrative one)' (ritualistic) [5.3, p. 205].

Using 'public opinion because it is still the only accepted basis for the legitimation of political domination' [5.3, p. 237], the financial influence groups that appropriated the state, contrary to J.Habermas' opinion, do not subjugate the society (the real public sphere), but rather, using broadcast propaganda media under their control, party and public bureaucracy on their payroll and mediarituals, create in public information space an artificial clone (copy) of the real public sphere (imaginary society or state, following the logic of K. Marx). This 'quasi-society' formed by media propaganda serves only for non-criticized approval of the actions of the authorities; it imitates public initiative and discussion, approves the agenda set by the authorities, and the necessary results are broadcast to society by the controlled media, counting on their perception by the conformist part of society as generally accepted (accepted by the whole society), which is called their 'social adaptation'. It is this 'quasi-public' sphere that the appropriated state prefers to deal with. Real public opinion is ignored

or officially declared marginal. Here it is appropriate to recall Marx's idea of an 'imaginary' state alongside the 'real' state and to apply it to society [5.10].

Spirituality also becomes an object of substitution. The Church as the bearer of the traditional law and values was definitively removed from the management of the society through the doctrine of 'freedom of conscience' and the 'secular state'. Genuine faith was replaced by state ideology and quasi-religion, where the object of worship was no longer God, but the state and its leaders. Genuine historical traditions of peoples under these conditions are also replaced by historical myths, when the history of peoples is artificially transformed by propaganda into the history of rulers. Traditional aboriginal law is replaced by the notion of arbitrary law (the doctrine of positivism), when any act issued by state bodies is formally considered the law.

The instruments of this substitution are ideology (as an ersatz religion); rituals and bureaucracy; physical violence, which, being public, also has a ritualistic nature (ritualistic terror, the cult of war), legislative arbitrariness, and historical myth. Also, to subjugate the majority to the ruling Pleonexera elite, the abuse of state violence, criminal prosecution, when any activity not pleasing to the ruling circles is declared a crime with criminal penalties, is widely used. Whereas only the violation of prohibitions established by ancestral law and spiritual tradition (nomos, according to F. Hayek [5.20]) may and should be considered a true crime. The remaining cases of violation of laws and orders adopted by the authorities, especially those on the order of administration, possibly necessary and useful (thesis, according to F. Hayek [5.20]), would be correctly attributed to administrative misconduct, entailing a respective type of responsibility. There is no doubt that in the future the list of punishable acts should be uniform, global, in order to ensure a universal approach to the protection of individual rights against unjustified persecution and abuse by national authorities.

Thus, the mechanism of state appropriation by the pleonexian minority consists in suppressing the principle of the corrective majority

by restricting natural direct democracy (citizens' access to discussion and decision-making on governance issues) through consistent substitution of spirituality with ideology, traditions with historical myths, original law with legislative arbitrariness, society with 'quasi-society,' state administration with media rituals, managerial rituals (bureaucracy) and ritualized terror.

This is what can be called the triumph of politics as pleonexia and the result of the genuine appropriation of the state. In the political paradigm, the interests of society have been replaced by the interests of the pleonexian elite, presented by the propaganda broadcast media as the interests of the state, the people, or the nation. Artificial identities and antagonisms are imposed on a finally divided society. The Roman imperial principle of 'Divide and rule!'

A special place in the system of appropriation of power and rights of exploitation is occupied by the system of representation. Originally established as an institution of feedback to the estates under the head of the church or the monarch, under the doctrine of 'popular sovereignty' and the media-ritualization of elections by the broadcast media, representative democracy has turned into a legalized lobby of financial and industrial groups, different in wealth, social status and political influence. This was facilitated by non-transparency, behind-the-scenes and backstage (non-public) discussion and adoption of laws, as well as secret voting in elections and parliaments. The lack of publicity and openness in politics and bureaucracy opens up unprecedented prospects for malfeasance and corruption. The contemporary political philosopher and historian N. Urbinati notes: 'As the iron law of oligarchy asserts, politics is the art of the minority, not of the majority. However, people's habit of subordination goes to an extreme with representative democracy' [5.27]. The French philosopher Bernard Manin in his work *'The Principles of Representative Government'* asserts that modern 'voters are an audience of spectators who respond to the conditions and images presented on the political stage by means of broadcast media, hence, this form of representative power can be called 'democracy of the audience' (the term 'auditory democracy' is

also applied, when voters do not conduct a dialogue, discuss programs with the candidates, but vote for their image broadcast by media) [5.28, p. 223]. At the same time, 'democracy without public opinion is a contradiction in definition' as H. Kelsen proved in his work *'General Theory of Law and State'* back in 1961 [5.29].

The fact that lawmakers were not bound by the original law, spirituality, and moral tradition opened the «gates of hell» to political arbitrariness, which became the basis for the monstrous totalitarian regimes and the bloody world war of the first half of the 20th century.

The peculiarity of this 'state-centric' stage of the society development is that the highest form of social organization are nation-states, the recognition of their sovereignty is absolute, the norms of international law are not comprehensive and binding, there is a closed communication space within states with the substitution of the public sphere for its artificial 'clone'.

The fourth 'transnational' stage of the political transformation of the society can be called the period from the middle to the end of the 20th century. Exhaustion of undeveloped resources and territories, explosive development of world trade and communications, formation of the international financial market led to the internationalization of groups of influence, concentration of raw materials, industrial and financial resources in their hands. This allowed international groups of influence, using bribery and lobbyism in the representative bodies and bureaucratic clans of national states, to actually subjugate the states they appropriated to the interests of already globalized international groups (transnational corporations), which joined their efforts with the criminal world and the 'international' of special services in the final appropriation of states. 'In terms of the level of expenditure or the number of employees, some corporations turn out to be larger than a number of states in the world. They possess a very considerable amount of power. Their market operations sometimes have a decisive impact on certain states – especially the threat to shut down operations if the state does not comply with their demands. In addition, corporations become the most important factors in political life. They are allowed

to spend far more on political activities than other citizens are able to spend. Thus they are allowed to choose candidates, because without their financial support no potential candidate would be able to run for office. They finance massive propaganda campaigns that shape public opinion,' says C. Lindblom [5.9, pp. 4–5 in the preface to the 2004 Russian edition]. This is how much of the world falls under the control of the 'global oligarchic power' [5.30].

It should be noted that the emerging global society in this period created transnational systems of governance and security, strengthened and developed the institution of international law, established norms of global action in the field of human rights and freedoms to counteract the dictate of the global groups of influence. Based on the tragic experience of state arbitrariness of the totalitarian states of the 20th century, humankind has become aware of the need to form basic norms, 'accepted by all in the perspective of everyone' [5.22, p. 33], the global law regulating the human rights and freedoms and the basics of legal relations on the global level. Unfortunately, as F. Hayek states, this process, too, has fallen victim to the political paradigm, the confrontation of geopolitical blocs of states pursuing their interests in the development and adoption of such norms [5.20, v.3, p. 149]. The 'ritualistic' states captured by influence groups evade this process, promoting the policy of isolationism and fetishizing their sovereignty. The solution to the issue of the formation of global norms by force creates a threat of imposing on the world the will of 'strong players', hegemonic states contrary to the interests of individual societies and states, creating a world superstate, which will open the way to a global dictatorship, provided by the increasing possibilities of scientific and technological progress.

In fact, by the end of the 20th century the political transformation of society and the appropriation of states was complete. This was greatly facilitated by the process of imposing statehood (or the template of the state) and political paradigms on developing societies that had broken free from colonial dependence over the past century. In fact, the subject of imposition, in the first place, was the capitalist mode

of economy, together with which the politics and the type of state were exported, in the opinion of the famous sociologist I. Wallerstein, promoting 'the polarization of the population into those who live by the appropriation of surplus value (the bourgeoisie) and those from whom surplus value is squeezed (the proletariat)» by creating legal mechanisms' [5.31, p. 212]. Thanks to this, many peoples, instead of primary communal democracy and primordial legal traditions, inherited from the colonizers undeveloped, failed 'ritualistic' states headed by pleonexerous kleptocratic bureaucracy and openly criminal political top, which would be more correctly called state-like formations, inevitably falling under the influence of global oligarchic power. The imposition of a political paradigm has deprived peoples of the right to a decent historical alternative. It should be noted that the fresh and vibrant communal spirit and fidelity to tradition in many of them today has generated a genuine popular protest against political transformation. Humanity must realize that no state sovereignty should trample the natural rights of peoples to freedom, peace and justice, only then will the world turn from a 'union of powers' into a 'union of peoples,' as it was originally.

In this regard, the experience of the construction of the Soviet state – the USSR – is interesting. The revolution, organized by Marxists, made full use of the energy of the healthy masses of the people, who sought to build a fair society based on civil equality, traditional communal democracy, and fair distribution, against the Pleonexian aristocratic elite [5.32a, pp. 162, 164, 176]. As conceived by the revolutionaries, the role of government in the new society was to be the guarantor of these principles. Total redistribution and communalization of property partially returned society to a kind of 'original (initial) position', the position of a single community [5.32a, pp. 15, 54]. And the system of people's representation (councils of people's deputies) resembled a non-political initial community direct democracy, 'rejecting the competition of parties' a popular assembly ('council'), not a place for competition, but a forum for the search of 'truth'. The 'executive committees' (executive bodies) they formed fully recognized the power of the Soviets as the will of the sovereign-nation [5.32a, pp. 419–420]. Traditional

principles of equality, freedom and justice were fully declared in the constitutions of the Soviet republics [5.32a, p. 491]. The main mistake of the revolution was the preservation of political power in the form of the domination of the Communist Party and the competitive struggle of the party elite for this power. Immediately after the death of V. Lenin – the leader and ideologist of the revolution – the ideas of universal equality fell victim to the party elite's chieftaincy pleonexia, power grabbing, monstrous totalitarianism and the dictatorship of the leader. That was made possible by the substitution of the direct democracy of the Soviets by the power of the party apparatus and its punitive organs with extraordinary powers, and of the law by legislative arbitrariness, when 'the 1936 Constitution defined the source of law..., but in practice the resolutions of the USSR Council of People's Commissars (the government) and the Central Committee of the Communist Party (the highest executive body of the party) acquired the force of law' [5.32a]. At the same time, the law became 'an instrument of the state', which 'was not bound by the law', 'it was autocratic.' Under the conditions of such dictatorial 'autocracy' 'any cruelty and arbitrariness of the state looked legal,' – states the famous researcher of the Soviet period S.G. Kara-Murza [5.32a, p. 497].

Here we see a classic case of appropriation of the state and substitution of law with legislative arbitrariness, which allows us to consider the Stalinist period as a period of usurpation and dictatorship. This fact was generally recognized in the USSR by the results of the XX Congress of the Communist Party, which condemned this phenomenon. Attempts to reform the political dictatorship in the USSR, based on the original principles of direct democracy, were undertaken by Nikita Khrushchev, who denounced Stalinism, leading to a renaissance of modernity and the prospering of the Soviet society in the 1960s, when many people in the world saw the Soviet way of life as a viable global alternative [5.32a p 7, 165–166; 5.32b p 31, 35].

Soviet ideas of the social people's state had a significant impact not only on the post-colonial world, but also on developed societies, making people's living standards rise to decent heights, contributing to the

emergence of a system of social redistribution of benefits. Thus, in the 1970s Aristotle's ideas of social 'compensation' took on the meaning of 'compensatory justice' in J. Rawls's theory of justice [5.16]. Alas, the new political upheaval and domination of the party-bureaucratic elite, which soon degenerated into a greedy pleonexer top brass, put an end not only to the ideas of a healthy conciliar society but also to the USSR itself. The world's financial and political clans supported and welcomed such a process as a way to eliminate the possible global alternative to the world development [5.32a, p. 7, 165–166].

In essence, the Soviet project offered the society a return to direct democracy (instead of parliamentarism and representation, as far as this was technologically achievable), and the 'Moral Code of the Builder of Communism' was a concentrated expression of traditional law. In fact, the original Leninist 'party of the new type', destroyed by Stalin, was much closer to activism than to classical parliamentarism. After the liquidation of all political movements in the USSR, it was a mistake to keep the all-powerful Communist Party (even after the period of dictatorship) as a political force, which served as a 'detonator' for the collapse of Soviet society by triggering an internal political struggle. The lesson for society is that the initiator of anti-political transformations cannot be a political party or leader-politician, it is the business of the sovereign people, the union of religious activists and religious movements that unite them, who are not ready to 'serve two gods.' Or, as the Scriptures say, 'Thou shalt worship the Lord thy God and serve Him alone' (New Testament. Matt. 4:10.).

The struggle between the healthy corrective majority and the pleonexer elite throughout human history is cyclical.

The primary communal democracy of the polis was suppressed by the empires of antiquity. After their collapse, society returned to democracy and tradition through Abrahamic (Abramist) transnational religions and communal self-government in the Middle Ages.

The result of another pleonexist onslaught on society was absolutism and the power of the aristocracy. The public sphere, formed by bourgeois society, broke down class barriers and overthrew absolutism in a revolutionary way (the corrective majority principle worked).

The 'transformation of the bourgeois public sphere' in the 19th and 20th described by J. Habermas became another stage in the appropriation of states and the suppression of society [5.3].

Following this logic, it is easy to see that the restoration of the natural direct democracy and primordial legal traditions is always associated with the emergence of a new communicative environment, an emerging public sphere that is international and beyond the control of the state apparatus (transnational religion or the free press). Such a global self-organizing sphere of communication inevitably (according to the principle of corrective majority) gravitates toward the natural principles of peace (tolerance), justice (equality) and freedom (democracy) inherent in the individual.

It is precisely this historical chance that the socio-media globalization based on social services in the Internet and its further development in the form of virtual communication platforms – metaverses – provides to the society. Driven by optimism, the authors of these services promise to build them on the basis of peace, freedom and justice.

But even this totally new global public sphere of the 21st century is under threat. The next stage of political transformation is the intrusion of business and politics into it. Attempts are being made to colonize the cyberspace by 'major players', as a rule by groups of influence and individual states and their blocs. The transformation of global information services and discussion platforms on the Internet into a field of political and ideological struggle, a 'theatre of war' and their use as cyberweapons can generate conflicts and hatred on a global scale. Obviously, this increases the threat of a global military conflict and the self-liquidation of mankind, which is also facilitated by attempts to create systems of total control of the individual on the Web, including its behaviour and consciousness – a 'digital concentration camp'.

The formation of a planetary super-state with the global domination of a degenerate pleonexer elite, based on the total suppression and control of the individual provided by high technology, is a direct path to the degeneration and death of humanity.

At the heart of all domination and exploitation is the division of society on the basis of an artificial identity, the opposition of its members in politics, reinforced by the propaganda settings of the elite-controlled broadcast (one-way flow of information) mass media.

A consequence of the appropriation of the state, along with its ritualization and the substitution of the public sphere for the quasi-society, is the alienation of society from participation in the management of its affairs and the absence of feedback between government (the state) and society. There is a phenomenon of 'audience democracy' (the democracy of spectators), when society is only a consumer of a media-ritual show broadcast by the broadcast media. Under such conditions, the 'imaginary state' [5.10] is identical with the ruling elite, which becomes less and less dependent on the population, its opinions and democratic procedures (elections, referendums, votes), the results of which are easily falsified in an uncontrolled artificial 'quasi-public' environment. Under such conditions, it is possible to speak not simply of an appropriated state, but of an 'alienated' state.

This phenomenon also has economic prerequisites. For example, an ordinary state in the economic sense relies on tax revenues from the economic successes achieved by the population, is a priori interested in the development of the economy, increasing productivity and, ultimately, in the quality of life and the number of working population. However, history knows other examples – colonial empires, whose source of income was the conquest and plundering of subjugated peoples. They regarded such peoples only as a source of income and did not give them civil rights and freedoms. Even so, the empires needed the subjugated peoples as objects of exploitation.

In the modern world, however, a unique situation arises. A striking example can be the countries of the Middle East, whose budget and income are formed mainly from the export of fossil energy resources (oil, natural gas), the production and export of which does not require the labor of the majority of the population of the country. In countries with such a 'resource economy', citizens usually receive an unconditional basic income, formed from the natural rent of extractive companies.

Under these conditions, by virtue of tradition and social responsibility, the state simply pays for the loyalty of the population, without needing the results of their labor and support. It should be understood that in this case we are talking about countries with small populations and high incomes. Already in this situation we can talk about the alienation of the people and the state, which, as a rule, is an Oriental monarchy with hereditary rule and a clannish elite.

But there is another striking example. This is the Syrian Arab Republic, an oil-producing state in which 11 years of civil war have virtually destroyed its economy and lost a fifth of its population as casualties and refugees. The existing government of this state has little control over its territory because of the open interference of other states and their armed formations in the internal civil conflict ('Russia, Iran, Turkey and the United States openly have their troops on its territory, dozens of countries are involved in the war through various paramilitary and political groups, which they support.' [5.33]).

However, the SAR government continues to act without the need for any expressed support for the distressed and 'melting' population, maneuvering between the interests of other states in the field of oil production. In this case, the alienation between the state and its citizens reaches maximum values. It can be said that it has almost no need of its population, independent of its will and opinion. This is a sad example.

But the processes of alienation of states from their populations (peoples) can be seen everywhere: clannish elites, spectator democracy, increasing distrust of politicians and, finally, unemployment due to the globalization of the economy and the automation of industries. All this increases the chasm of alienation between the peoples and the state in power of the elites.

Against this background, the growth of protest sentiments in society and, most sadly, the severity of their suppression by state forces seem natural. An example is the widespread protests against quarantine restrictions related to the COVID-19 epidemic in 2020–2021.

In the course of state appropriation, effective mechanisms for suppressing popular protests and demands by force have gradually

been created by police and other services, which, thanks to their superior technological equipment and broad powers beyond the control of society, leave the population no chance of exercising effective influence on state authorities or of changing the political regime, even through rebellion. The successful realization of the 'right of uprising' proclaimed by international norms is in fact impossible without the participation of the state security forces or without external armed support. Over the past hundred years, we will probably not find such examples. Even the revolutions (February and October) of 1917 in Russia were possible exclusively thanks to the effective support of the soldiers and sailors armed for the participation in the First World War, who actively joined the work of the Soviets [5.32a, p. 110–111, 137, 146]. With the growth of technological progress, the ability of states to suppress the population is only increasing, the threat of a 'digital concentration camp' arises, the signs of which can already be detected in certain territories of Asia.

Consequently, it can be argued that the ritualization of states, their alienation from the population is followed by the inevitable suppression of peoples, creating a 'clone' of the public sphere, replacing tradition by law, history by myth, spirituality by ideology, governance by ritual, and creating a system of forceful suppression of any unwanted public initiatives or protests.

In this paradigm the existential risk for society is the prospect of creating a global superstate whose level of technological development (robotics, artificial intelligence) will allow it not to need the results of citizens' labor, showing less efficiency compared to 'smart machines', which, in the words of the emerging artificial intelligence (AI) will be something 'better than the best human' [5.34]. Nor should we forget the real prospect of AI's inclusion in government in the near future, since machine logic is incredibly close to the bureaucratic machine.

In this case, a state that has been finally appropriated and alienated from society may face the urgent task of reducing the population, in which, like the social Darwinist ideologues of the 'golden billion,' it will see only as a burden and a threat.

What can permanently undo this bleak prospect? Is there a real global alternative to degradation and self-destruction? How can we return the state to the people, to abandon the political competition that long ago turned from a competition of nations into a competition of elites?

Today the world has come to the clear realization that a global military conflict is highly undesirable, there is a growing need to build systems of international interaction that take into account the rights and interests of all parties. Particularly acute is the issue of regulating international interaction in the development of new spaces: space and cyber, where there are no familiar institutions, borders and distances across which the lines of division of influence run.

This picture would not leave much optimism about the inevitability of new conflicts on a global scale, were it not for the process of popular socio-media globalization – the formation of a global society through the expansion of the communication environment through information technology, online multilingual translation, mobile communication and the Internet – that accelerated at the beginning of our century. The spontaneous manifestation of people's diplomacy on the Web (network diplomacy) based on social services formed a new international sociocultural community in the young generation, united activists around the world in the struggle for the right to just, favourable and safe conditions of existence, and, as the network communication environment expanded and a full and independent public sphere formed on its basis, became a true global revolution.

The emerging network society has not inherited the principles of political struggle from states. On the contrary, it intuitively preferred the natural principles of freedom, equality, tolerance and justice to the antagonistic and exploitative approach. In the conditions of free communication, the global networked community instinctively used the basic principles of self-organization that are genetically inherent in human beings: the pursuit of justice, freedom and peaceful coexistence (tolerance). Such principles, reflected in the primordial traditional law of any nation, are inherent to a healthy intellect from birth, they are inherent in man by the Creator, manifest beyond conditions and

education (which is confirmed by the contemporary science), being an embodiment and a simultaneous proof of the supreme nature of man.

It should be noted that the public, open, transparent information communication environment of the Internet communication, free from state interference, is quite the opposite of the closed, often 'shadowy', state-political environment, where communication is hidden, behind the scenes (often – clandestine), group character, leaving no room for broad discussion, criticism and open exposure, remaining 'deals behind the back of the society.'

It can be assumed that it is the public nature of network communication that has a special effect on its participants, forcing them to be honest with others and with themselves. This state of affairs is remarkably reminiscent of the direct democracy of ancient communities, polises, their assemblies and meetings, based on equality, honesty, mutual respect and responsibility before society. Transparency and openness to criticism and disclosure, when 'everything is in plain sight', pushes people on the Web today, as in ancient times, to be open, equal and honest in communication.

The new communicative environment formed by the global network community and the public sphere (the discussion platform) born of it surprisingly return modern society to the state of the ancient community, destroyed seemingly forever by politicians and states a thousand years ago.

We would like to believe that the new virtual public sphere, free of aggressive political clichés and state ideology, will uncover natural healthy spiritual principles in a person, freeing the individual from the dogmas and prejudices indoctrinated into him, will show the world a new type of global non-political democracy. To this end, conditions that provide equal access to dialogue and decision-making and openness of actions and judgments for all, accessibility of everyone to criticism and disclosure are extremely important. The laws of interaction operating in this environment are actually based on the provisions of original natural traditional law, proclaimed by tradition and religion of most peoples of the planet. The development of people's socio-media

globalization is a proof of the natural inherent inclination of a human being – a bearer at the genetic level of the principles of aboriginal law (freedom, peace and justice) to be guided by them in equal (democratic) and open (public) interaction. It becomes obvious that the Creator (or nature) himself created a mechanism of peaceful and fair coexistence for human society under the condition of free, democratic and public communication.

From this follows the natural, inherent character of democracy and publicity in the solution of public affairs, originally inherent in humanity, expressed in the words of the Scripture: 'The God's Kingdom of God is inside you' (New Testament. Lk. 17:21.).

It can be assumed that the restoration of a unified communicative environment and the formation of a global public sphere based on free dialogue (people's diplomacy) in the social services of the Internet, when the critical mass of its participants will be reached and the formation of self-identification of global civil society as a single humanity will be completed, the 'singularity of humanity's self-awareness', will launch a 'chain reaction' of society to injustice and exploitation (pleonexia), which will be a global popular anti-political revolt.

The quintessence of the natural aspiration for peace, freedom and justice is the traditional and aboriginal right contained in religion and tradition, which emerged together with human society (under the original contract) and has remained unchanged on its historical path. The condition for its emergence in antiquity was the primary social contract of equals (on initial terms), when the community was not yet subject to economic and social stratification, and all its members existed in an atmosphere of openness, equality and trust (maximum publicity), which allowed to formulate and establish fair and just laws, 'accepted by all in the perspective of everyone' [5.22, p. 33]. These laws and traditions are the consequence of the ideal process, the primary moral constant for the further development of society – even if not taking into account their sacral character.

The revival of the traditional law in its global sense is the ultimate embodiment of the principle of the supremacy (domination) of law as

such. Only putting any state under the authority and control of such a global traditional law – the quintessence of morality – can ensure its moral character.

The attack on traditional law, people's direct democracy, publicity, free communication, spirituality, and authentic history are signs of the political transformation of society and the appropriation of the state.

Consequently, the revival of these institutions, traditional law and direct democracy after a thousand years of oblivion is the key to healing society, returning to its roots, correcting its development by a healthy social majority.

If the ideas of the revival of the rule of law at the global level are gradually breaking through the 'ice' of state sovereignty, then a return to the true democracy of the ancient assemblies may seem unrealistic today. However, this is absolutely not the case. The crisis of so-called representative democracy is obvious today. The level of public trust in elected bodies and officials is steadily falling all over the world and already in the last decade, according to the researchers of the World Economic Forum (2018), was more than 50% in only one third of the countries of the world [5.35]. The reasons for this are elected officials' mass-scale lobbying of the interests of certain groups of influence that convert financial power into political power, sponsoring parties and their election campaigns; the formation of a caste of 'professional elected officials' that is closed to ordinary citizens due to both the opacity of the party 'kitchen' and their lack of funds to finance election campaigns; the obvious dependence of elected officials on the opinion of executive authorities (merger of powers); populism of elected politicians.

Electoral procedures themselves are increasingly ritualized and bureaucratized by the state apparatus, and electoral campaigns are transformed by the mass media into media shows (mediatization of politics). Under these conditions, voters increasingly feel themselves to be uninvolved spectators in the political 'theatre' of audience democracy (democracy of spectators). Interested groups manipulate the decisions of representative bodies with the help of the media,

substitute the agenda of their work and replace the public sphere with a 'quasi-society', providing fake support for the decisions they need.

Ritualization is a universal tool for substituting all these institutions. The property of ritual to replace not only the action, but also its sense, in the perception of a person and society, is used for the management of society, detaching society from reality, immersing it in the postmodern.

Thus, the institution of representation originated as a way of feedback to certain segments of the population from those in a position of supreme power – the heads of the church, the monarchs-sovereigns. 'With the development of the doctrine of popular sovereignty, representation formally became popular. But the sovereign at the same time nominally became the people themselves' [5.36]. Thus, popular representation under the sovereign-nation became paradoxical. It was not without reason that C. Schmitt drew attention to this circumstance in his work *'Political Theology'* [5.36, p. 44–45]. As the author of the concept of 'decisionalism', he suggested that sovereignty be personified in the hands of a specific elected person. This was explained by the technological impossibility of participating in the discussion and decision-making directly by the population. This was partly true before the emergence of connectivity through the Internet.

With the advent of the Internet, mobile information transfer technologies, and their wide population coverage, these technological limitations have become surmountable, and not just on a national scale.

The virtual socio-media environment that emerged has become a convenient, open public space for the discussion of the society problems and a readymade toolkit for the nomination, support and approval of public initiatives in direct democracy mode (electronic petitions, polls and votes) – a global public sphere. This model of democracy is definitely more expeditious to solve problems and cheaper for taxpayers than classical parliamentary representation.

Non-political basis has become a peculiarity of the Internet dialogue. People anywhere in the world are interested in issues related to a comfortable, safe and dignified level of existence, rather than competition for power. Politics has been replaced by activism, the

selfless work of people who care about the common good. Activists independently group themselves around issues of interest to society on an open and unselfish basis. Such work is amazingly reminiscent of the system of councils in the USSR, where representation was not a professional activity and people's elected representatives were not singled out from public life. Thus, a 'global self-administration' emerges [5.37].

It is becoming clear that the fundamental norms of law must be global and stable, grounded in a deep spiritual tradition; the just state must be social, and democracy must be direct (electronic), public and non-political (popular). In this construction the role of 'sovereign' must belong to the people, their spirit, the *'sensus communis'* [5.8], which, like «the law of opinion and reputation» that Locke discussed in his *'An Essay Concerning Human Understanding*`, considering it a derivative of the faculty of judgment (given by God to be 'guided in the absence of clear and reliable knowledge'), like Kant's *'sensus communis'* (general opinion), is a general platform for society based on the basic views of the people' [5.27]. Sovereignty should be expressed in the 'people's will' (Locke [5.18]), given to it by the Creator, reflected in its highest law – traditional aboriginal law. 'These must be norms of a higher order – global law, the *'ius cosmopoliticum'* – the law of nations (Kant [5.8]), the 'higher norm' (Kelsen [5.5]), 'norms accepted by all in the perspective of everyone' (Habermas [5.22]) at the global level. This is the final triumph of the principle of the supremacy (domination) of law and the basis of the age of perpetual peace' [5.38].

It can be argued that technology has given humanity the chance to 'reboot' social relations on a traditional, democratic public and non-political basis – a global alternative to the political dead end of a planetary superstate and world dictatorship.

The shoots of optimism nurtured by the Internet communication technologies need to be vigorously defended by the progressive forces of humanity. The new communicative environment and the public sphere it creates, represented by social media, the created metaverses must be reliably shielded from manipulation of consciousness, from

the influence of political competition and propaganda, from access restrictions and content filtering by governmental organizations, from attempts of 'colonization' by national governments, interest groups and their agents. This can be achieved by ensuring the transparency of the mechanism of public management of social services, using the norms of the original law of nations (global constitution) as the basis for decision-making in their regulation (development of systems and algorithms). It is possible to ensure this through the wide participation of global associations of activists and believers as observers of the development of global social services on the Internet.

The development and use of AI and any technology should be based on the principles of humanism, the priority of the value of human life, and adherence to the spiritual tradition. And then the world will have a chance – a global alternative.

Young generations, accustomed to socio-media people's diplomacy, free communication and dialogue in the Web, over time will develop a model of global self-government based on the natural desire for justice, freedom and peace, the observance of traditional and ancestral law, reflecting the spiritual values and traditions of peoples, with direct public electronic democracy in the global self-managed civil community, which step by step will replace political competition and pleonexia in human society and consciousness. This model is also relevant for the regulation of relations in the development of outer space, where there is a chance to return society to the path of peace, cooperation and modernist conquest of the future.

All this does not negate the tasks of concentrating international efforts to develop and strengthen guarantees of compliance with international law and the formation of traditional native legal norms, recognized human rights and freedoms, supplemented by the right to free exchange of information and unimpeded access to the means of such exchange – the right to communication (the importance of which was discussed back in the middle of the last century by Soviet human rights activist academician A.D. Sakharov [5.39]) and the right to

Internet access – norms of global law, global constitution, 'basic rules', 'law of nations', accepted by all in the perspective of everyone.

Modern jurists mistakenly believe that the key 'problem today is the lack of an international body capable of meeting the criteria of this concept and giving a global constitution' [5.40, pp. 52–53].

It can be assumed that the mechanism of its approval may be the global approval (support) of its norms by the population of the planet by voting in the Internet. History knows the example of personal acceptance of Christian values by the inhabitants of the Roman Empire, when everyone who was baptized accepted the values and laws of the Faith. It was truly a spontaneous popular process. In this model of global direct democracy ('only in a direct democracy are opinions identical with the will, since they are directly expressed in decisions' [5.27]) society will be guaranteed absolute sovereignty, and any global association of activists can be the initiator of the project. Under these conditions the authorities of any state will be put under the control of global law, a single moral law, remaining full-fledged expressors and defenders of the interests of their peoples.

Based on the new global network communicative environment and the public sphere born in it, human society in this way will be able to revive the true original right and truly restore the state to the peoples. For this it is enough to follow the natural, inherent in us originally, laws of development and traditions of democracy, not forgetting that the kingdom of God is within us.

A FINAL WORD
LAW OF NATIONS AND GLOBAL CONSTITUTIONALISM

The understanding of problems of the society and state development is necessary not only to declare the obvious fact of state appropriation by consistent substitution of aboriginal traditional law with legislative arbitrariness, state administration with ritual bureaucracy, history with myths, and Faith with ideology by creating in the information sphere an artificial 'clone' of the society – a quasi-society and using it by broadcast media. It is necessary, first of all, to create conditions for the revival of genuine law and state, the restoration of natural mechanisms of self-regulation of public life through direct popular non-political democracy, the triumph of the natural moral law, embedded in a healthy public consciousness and working on the principle of corrective majority [6.1].

Obviously, the pleonexian elite (in Aristotle's *'Nicomachean Ethics'* (πλεονεκτες) 'pleonexia', i.e. unjust 'appropriation of 'another's' good (material or otherwise)', 'shameful profiteering', unjust distribution of due [6.2], would like to see these thoughts about the triumph of the global moral law expressed by a healthy majority exclusively on a theoretical plane, as pure idea. It is this reasoning about the lack of any alternative to the existing model of social governance on the state and transnational levels that is the basis of the official propaganda, which covers the transit of sovereignty (of the people) from the appropriated state bodies to the financial and oligarchic 'elites' and finally to the shadow state and the 'global oligarchic power' [6.3] which 'absorbs' the sovereignty of the peoples at an enormous rate, craves the establishment of a world dictatorship, the control of people's consciousness by creating a 'digital concentration camp', the final alienation of the state from society, and finally, the suppression and extermination of the majority of the world population within the framework of the 'golden billion' theory.

Awareness of the ongoing processes, their underlying mechanisms and the very course of human history tell us about the validity of the

motto of the alterglobalist movement, that 'a different world is not only possible' [6.4, p. 5], but also inevitable. The rejection of blind faith in the 'eternity' of the triumph of politics and pleonexia is the first step to the truth, the awakening of consciousness from the false messages and dogmas indoctrinated by quasi-society.

The development of human society is closely linked to the development of technology, which, as a result of the development of society itself, determines its future. It is in the development of information and communication technologies that lies the unique chance for a return to a healthy society: popular sovereignty, the rule of law, global cooperation of peoples in conquering the future.

The connectivity that comes with globalization is the inevitable 'reverse side' of the progress, the continuation of the objective process of forming a global civil society (communicative space, full-fledged public sphere, according to J. Habermas [6.5], going on the whole way of mankind development. The attempt to counter it with the dogmas of fundamentalism and isolationism undertaken by 'corporate-bureaucratic regimes focused on separatism, nationalism and militarism as irrational means of solving the problems of their backwardness and dependent type of capitalism' [6.4, p. 20], is a path of regression and degradation, obvious underdevelopment and loss of competitiveness. The world knows no successful examples of self-isolation of societies. Indeed, 'no state can ensure the common good of its population if it remains isolated,' as Francis, head of the Roman Catholic Church, notes [6.6, par. 153].

Throughout the known history of the humankind, a pattern has been traced: the expansion of society as a communicative space and a discussion environment on a common information platform (religions, maritime trade or the free press) leads to the strengthening of human rights and freedoms and weakens the state and political 'machine' of repression, violence and appropriation. Conversely, the break in communication between peoples, classes, estates strengthens dictatorship and arbitrariness, triggering mechanisms of state and political violence (wars, repression).

The development of information and communication technologies, the emergence of the Internet and wireless mobile access technologies, which have made it truly global, the creation on its basis of social services that have connected billions of people around the world in free dialogue have become a unique chance to return humanity to the path of natural development, based on peaceful, free and fair coexistence, a joint modernist conquest of the future. Socio-media globalization, open public dialogue of equals, genuine popular network diplomacy, has brought the society back to the state of an ancient community, alien to imposed identities, greed and political struggle [6.1]. In this environment the sprouts of global self-governance are emerging – global associations of activists defending humanity's rights to peace, freedom, justice, a decent and safe living environment, to recognition and respect for individual rights and freedoms, above all, to freedom of communication, the importance of which the Soviet scientist and public figure, Nobel laureate A.D. Sakharov spoke of back in the middle of the last century [6.7].

Open and public discussion of problems and questions common to the humankind in the Net, 'which, unlike the hierarchy, in its content is a flexible, mobile, open to society and publicly accessible entity' [6.4, p. 36], the free expression of opinions by society, armed with the means of electronic direct e-democracy, has become an obvious alternative to the classic parliamentarism, which is losing the trust of peoples. In addition to the fact that with electronic popular vote the decision is always identical with the opinion of the population, such a process is more dynamic and much less costly in comparison with classical representation. Besides, it is much more difficult to influence the opinion of the entire population than to 'pressure' its individual representatives in parliaments (or bribe them). If one succeeds in convincing a large part of the voting citizens, then one can safely speak about a successful change of public opinion, without which, according to H. Kelsen, democracy itself is its own contradiction in definition [6.8].

Thus, the advantages of direct electronic (Internet) democracy on both national and international scales are obvious. What prevents its widespread introduction? This necessitates breaking up the classical system of representation, refusal from the caste of 'professional elected representatives' – lobbyists of financial, economic and other groups of influence. All that is needed is the will of civil society, expressed in the law of nations. Obviously, the right to direct participation in the management of public and state affairs is enshrined in the norms of international and national legislation, guaranteed at the level of state constitutions (people's sovereignty). Consequently, only pressure of politicians and arbitrariness of bureaucracy is an obstacle on the way of true people's power (direct e-democracy). This is a question of will and unity of society, which should have said to politicians-lobbyists and officials-bureaucrats, who appropriated the state: 'Enough of deciding for us!' Only a broad national, and better, global movement of activists united by common principles, goals, values, or religion as a worldview can do this.

So, social services on the Internet have provided connectivity and free dialogue for billions of inhabitants of the planet, and mobile access technologies and satellite communications have made this connectivity universally accessible and planetary. The traditional obstacle to communication between peoples – language differences – is now being successfully overcome by online translation systems, which are becoming more and more perfect thanks to the speed of data exchange and artificial intelligence. We are on the threshold of incredible opportunities offered by virtual and augmented reality technologies; the next stage will be the brain-computer interface, when the brain will be able to directly exchange information with any object on the Web. Then not only thoughts, images, but also human feelings will become the subject of rapid and close exchange. We will move from the era of 'common knowledge' of the primary Internet and the era of 'common contemplation' of today's network media space to the era of 'common feeling' of tomorrow's Web generation. Isn't this the rudiments of the global soul of humanity, the «noosphere» of the philosopher V.I. Vernadsky [6.9], the Buddhist Nirvana? The ideologist

of the moral state and integration constitutionalism, Russian researcher S.N. Baburin, describes this idea as follows: 'the noosphere balance… which, like the environmental imperative in general, is impossible without international and constitutional-legal solutions' [6.10, p. 11].

Step by step, engaged in global communication and open network dialogue, young generations are approaching the 'singularity of self-consciousness' of humanity, when our inhabited world in human consciousness will 'shrink' into a small blue dot in the black expanse of space. This will be facilitated by the coming exploration of extraterrestrial spaces, where, in the words of the author of Solaris, S. Lem, 'man needs man'.

Such information-network 'fusion' of humankind should not mean the erasure of the distinctive features of individuals and peoples, their cultures, but should mark the harmonious connection of them in the great mosaic of a single spiritual civilization, armed with increasing capabilities of artificial intelligence, because any 'technosphere without high spiritual, moral and legal principles is destructive to man' [6.10, p. 11]. In this sense, the destruction of states and national culture would be devastating. After all, the principle of the evolution of earthly life is built on the search for an ideal in the infinite combination of the diverse.

Nevertheless, the unified communicative and debating planetary environment, expanded by new to us cosmic and cybernetic spaces, requires unified principles and foundations for the regulation of social relations. Sovereign legislation of the former 'Westphalian' type often becomes an obstacle to global progress and degenerates into an ostentatious and useless bureaucratic ritual (ritualistic state) [6.11].

This problem can be solved in several ways.

The imperialists propose to impose the will and law of the 'strong players' – hegemonic states (superpowers) through the suppression, violence and denigration of the rights of small nations, by creating a planetary 'superstate'. This 'imperial' type of globalization is familiar to us from history. Just as familiar are its results. All empires have degraded and disintegrated. This awaits any state that dreams of

forcefully erecting a 'new world order' – a 'planetary Rome'. This is dangerous, above all, because establishing a planetary dictatorship in such a state, armed with advanced technology, will be costly for the future of the world.

The approach of the supporters of classical globalization is the desire of the world financial-industrial groups of influence (transnational corporations) to destroy the states as such, relegate them to the level of a coercive apparatus, to unify the laws in their interests, turning the world into a global industrial corporation for profit. This approach implies the introduction of a single unified (template) culture and the division of the regions of the world, depending on the specialization in the production process, economic structure and climate into countries of the 'first', 'second' and 'third' world. In addition to inhuman exploitation and cultural expansion, and, therefore, creative, spiritual degradation, such a world order threatens with complete appropriation of power and states by the exploiting elite, alienation of power (state) from society and forced reduction (destruction) of most of the population as a less effective labour resource in comparison with the labour of intelligent machines (robots and AI). The exploitative elite in this case will have excessive demonstrative consumption, depravity and inevitable degeneration [6.1]. Such a 'golden billion' scenario does not seem optimistic either.

A reasonable solution can only be the search for universal natural principles and principles of regulating social life, inherent in all humankind, and elevating them to norms of law of a higher order, basic norms accepted by all in the perspective of everyone ('the highest norm' (H. Kelsen), '*ius cosmopoliticum* – the law of nations' (I. Kant), 'norms accepted by all in the perspective of everyone' (J. Habermas), containing the quintessence of spirituality and morality, having priority (supremacy) over any legal norms both on the national and transnational (global) level [6.12]. Such a global constitution will provide a single universal approach to the legal regulation of social relations, the protection of the rights, freedoms and dignity of the individual, ensuring the power of the people, taking into account

the interests of each of the peoples of the planet. This is the way of global constitutionalism. This is the global alternative to a worldwide dictatorship and the extinction of humanity.

I think for any believing and moral person with pure thoughts this way will seem the most correct. Arguments for the truth of the thought can be found in the works of philosophers and lawyers from antiquity (Aristotle) and classicism (I. Kant) to the present (H. Kelsen, F. Hayek, J. Habermas). The famous encyclical 'Fratelli Tutti' ('All Brothers') 2020 of the head of the Roman Catholic Church, Francis, also proposes that spiritual values and the solidarity of peoples in pursuit of a common dream of a dignified, peaceful and just future be the basis of eternal peace [6.6].

If the ideal image of the future is obvious, the main question becomes the means and methods of achieving it.

Will it be an endless waiting for a moment in the distant future when the governments of all countries and continents come to realize this need and merge into a 'harmonious global chorus' of moral lawmakers? I am afraid we will have to wait a long time. During this time, the first two negative scenarios may be implemented by the greedy militarist and pleonexer top brass, or, more likely, civilization will perish in a global nuclear conflict.

The contemporary experience of the transfer of the political paradigm to the international level has demonstrated the danger and insolvency of the international political system. The hegemony of the superpowers, which regulated interstate relations and defined the rules of cross-ethnic interaction over the past centuries, was a legacy and continuation of the colonial era, as were many developing nation-states, whose status and borders were also the product of colonial creativity. The collapse of this system in the 20th century and the transition to the so-called 'multipolar world' was marked by a new type of appropriation of states by the financial elite: the substitution of the law of nations and popular sovereignty by political arbitrariness (absolutism of politicians), which without the rule (domination) of global law and oversight of former metropolises, turned international relations described by T. Hobbes in

his *'Leviathan'* into the 'struggle of all against all' (*'Bellum omnium contra omnes'*) [6.13], the world of chaos and 'game without rules – legal nihilism' [6.14], the world of the law of force rather than the force of law, reminiscent of the 'saloon' of the Wild West, filled with armed 'sovereign-politicians' ready to fight for domination and appropriation. There is nothing more absurd in this situation than politicians calling for the replacement of violence with the political process, for violence or war, in the words of Clausewitz, is the ultimate expression and consequence of all politics [6.15, p. 25].

The role of law as a universal regulator of social life increases manifold during the political crisis.

The only way out of this situation can be the establishment of a global world order based on the common recognition of the rule of global law, a global constitution, as an expression of the true popular sovereignty of global civil society. It is obvious that this is the only way to achieve the era of moral government and I. Kant's 'perpetual peace' [6.16].

Only joint 'work on the organic reconciliation of the 'kingdom of God' with political construction', in the words of the Russian philosopher I. Ilyin [6.17, p. 192], can ensure the success of the proposed path 'from darkness to light'.

This great work should be a global democratic initiative of millions of faith activists around the world, personally accepting and committing themselves to such a global constitution, just as those who accept the Faith take a vow to follow the laws of God. This could be the path of global approval of such a constitution by the people of the world, becoming like the characters of J. Lucas in his 'Star Wars' 'Jedi Knights' (from the Global Democratic Initiative) of the new global age.

Born out of a global movement of activists, having undergone open and honest dialogue (discussion), such a constitution will inevitably gain strength and acceptance as the citizens and societies of different countries grow to approve it, as has already happened before with the world's traditional religions. As Francis, head of the Roman Catholic Church, rightly says: 'Religious convictions about the sacred

meaning of human life permit us to recognize the fundamental values of our common humanity, values in the name of which we can and must cooperate, build and dialogue, pardon and grow; this will allow different voices to unite in creating a melody of sublime nobility and beauty, instead of fanatical cries of hatred' [6.6, par. 283].

In the constitutions of many Oriental states, the role of 'fundamental law' is performed by religious law, which has supreme force in relation to any legislation. Modern studies speak of the phenomenon of 'Islamic constitutionalism' in the Middle East and 'Buddhist constitutionalism' in South and South-East Asia as a significant 'shift' from the traditional school of European constitutionalism [6.18]. Isn't this a unifying start for many nations? It is necessary to remember also, that all the main postulates of traditional religions, especially Abrahamic, are essentially united, 'began with a defiant rejection of inequity and systemic violence' [6.19, p. 122]. Any 'religious violence' mentioned by historians, when considered carefully, represents the exploitation and distortion of religious ideals by politicians, and the substitution of religious feelings of believers with predatory aggression and nationalism [6.19].

The world religions themselves have a real awakening to participate in this process, in the opinion of legal scholars, the repetition of the historical mission at the present stage of development of civilization [6.20, p.408]. As natural historical global activist movements, the followers of world traditional religions can and should be the initiators of the process of developing and globally endorsing a world constitution. It should be based on the precepts and principles of traditional religious law, reflecting the natural (Divine) principles of human coexistence – peace, freedom and justice, should also take into account and generally recognized human rights and freedoms, not contrary to the spiritual tradition of peoples, and, most importantly, the right to freedom of communication (information exchange, open dialogue in the Web) and freedom of access to the means of such exchange (right to Internet access).

While the obvious and natural idea of global constitutionalism is stubbornly opposed by politicians and the quasi-public propaganda

sphere under their control, science today proposes two methods for the formation of a global constitution.

The first is an integrative approach to the formation of global constitutional norms, which implies a gradual integration of the norms and principles of international law with the constitutions of nation-states (integrative constitutionalism).

The other assumes the involvement of national states in global associations and unions with the transfer (transit) to the highest level of their sovereignty (doctrine of limited sovereignty) and subordination to the existing common legal norms and principles of such unions (world federalism) [6.10, p. 81].

Both approaches have significant shortcomings and problems of a purely practical nature. Since the main players in this process are the political leadership of individual states, their unions, there is a natural battle of political and economic groups of influence for world leadership. The subject of the struggle is the question of whose initiatives will be accepted by the world community, who will lead the integration processes and, most importantly, whose interests will be taken into account in the first place.

Criticism of global constitutionalism today generally consists in the fact that it creates the risks of:

– limiting state sovereignty;

– destruction of constitutional and national identity;

– imposing on all participants the will of hegemonic states [6.21].

On closer examination, it is obvious that these problems are related to the 'international' type of globalization as the union of states into structures of transnational governance (in the terminology of the globalist philosopher P. Khanna – 'internationalization' [6.22]), 'top-down' globalization, which has inherited from states a political competitive paradigm. Considering the process in this plane, we can agree with such fears. It is the crisis of the process of internationalization that modern legal scholars consider the crisis of globalization and the civilization as a whole [6.20, p. 410].

However, in the development of globalization processes it is possible to distinguish another direction: people's social-media globalization ('bottom-up globalization', the term of alterglobalist E. Bowman [6.23, p. 131]) as a process of creating a single global discussion social environment, a public sphere according to J. Habermas [6.5], capable of self-organization and law-making, based on the services of the global Internet.

The main actors in this process are people-activists and their voluntary supranational associations for the protection of human rights and freedoms, peace, spiritual values and a favorable ecological environment. Moreover, throughout history we see examples of such associations in the form of unions of believers of traditional world (transnational) religions, which for centuries formed the framework for the development of world culture, civilization, and law-making before they were removed from the governance of society by Westphalian 'secular' states appropriated by politicians. To be sure, the state policy of secularization over the last century has taken a huge toll on these associations, atomizing society, but the global informational connectedness that has emerged offers hope for the revival of lost spiritual unity.

Consequently, if international associations of activists and believers become the initiators of a global constitution, the question of political struggle for leadership in this process will resolve itself.

The way of accepting such a global constitution can and should be popular approval by peoples through the mechanism of global support on the Internet, when every inhabitant of the planet has the right to publicly and officially declare his support, his personal acceptance of such a global constitution (possibly along with the whole states and their unions) on the global Web. This is like a person accepting the Faith through personal acceptance and taking an oath to follow its Testaments.

Such a mechanism for approving global basic norms also solves the problem of protecting people's sovereignty. If we consider sovereignty in its true popular expression (people's sovereignty), and not as

'*Absolutät* of politicians' or personal egoism of the voter (competitive democracy), which manipulative quasi-society tries to substitute it, it becomes obvious that the free expression of the will of peoples within the global civil society through mechanisms of direct electronic democracy, voting, free from control and pressure of politicians, is the highest expression of people's will, identitarian democracy – people's sovereignty, when, in Francis' words, democracy becomes 'government by the people', and the project underway becomes a 'collective aspiration' [6.6, par.157].

Modern legal science openly acknowledges 'that consensus (in global constitutionalism) is hindered not so much by legal, as by political disagreements' [6.14].

As for the threat to the constitutional identity of nation-states, one should refer to the very constitutional foundations of the countries and peoples of the planet. Even a rough analysis of the texts, principles and provisions of most modern constitutions makes it obvious that each of them is based on the same international (civilizational), humanistic and spiritual principles: the desire for peace, freedom, justice, democracy (people's sovereignty), the observance and protection of universally recognized human rights and dignity, the rule of law, the preservation of folk traditions (whose essence is the same: peace, freedom and justice). In the constitutions of the states adopted by the peoples, we find a remarkably similar image of the future – a peaceful, free and just society, where power belongs to the people and spiritual and moral traditions are honored, dignified conditions for life and personal development are created. This is the sovereign will of the peoples. Unfortunately, in many cases this image does not correspond to the political and legislative reality. Modern researchers of human rights confirm that 'the majority of modern constitutions contain sufficiently detailed sections devoted to human rights, and the wording enshrining individual rights coincides almost verbatim; while 'very significant differences appear at the level of legislation (national) and practice (law enforcement)' [6.24, p. 126], which, unlike constitutions (the will of nations), are the 'product' of the creativity of the politicians

who have appropriated states. We will not find in any constitution the principles of state arbitrariness, people's disenfranchisement and politicians' irresponsibility, with which they so often substitute national and constitutional identity in the eyes of society.

Consequently, the adoption of global norms of supreme action on the basis of common principles and spiritual principles of civilization, on the basis of a global identity while preserving in the constitutions of national states the specifics of social and cultural organization of society in a particular country, not contrary to the principles of the global constitution, its spiritual, moral and humanistic values only strengthens the constitutional identity of individual peoples, guaranteeing and protecting people's sovereignty and the right of peoples to their chosen way of the future through the true supremacy (domination) of law.

It must be remembered that the original purpose of the constitution was and remains the limitation of government (political power) which was previously secured by transnational religious law and traditions of the society. Hence, the partial global transit of sovereignty from peoples to the global society is the best guarantee of protection against any arbitrariness of national powers.

In this connection, the creation of an effective mechanism of international compulsion of national authorities to comply with the norms and principles laid down in the constitutions of their own states, freely adopted by the peoples (human rights and freedoms, democracy, fair trial), is the real guarantee of popular sovereignty from political 'absolutism' and usurpation.

What is the way 'from darkness to light', from the law of force to the force of law, from political 'absolutism' to the embodiment of popular sovereignty and genuine popular power?

The answer is obvious. It is the creation of a supranational movement of activists (the Global Democracy Initiative) for the joint development and submission for world approval of the draft foundations of the global constitutional order (global constitution), based on a common vision of the future, expressed in the current constitutions of modern states, recognized human rights and freedoms, common spiritual and

religious values of humanity. Legal scholars and theologians, religious leaders of different nations should be included in this work, in addition to the widest range of people. Artificial intelligence can become an indispensable assistant in the process of analyzing the matrix of legal and spiritual valuable foundations of humankind, capable of accelerating the achievement of the goal.

The subsequent voluntary support (approval, voluntary adoption) of such an act by open voting on the Internet by the majority of the population of the Earth and the majority of the inhabitants of each state, its support by the authorities and the leaders (councils) of world religions will allow to recognize its supremacy over any norms of national and international law and to demand to bring the latter into conformity with it. It should be understood that if support and acceptance are truly global, implying an open and honest general dialogue and discussion, 'public discussion, if it truly makes room for everyone and does not manipulate or conceal information, is a constant stimulus to a better grasp of the truth', as the Church calls for it [6.6, par. 203], the result will be an unprecedented public consensus and the very need for enforcing the norms of the global constitution will disappear by itself, in Francis' words, 'a real and lasting peace … on the basis of a global ethic of solidarity and cooperation in the service of a future shaped by interdependence and shared responsibility in the whole human family' will be created [6.6, par. 127].

It is difficult to agree with the opinion of legal scholars who criticize global constitutionalism from the position of impossibility of emergence and existence of law norms in the absence of mechanisms of state enforcement, outside the activities of state bodies [6.10, p. 9].

The right itself, stemming from the innate sense of justice, emerged in the society long before the formation of states and found its expression in spiritual traditions and religious postulates. The obligation to fulfill them was guaranteed both by the spiritual consciousness of individuals and by public opinion (approval or disapproval of the community). Historical studies confirm that 'in the premodern world, religion was a communal rather than a private pursuit', which 'helped people raise

their voices against state violence' [6.19, pp. 208, 211]. Before the Westphalian system of states, institutions of religious justice were widespread and truly transnational in nature, often serving as arbiters between states, peoples and estates. Humankind should consider the need to revive this traditional institution, the executive power of whose decisions could become both the existing state and the international (transnational) institutions formed by the states.

According to S.N. Baburin, the existing contradiction between the principles of the priority of individual rights and the state apparatus striving for positivism and absolutism is equalized (balanced) by spiritual and moral principles of society. But since the existing syncretism and an unformalized character of spiritual and moral principles allows their free interpretation and often ignored by the participants of the political process, it is extremely important to formalize them and enshrine them in the norms of higher order (global law), which determine the goals and meaning of any legal regulation.

The future global constitutional act must possess not only extreme stability, but also openness to improvement (constitutional modernization), dictated by the accelerating pace of scientific progress, through the highest form of direct electronic democracy (voting), when the opinion of the global majority will be identical with its decisions.

It is difficult to say what a global constitution will be, but on any path – the first step is important, without it, without a global democratic initiative, without the start of a broad public discussion – there is not and cannot be even hope of achieving the goals set by society, the image of the future chosen by peoples.

Belief in peace, freedom, justice and spiritual traditions inherent in everyone initially, as 'God's gene', expressed by a healthy majority of society through genuine democracy with direct democracy (people's congresses, gatherings, assemblies), many times saved the world from chaos and barbarism, became the core of our civilization. Today the global informational connectivity in the Net, the digital transformation of society, gives us the opportunity to unite the voices for the rule of the

will of the peoples, a great chance recognized by the Church as 'truly good, a gift from God' [6.6, par. 205], which we have no right to miss.

For the miracle of the Faith is not that we believe in something, but that God believes in us.

References (by Chapters)

Chapter 1

[1.1] Matjushkin N.I. (1954) V.I. Lenin about Friendship Between Peoples [В. И. Ленин о дружбе народов]. Moscow: Znanie, 40 p.

[1.2] Kohr L. (1957) The Breakdown of Nations. Routledge & K. Paul, 191 p.

[1.3] Wickham C. (2016) Medieval Europe: From the Fall of Rome to the Reformation. Yale University Press. New Haven and London, 445 p.

[1.4] Lind U. (27 May 2005) Globalization will Accelerate the Disintegration of States [Глобализация ускорит распад государств. Интервью]. Interview. Transl. from English. Rosbalt, available at: http://www.rosbalt.ru/main/2005/05/27/210531.html (accessed on 30.11.2019)

[1.5] Magyar B. (2016) Anatomy of a Post-Communist Mafia State [Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии]. Transl. from Hungarian. Moscow. OOO Novoe literaturnoe obozrenie, 392 p.

[1.6] Schneckener U. (2003) State Collapse as a Global Threat. Fragile States and Transnational Terrorism [Staatszerfall als globale Bedrohung]. Internationale Politik, November 2003, pp. 11-19

[1.7] Ragimov I.M., Baburin S.N., Golik Yu.V., Duk Yu.I., Korobeev A.I. (2019) The Modern State in the Age of Global Transformation (Analytical Report) [Современное государство в эпоху глобальных трансформаций (Аналитический доклад)]. Moscow. OOO 'Yuridicheskij centr-Akademiya', 342 p.

[1.8] Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. Edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 340 p.

[1.9] Kerimov A.D. (2013) Some Problems in the Theory of a Strong State [Некоторые проблемы теории сильного государства]. Sociodinamika. No. 3. pp. 1 – 45 DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.560 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=560 (accessed on 30.11.2019)

[1.10] Panarin A.S. (2003) Temptation by Globalism [Искушение глобализмом]. Moscow. E'KSMO-Press, 384 p.

[1.11] Chernichenko S.V. (1995) The State as an Individual, a Subject of International Law, and a Bearer of Sovereignty. [Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета]. Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, pp. 23–24

[1.12] Giddens A. (1990) The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 186 p.

[1.13] Giddens A., Sutton P. (2016) Essential Concepts in Sociology. Second edition. London. Polity Press, 334 p.

[1.14] Kant I. (1963–1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Vol.. 6.: Transl. from German. Moscow. Mysl'

[1.15] Yanshina F. T. (1993) The Noosphere: Utopia or Real Perspective. [Ноосфера: утопия или реальная перспектива]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. No. 1, pp. 163–173

Chapter 2

[2.1] Izmestyev S. (2020) The Crisis of a State as a Social and Political Institution in the Era of Globalization. [Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации] Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. No. 7 pp. 63 – 72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11

[2.2] Giddens A., Sutton P. (2016) Essential Concepts in Sociology. Second edition. London. Polity Press, 334 p.

[2.3] Giddens A. (2002) Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. Profile Books. London, 87 p.

[2.4] Finland makes broadband a 'legal right'. – https://www.bbc.com/news/10461048 (accessed on: 27.08.2020)

[2.5] United Nations General Assembly (2011) Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. Report no. A/HRC/17/27 //. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (accessed on: 27.08.2020)

[2.6] Skobelev V. (2020) Research on Digital Technology The growth of the Internet Audience was Ensured by Pensioners. [Аналитика по теме «Цифровая техника» Прирост интернет аудитории обеспечили пенсионеры]. https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/01/2020/5e1876549a7947210b5ef636 (accessed on: 27.08.2020).

[2.7] Freedom House (2019) «FREEDOM ON THE NET 2019». – https://freedomhouse.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf (accessed on: 27.08.2020)

[2.8] New Encyclopedia of Philosophy (2001) [Новая философская энциклопедия] in 4 volumes/ Edited by V. S. Styopin. Moscow. Mysl'.

[2.9] Lapina Z.G. (2014) Doctrine of the State in the Context of Oriental Studies as a System of Harmonization of Society (on the Example of Traditional China). [Доктрина государства в контексте востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая)] / ISAA MGU. https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-gosudarstva-v-kontekste-vostokovedeniya-kak-sistema-sredstv-garmonizatsii-sotsiuma-na-primere-traditsionnogo-kitaya

[2.10] Bojcov M. (2020) Rituals are Power. Interview with Historian Mikhail Boitsov about Medieval Coronation Rites, Anointing Practices, and the Status of Royalty in Europe. [Ритуалы – это и есть власть. Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской

власти в Европе]. https://postnauka.ru/talks/35978) (accessed on: 27.08.2020).

[2.11] Taft RF. (1992) The Byzantine Rite. A Short History. The Liturgical Press. Collegeville, Minnesota. 45 p.

[2.12] Chernyx A.I. (2012) Rituals in Mediatized Society [Ритуалы в медиатизированном обществе]. preprint. Moscow. 56 p.

[2.13] Weber M. (1963) The Sociology of Religion. English translation from the fourth edition. Transl. by Ephraim Fischoff. Methuen & Co., London. 380 p.

[2.14] Habermas J. (1987) The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures MIT Press. Cambridge, MA. 464 p.

[2.15] Panarin A.S. (2003) Temptation by Globalism. [Искушение глобализмом]. Moscow. E'KSMO-Press, 384 p.

Chapter 3

[3.1] Izmestyev S. (2020) The Crisis of a State as a Social and Political Institution in the Era of Globalization. [Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации] Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2020 No. 7 pp. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11

[3.2] Habermas J. (2011) From Worldviews to Lifeworlds. [От картин мира к жизненному миру]. Moscow, Idea-Press. 128 p.

[3.3] Izmestyev S. (2020) Global Revolution and "Ritualistic State". [Глобальная революция и «ритуальное» государство] in "Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya". No. 9 pp. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[3.4] Jessop B. (2016) The State:Past, Present, and Future. Polity Press. London. 317 p.

[3.5] Schmitt C. (2000) Political Theology [Политическая теология]. Collection. Transl. from German by Filippov A. Moscow, KANON-press-C. 336 p.

[3.6] Bodin J. (1999) Six Books about the State. [Шесть книг о государстве] Transl from French and commented by Xachaturyan N.A.

in Sbornik: Antologiya mirovoj pravovoj mysli v pyati tomax Vol. 2 – Moscow. Mysl'. pp. 688–695

[3.7] Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary in 86 vols.[Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т.] (1890–1907) L'état c'est moi. V. 82 and 4 add.) SPb.

[3.8] Kelsen H. (1960) Pure Theory of Law. Transl. from German by Knight. Berkeley, CA: University of California Press. 376 p.

[3.9] Kant I. (1963-1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl', Vol. 6. Pp. 257–311

[3.10] Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 340 p.

[3.11] Kant I. (1963–1966) On the common saying: this may be true in theory but it does not apply in practice [О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl'. Vol. 4, part 2. pp. 59–106.

[3.12] The UNO. (1948) The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly dated December 10, 1948 https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed on: 03.04.2021).

[3.13] Sakharov A.D. (1968) Reflections on Progress, Peaceful Coexistence, and Intellectual Freedom. [Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе]. Frankfurt/M. Posev. 61 p.

[3.14] Kerimov A.D. (2019) Democracy: the experience of critical analysis: monograph. [Демократия: опыт критического анализа: монография]. Moscow, Norma, 184 p.

[3.15] Fuller S. (2020) Interview With Steve Fuller on State 2.0, Tikhon Sysoev. Social Epistemology Review and Reply Collective 2020 https://social-epistemology.com/2020/12/01/interview-with-steve-fuller-on-state-2-0-tikhon-sysoev/ (accessed on: 03.04.2021).

[3.16] Clausewitz C. (2007) On War [О войне] Moscow, Eksmo, Midgard. 864 p.

[3.17] Ellsberg D. (2017) The Doomsday Machine. London, Bloomsbury. 421 p.

[3.18] Rawls J. (1971) A Theory of Justice. Harvard University Press. 628 p.

[3.19] Efroimson V.P. (1971) Origin of Altruism (Ethics from the Perspective of Human Evolutionary Genetics) [Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)] Novyj mir No. 10

[3.20] Maslow A. H. (1954) Motivation and Personality. New York: Harper & Row

[3.21] Kant I. (1965) Metaphysics of Morals [Метафизика нравов]. In six volumes. Vol. 4. II. Moscow,

[3.22] Hamel G., Zanini M. (2020) Humanocracy : creating organizations as amazing as the people inside them. Boston, MA : Harvard Business Review Press., 368 p. ISBN 9781633696037 (ebook)

[3.23] Volkov L., Krasheninnikov F. (2013) Cloud Democracy. [Облачная демократия] Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj. 240 p.

[3.24] Musk E. (2020) Mars is a Free Planet, the Laws of the Earth do not Apply There [Марс – свободная планета, там не действуют законы Земли] https://habr.com/ru/company/selectel/blog/525962/ (accessed on 28.12.2022)

[3.25] Annan K. (2004) The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies. (Ch. III Articulating a common language of justice for the United Nations .) Report of the UN Secretary General., UN, S/2004/616* (Distr: General 23 August 2004) access mode: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%20616.pdf

Chapter 4

[4.1] Izmestyev S. (2020) The Crisis of a State as a Social and Political Institution in the Era of Globalization. [Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации]

Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2020 No. 7 pp. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11

[4.2] Izmestyev S. (2020) Global Revolution and "Ritualistic State". [Глобальная революция и «ритуальное» государство] in "Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya". No. 9 pp. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[4.3] Kant I. (1963-1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl', Vol. 6. Pp. 257-311

[4.4] Kelsen H. (1960) Pure Theory of Law. Transl. from German by Knight. Berkeley, CA: University of California Press. 376 p.

[4.5] Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 1998. 340 p.

[4.6] Saidov A. H. (2002) International Human Rights Law. [Международное право прав человека] Edited by B. N. Topornin. Moscow. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.198 p.

[4.7] Ilyin I. A. (1993) On the Essence of Legal Consciousness. [О сущности правосознания] Compilation and preface by I. Smirnov. Moscow, Rarog. 206 p.

[4.8] Golovashhenko S. I. (2000) Law in the Old Testament [Право в Ветхом Завете]. Religija i pravo. Informacionno-analiticheskij zhurnal. No. 4. pp. 20–23

[4.9] Cope L. (2011) An Introduction to the Old Testament Template., 2nd Edition, YWAM Publishing, Seattle and Washington, 163 p.

[4.10] Romanovskaja V. B., Romanovskaja L. R. (2014) The Evolution of Law: From Sacralization to Secularization [Эволюция права: от сакрализации к секуляризации] Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. No. 3-2. pp. 191–195

[4.11] Efroimson V.P. (1971) Origin of Altruism (Ethics from the Perspective of Human Evolutionary Genetics) [Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)] Novyj mir No. 10

[4.12] Hayek F.A. (1998) Law, Legislation and Liberty. Routledge, London. 646 p.

[4.13] Golik Ju. V. (2014) The Restructuring of the World and Criminal Law [Переустройство мира и уголовное право]. Evropejskoe izmerenie – 2014: sbornik nauchnyh trudov / ed. by S. N. Baburin and Z. A. Stankevich. Moscow. Knizhnyj mir : Evropejskij institut JUSTO. 544 p.

[4.14] Bodin J. (1999) Six Books about the State. [Шесть книг о государстве] Transl from French and commented by Xachaturyan N.A. in Sbornik: Antologiya mirovoj pravovoj mysli v pyati tomax Vol. 2 – Moscow. Mysl'. pp. 688 – 695

[4.15] Schmitt C. (2000) Political Theology [Политическая теология]. Collection. Transl. from German by Filippov A. Moscow, KANON-press-C. 336 p.

[4.16] Shestakov D. A. (2012) Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime. [Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности]. Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. No. 2. pp. 12–22

[4.17] Izmestyev S. V. (2021) Law of Nations and Outlines of the Future (Prospective Trends in the Evolution of Law and state in the Context of Globalization. [Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации)]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. No. 3. pp. 51–63. https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9.

http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2021/3/law/izmestyev.pdf (accessed on: 04.06.2021)

[4.18] Baburin S. N. (2020) The Moral State. The Russian View of the Values of Constitutionalism. [Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма]. Moscow. Norma. 536 p.

[4.a] Ritualistic State. [Ритуальное государство]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ритуальное_государство (accessed on: 04.06.2021)

[4.b] Annan K. (2004) The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies. (Ch. III Articulating a common language of justice for the United Nations .) Report of the UN Secretary General., UN, S/2004/616* (Distr: General 23 August 2004) access mode: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%20616.pdf.

[4.c] The UNO. (1948) The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly dated December 10, 1948 https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[4.d] Fuller S. (2020) Interview With Steve Fuller on State 2.0, Tikhon Sysoev. Social Epistemology Review and Reply Collective 2020 https://social-epistemology.com/2020/12/01/interview-with-steve-fuller-on-state-2-0-tikhon-sysoev/ (accessed on: 04.06.2021).

Chapter 5

[5.1] Sandel M. (2002) Justice: What is the Right Thing To Do? Farrar, Straus and Giroux. New York. 265 p.

[5.2] Izmestyev S. (2020) Global Revolution and "Ritualistic State". [Глобальная революция и «ритуальное» государство] in "Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya". No. 9 pp. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[5.3] Habermas J. (1989) The Structural Transformation of the Public Sphere. MIT Press. Cambridge, MA. 326 p.

[5.4] Engels F. (2017) Anti-Dühring. Dialectics of Nature. [Анти-Дюринг] Moscow. 828 p.

[5.5] Kelsen H. (1960) Pure Theory of Law. Transl. from German by Knight. Berkeley, CA: University of California Press. 376 p.

[5.6] Weber M. (1946) Politics as a Vocation. New York, Oxford University Press, 220 p.

[5.7] Clausewitz C. (2007) On War [О войне] Moscow, Eksmo, Midgard. 864 p.

[5.8] Kant I. (1963-1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl', Vol. 6. Pp. 257–311

[5.9] Lindblom C. (1977) Politics and Markets. The World's Political-Economic Systems. Basic Books, Inc., Publishers, New York. 403 p.

[5.10] Marx K. (1985) Critique of Hegel's Philosophy of Right. [К критике гегелевской философии права]. Vilnius. 29 p.

[5.11] Marx K. (1989) Critique of the Gotha Programme. [Критика Готской программы] Moscow. 45 p.

[5.12] Correspondence of I.P. Pavlov and V.M. Molotov in 1934-1935. [Переписка И.П. Павлова и В.М. Молотова в 1934–1935 году]. Memorial Museum-Estate of Academician Ivan Pavlov. URL: http://www.pavlovmuseum.ru/pavlov/perepiska_Pavlova_i_Molotova (accessed on: 23.06.2022).

[5.13] Hobbes Th. (2008) Leviathan. Oxford University Press. 576 p.

[5.14] Antonjan Ju.M. (2015) The Theory of Human Aggression. Why are People Violent [Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди] Moscow. 311 p.

[5.15] Aristotles. (2011) Nicomachean Ethics [Никомахова этика] Moscow. 492 p.

[5.16] Rawls J. (1971) A Theory of Justice. Harvard University Press. 628 p.

[5.17] Plato. (2015) The State. [Государство]. Moscow.

[5.18] Locke J. (1985) An Essay concerning Human Understanding [Опыт о человеческом разумении]. Works in 3 volumes. Vol. 1. Moscow. 621 p.

[5.19] Rousseau J.-J. (1998) On the Social Contract.Treatises. [Об общественном договоре. Трактаты]. Moscow. 416 p.

[5.20] Hayek F.A. (1998) Law, Legislation and Liberty. Routledge, London. 646 p.

[5.21] Hegel G.W.F. (1990) Philosophy of the Right. [Философия права]. Moscow. 524 p.

[5.22] Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 340 p.

[5.23] Kerimov A.D. (2008) Modern State Theory. [Современное государство: вопросы теории] Moscow. 144 p.

[5.24] Fuller S. (2020) Interview With Steve Fuller on State 2.0, Tikhon Sysoev. Social Epistemology Review and Reply Collective 2020 https://social-epistemology.com/2020/12/01/interview-with-steve-fuller-on-state-2-0-tikhon-sysoev/ (accessed on: 04.06.2021).

[5.25] Mill J.S. On Liberty. Penguin UK, 2010. 192 p.

[5.26] Schmitt C. (2000) Political Theology [Политическая теология]. Collection. Transl. from German by Filippov A. Moscow, KANON-press-C. 336 p.

[5.27] Urbinati N. (2014) Democracy disfigured : opinion, truth, and the people. Harvard University Press. 318 p.

[5.28] Manin B.(1997) The Principles of Representative Government. Cambridge. 243 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511659935

[5.29] Kelsen H., Treviño J. (2017) General Theory of Law & State. N. Y. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960.

[5.30] Shestakov D. A. (2012) Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime. [Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности]. Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. No. 2. pp. 12–22

[5.31] Wallerstein I. (2001) Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World. [Анализ мировых систем и ситуация в современном мире] St. Petersburg. 416 p

[5.32a] Kara-Murza S.G. (2004) Soviet Civilization from the Beginning to the Great Victory. [Советская цивилизация от начала до Великой Победы]. Moscow. 637 p.

[5.32b] Kara-Murza S.G. (2004) Soviet Civilization. From the Great Victory to the Present Day. [Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней]. Moscow. 767 p.

[5.33] RBC (2021) How Syria's Population Changed in Ten Years of [Как поменялось население Сирии за десять лет войны].URL: https://www.rbc.ru/politics/15/03/2021/604f12e99a794781794b8e0b (accessed on: 23.06.2022).

[5.34] Hightech (2021) Artificial Intelligence Speaks at Conference and Warns Scientists It's Dangerous [Искусственный интеллект выступил на конференции и предупредил учёных, что он опасен]. URL: https://hightech.fm/2021/12/13/ai-dangerious (accessed on: 23.06.2022)

[5.35] Nonews Rating of Countries by the Level of People's Trust in Politicians [Рейтинг стран по уровню доверия людей к политикам]. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/public-trust-politicians (accessed on: 23.06.2022)

[5.36] Schmitt C. (2010) The State and Political Form. [Государство и политическая форма]. Moscow. 272 p.

[5.37] Izmestyev S. V. (2021) Law of Nations and Outlines of the Future (Prospective Trends in the Evolution of Law and state in the Context of Globalization. [Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации)]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. No. 3. pp. 51–63. https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9.

http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2021/3/law/izmestyev.pdf (accessed on: 04.06.2021)

[5.38] Izmestyev S.V. (2021) Restoration of the Law as a Global Alternative to World Dictatorship [Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo. 2021a. V. 18, No. 4. Pp. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

[5.39] Sakharov A.D. (1968) Reflections on Progress, Peaceful Coexistence, and Intellectual Freedom. [Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе]. Frankfurt/M. Posev. 61 p.

[5.40] Philosophy and Politics / ed. A. Magun. Lanham, 2020. 286 p.

A final word

[6.1] Izmestyev S.V. (2022) State Appropriation and Global Revolution. [Присвоение государства и глобальная революция]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2022. No. 7. pp. 117–133. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.16

[6.2] Aristotles. (2011) Nicomachean Ethics [Никомахова этика] Moscow. 492 p.

[6.3] Shestakov D. A. (2012) Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime. [Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности]. Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. No. 2. pp. 12–22

[6.4] Buzgalin A.V. (2003) Alterglobalism Theory and Practice of the «Anti-Globalization» Movement. [Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения]. Edited by A.V. Buzgalin. Moscow. URSS. 256 p. pp. 9–29.

[6.5] Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. Edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 340 p.

[6.6] Pope Francis (2020) Fratelli Tutti: Encyclical letter on Fraternity and Social Friendship. Royal Press.142 p.

[6.7] Sakharov A.D. (1968) Reflections on Progress, Peaceful Coexistence, and Intellectual Freedom. [Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе]. Frankfurt/M. Posev. 61 p.

[6.8] Kelsen H., Trevico J. (2017) General Theory of Law & State. N.Y. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960.

[6.9] Yanshina F. T. (1993) The Noosphere: Utopia or Real Perspective. [Ноосфера: утопия или реальная перспектива]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. No. 1, pp. 163–173

[6.10] Baburin S.N. (2022) Integration Constitutionalism: Monograph. [Интеграционный конституционализм: монография]. Moscow. Norma: INFRA-M. 264 p.

[6.11] Izmestyev S. (2020) Global Revolution and "Ritualistic State". [Глобальная революция и «ритуальное» государство] in "Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya". No. 9 pp. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8

[6.12] Izmestyev S.V. Restoration of the Law as a Global Alternative to World Dictatorship. [Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo. 2021a. V. 18, No. 4. Pp. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

[6.13] Hobbes Th. (2008) Leviathan. Oxford University Press. 576 p.

[6.14] Medushevskij A.N. Global Constitutionalism: Projects, Strategies for Advancement, Political Contributions of the Higher School of Economics Research/work result (Project No. 20-01-006). [Глобальный конституционализм: проекты, стратегии продвижения, политический вклад НИУ ВШЭ Результат исследования/работы (№ проекта 20-01-006)] Interdisciplinary Discussion Platform 2020, Vol.4, № 3 Pp. 975–1019. URL: http://en.hpchsu.ru (accessed on: 05.10.2022)

[6.15] Clausewitz C. (2007) On War [О войне] Moscow, Eksmo, Midgard. 864 p.

[6.16] Kant I. (1963–1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl', Vol. 6. Pp. 257–311

[6.17] Ilyin I. A. (1993) On the Essence of Legal Consciousness. [О сущности правосознания] Compilation and preface by I. Smirnov. Moscow, Rarog. 206 p.

[6.18] Schonthal B. (2017) Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia. Oxford University Press and New York University School of Law. 2017 Vol.15 Issue 3. P. 705 – 733 July 2017 International Journal of Constitutional Law 15(3):705-733.

[6.19] Armstrong K. (2014) Fields of Blood: Religion and the History of Violence. Alfred A. Knopf, New York Toronto

[6.20] Savenkov A.N. (2020) State and Law in the Crisis of Modern Civilization: Monograph [Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография]. Moscow. Prospekt. 448 p.

[6.21] Kravec I.A. (2019) Global and Local Constitutionalism in the Making of Integration Law: Constitutional Teleology, Futurism, and the Structure of Modern Constitutions. [Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций]. Pravo i politika. 2019, No. 10

[6.22] Khanna P. (2016) Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. Random House. 496 p.

[6.23] Bouman Je. (2003) Globalization from the Bottom. [Глобализация снизу]. Al'terglobalizm teorija i praktika «Antiglobalistskogo» dvizhenija. Edited by A.V. Buzgalin, Moscow, URSS. 256 p. Pp. 131-140

[6.24] Human Rights: Between the Past and the Future: Monograph. [Права человека: между прошлым и будущим: монография]. Edited by T.A. Vasilieva, N.V. Varlamova, N.V. Kolotova. Moscow. Norma: INFRA-M, 2022. 448 p.

Bibliography

Books, monographs

In English

1. Armstrong K. (2014) Fields of Blood: Religion and the History of Violence. Alfred A. Knopf, New York Toronto
2. Cope L. (2011) An Introduction to the Old Testament Template., 2nd Edition, YWAM Publishing, Seattle and Washington, 163 p.
3. Ellsberg D. (2017) The Doomsday Machine. London, Bloomsbury. 421 p.
4. Francis (2020) Fratelli Tutti: Encyclical letter on Fraternity and Social Friendship. Royal Press.142 p.
5. Giddens A. (1990) The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 186 p.

6. Giddens A., Sutton P. (2016) Essential Concepts in Sociology. Second edition. London. Polity Press, 334 p.
7. Giddens A. (2002) Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. Profile Books. London, 87 p.
8. Habermas J. (1998) The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory. Edited by Ciaran Cronin and Pablo De Greiff. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 340 p.
9. Habermas J. (1987) The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures MIT Press. Cambridge, MA. 464 p.
10. Habermas J. (1989) The Structural Transformation of the Public Sphere. MIT Press. Cambridge, MA. 326 p.
11. Hamel G., Zanini M. (2020) Humanocracy : creating organizations as amazing as the people inside them. Boston, MA: Harvard Business Review Press., 368 p. ISBN 9781633696037 (ebook)
12. Hayek F.A. (1998) Law, Legislation and Liberty. Routledge, London. 646 p.
13. Hobbes Th. (2008) Leviathan. Oxford University Press. 576 p.
14. Jessop B. (2016) The State:Past, Present, and Future. Polity Press. London. 317 p.
15. Kelsen H. (1960) Pure Theory of Law. Transl. from German by Knight. Berkeley, CA: University of California Press. 376 p.
16. Kelsen H., Treviño J. (2017) General Theory of Law & State. N. Y. 556 p. https://doi.org/10.4324/9780203790960
17. Khanna P. (2016) Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. Random House. 496 p.
18. Kohr L. (1957) The Breakdown of Nations. Routledge & K. Paul, 191 p.
19. Lindblom C. (1977) Politics and Markets. The World's Political-Economic Systems. Basic Books, Inc., Publishers, New York. 403 p.
20. Manin B.(1997) The Principles of Representative Government. Cambridge. 243 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511659935

21. Maslow A. H. (1954) Motivation and Personality. New York: Harper & Row
22. Mill J.S. On Liberty. Penguin UK, 2010. 192 p.
23. Rawls J. (1971) A Theory of Justice. Harvard University Press. 628 p.
24. Sandel M. (2002) Justice: What is the Right Thing To Do? Farrar, Straus and Giroux. New York. 265 p.
25. Taft RF. (1992) The Byzantine Rite. A Short History. The Liturgical Press. Collegeville, Minnesota. 45 p.
26. Urbinati N. (2014) Democracy disfigured : opinion, truth, and the people. Harvard University Press. 318 p.
27. Weber M. (1963) The Sociology of Religion. English translation from the fourth edition. Transl. by Ephraim Fischoff. Methuen & Co., London. 380 p.
28. Weber M. (1946) Politics as a Vocation. New York, Oxford University Press, 220 p.
29. Wickham C. (2016) Medieval Europe: From the Fall of Rome to the Reformation. Yale University Press. New Haven and London, 445 p.

In Russian

1. Antonjan Ju.M. (2015) The Theory of Human Aggression. Why are People Violent [Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди] Moscow. 311 p.
2. Aristotles. (2011) Nicomachean Ethics [Никомахова этика] Moscow. 492 p.
3. Baburin S. N. (2020) The Moral State. The Russian View of the Values of Constitutionalism. [Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма]. Moscow. Norma. 536 p.
4. Baburin S.N. (2022) Integration Constitutionalism: Monograph. [Интеграционный конституционализм: монография]. Moscow. Norma: INFRA-M. 264 p.

5. Bodin J. (1999) Six Books about the State. [Шесть книг о государстве] Transl from French and commented by Xachaturyan N.A. in Sbornik: Antologiya mirovoj pravovoj mysli v pyati tomax Vol. 2 – Moscow. Mysl'. pp. 688 – 695
6. Chernyx A.I. (2012) Rituals in Mediatized Society [Ритуалы в медиатизированном обществе]. preprint. Moscow. 56 p.
7. Clausewitz C. (2007) On War [О войне] Moscow, Eksmo, Midgard. 864 p.
8. Engels F. (2017) Anti-Dühring. Dialectics of Nature. [Анти-Дюринг] Moscow. 828 p.
9. Habermas J. (2011) From Worldviews to Lifeworlds. [От картин мира к жизненному миру]. Moscow, Idea-Press. 128 p.
10. Hegel G.W.F. (1990) Philosophy of the Right. [Философия права]. Moscow. 524 p.
11. Human Rights: Between the Past and the Future: Monograph. [Права человека: между прошлым и будущим: монография]. Edited by T.A. Vasilieva, N.V. Varlamova, N.V. Kolotova. Moscow. Norma: INFRA-M, 2022. 448 p.
12. Ilyin I. A. (1993) On the Essence of Legal Consciousness. [О сущности правосознания] Compilation and preface by I. Smirnov. Moscow, Rarog. 206 p.
13. Kant I. (1963-1966) Perpetual Peace. [К вечному миру] in 6 volumes. Vol.. 6.: Transl. from German. Moscow. Mysl'
14. Kant I. (1963-1966) On the common saying: this may be true in theory but it does not apply in practice [О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»] in 6 volumes. Transl. from German. Moscow. Mysl'. Vol. 4, part 2. pp. 59–106.
15. Kant I. (1965) Metaphysics of Morals [Метафизика нравов]. In six volumes. Vol. 4. II. Moscow
16. Kara-Murza S.G. (2004) Soviet Civilization from the Beginning to the Great Victory. [Советская цивилизация от начала до Великой Победы]. Moscow. 637 p.

17. Kara-Murza S.G. (2004) Soviet Civilization. From the Great Victory to the Present Day. [Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней]. Moscow. 767 p.
18. Kerimov A.D. (2019) Democracy: the experience of critical analysis: monograph. [Демократия: опыт критического анализа: монография]. Moscow, Norma, 184 p.
19. Kerimov A.D. (2008) Modern State Theory. [Современное государство: вопросы теории] Moscow. 144 p.
20. Magyar B. (2016) Anatomy of a Post-Communist Mafia State [Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии]. Transl. from Hungarian. Moscow. OOO Novoe literaturnoe obozrenie, 392 p.
21. Marx K. (1985) Critique of Hegel's Philosophy of Right. [К критике гегелевской философии права]. Vilnius. 29 p.
22. Marx K. (1989) Critique of the Gotha Programme. [Критика Готской программы] Moscow. 45 p.
23. Matjushkin N.I. (1954) V.I. Lenin about Friendship Between Peoples [В. И. Ленин о дружбе народов]. Moscow: Znanie, 40 p.
24. Panarin A.S. (2003) Temptation by Globalism [Искушение глобализмом]. Moscow. E'KSMO-Press, 384 p.
25. Philosophy and Politics / ed. A. Magun. Lanham, 2020. 286 p.
26. Ragimov I.M., Baburin S.N., Golik Yu.V., Duk Yu.I., Korobeev A.I. (2019) The Modern State in the Age of Global Transformation (Analytical Report) [Современное государство в эпоху глобальных трансформаций (Аналитический доклад)]. Moscow. OOO 'Yuridicheskij centr-Akademiya', 342 p.
27. Rousseau J.-J. (1998) On the Social Contract.Treatises. [Об общественном договоре. Трактаты]. Moscow. 416 p.
28. Sakharov A.D. (1968) Reflections on Progress, Peaceful Coexistence, and Intellectual Freedom. [Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе]. Frankfurt/M. Posev. 61 p.

29. Savenkov A.N. (2020) State and Law in the Crisis of Modern Civilization: Monograph [Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография]. Moscow. Prospekt. 448 p.
30. Schmitt C. (2000) Political Theology [Политическая теология]. Collection. Transl. from German by Filippov A. Moscow, KANON-press-C. 336 p.
31. Schmitt C. (2010) The State and Political Form. [Государство и политическая форма]. Moscow. 272 p.
32. Volkov L., Krasheninnikov F. (2013) Cloud Democracy. [Облачная демократия] Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj. 240 p.
33. Wallerstein I. (2001) Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World. [Анализ мировых систем и ситуация в современном мире] St. Petersburg. 416 p.

Articles in periodicals and anthologies

In English

1. Schonthal B. (2017) Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia. Oxford University Press and New York University School of Law. 2017 Vol.15 Issue 3. P. 705–733 July 2017 International Journal of Constitutional Law 15(3):705–733

In Russian

1. Bouman Je. (2003) Globalization from the Bottom. [Глобализация снизу]. Al'terglobalizm teorija i praktika «Antiglobalistskogo» dvizhenija. Edited by A.V. Buzgalin, Moscow, URSS. 256 p. Pp. 131–140
2. Buzgalin A.V. (2003) Alterglobalism Theory and Practice of the «Anti-Globalization» Movement. [Альтерглобализм теория и практика «Антиглобалистского» движения]. Edited by A.V. Buzgalin. Moscow. URSS. 256 p. pp. 9–29.

3. Chernichenko S.V. (1995) The State as an Individual, a Subject of International Law, and a Bearer of Sovereignty. [Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета]. Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Pp. 23–24
4. Golik Ju. V. (2014) The Restructuring of the World and Criminal Law [Переустройство мира и уголовное право]. Evropejskoe izmerenie – 2014: sbornik nauchnyh trudov / ed. by S. N. Baburin and Z. A. Stankevich. Moscow. Knizhnyj mir : Evropejskij institut JUSTO. 544 p.
5. Golovashhenko S. I. (2000) Law in the Old Testament [Право в Ветхом Завете]. Religija i pravo. Informacionno-analiticheskij zhurnal. No. 4. pp. 20–23
6. Izmestyev S. (2020) The Crisis of a State as a Social and Political Institution in the Era of Globalization. [Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации] Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. No. 7 pp. 63–72 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11
7. Izmestyev S. (2020) Global Revolution and "Ritualistic State". [Глобальная революция и «ритуальное» государство] in "Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya". No. 9 pp. 51–59 https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8
8. Izmestyev S. (2021) Law of Nations and Outlines of the Future (Prospective Trends in the Evolution of Law and state in the Context of Globalization. [Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации)]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. No. 3. pp. 51–63. https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9
9. Izmestyev S. (2021) Restoration of the Law as a Global Alternative to World Dictatorship [Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo. 2021a. V. 18, No. 4. Pp. 28–38. https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).28–38

10. Izmestyev S. (2022) State Appropriation and Global Revolution. [Присвоение государства и глобальная революция]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2022. No. 7. pp. 117–133. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.16
11. Kerimov A.D. (2013) Some Problems in the Theory of a Strong State [Некоторые проблемы теории сильного государства]. Sociodinamika. No. 3. pp. 1–45 DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.560
12. Kravec I.A. (2019) Global and Local Constitutionalism in the Making of Integration Law: Constitutional Teleology, Futurism, and the Structure of Modern Constitutions. [Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций]. Pravo i politika. 2019, No. 10
13. Romanovskaja V. B., Romanovskaja L. R. (2014) The Evolution of Law: From Sacralization to Secularization [Эволюция права: от сакрализации к секуляризации] Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. No. 3-2. pp. 191–195
14. Shestakov D. A. (2012) Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime. [Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности]. Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. No. 2, 2012, pp. 12–22
15. Yanshina F. T. (1993) The Noosphere: Utopia or Real Perspective. [Ноосфера: утопия или реальная перспектива]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. No. 1, pp. 163–173

In German

1. Schneckener U. (2003) State Collapse as a Global Threat. Fragile States and Transnational Terrorism [Staatszerfall als globale Bedrohung]. Internationale Politik, November 2003, pp. 11–19

Web resources

In English

1. Finland makes broadband a ‘legal right’. URL: https://www.bbc.com/news/10461048 (accessed on: 27.08.2020)
2. Freedom House (2019) «FREEDOM ON THE NET 2019». – https://freedomhouse.org/sites/default/files/2019-11/11042019_Report_FH_FOTN_2019_final_Public_Download.pdf (accessed on: 27.08.2020)
3. Fuller S. (2020) Interview With Steve Fuller on State 2.0, Tikhon Sysoev. Social Epistemology Review and Reply Collective 2020 https://social-epistemology.com/2020/12/01/interview-with-steve-fuller-on-state-2-0-tikhon-sysoev/ (accessed on: 27.08.2020)
4. United Nations General Assembly (2011) Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. Report no. A/HRC/17/27 // URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (accessed on: 27.08.2020)

In Russian

1. Correspondence of I.P. Pavlov and V.M. Molotov in 1934–1935. [Переписка И.П. Павлова и В.М. Молотова в 1934–1935 году]. Memorial Museum-Estate of Academician Ivan Pavlov. URL: http://www.pavlovmuseum.ru/pavlov/perepiska_Pavlova_i_Molotova (accessed on: 23.06.2022)
2. Hightech (2021) Artificial Intelligence Speaks at Conference and Warns Scientists It’s Dangerous [Искусственный интеллект выступил на конференции и предупредил учёных, что он опасен].URL: https://hightech.fm/2021/12/13/ai-dangerious (accessed on: 23.06.2022)
3. Musk E. (2020) Mars is a Free Planet, the Laws of the Earth do not Apply There [Марс – свободная планета, там не действуют законы Земли] https://habr.com/ru/company/selectel/blog/525962/ (accessed on 28.12.2022)

4. Nonews Rating of Countries by the Level of People's Trust in Politicians [Рейтинг стран по уровню доверия людей к политикам]. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/public-trust-politicians (accessed on: 23.06.2022)
5. RBC (2021) How Syria's Population Changed in Ten Years of [Как поменялось население Сирии за десять лет войны]. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/03/2021/604f12e99a794781794b8e0b (accessed on: 23.06.2022)
6. Ritualistic State. [Ритуальное государство]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ритуальное_государство (accessed on: 04.06.2021)

Regulatory and official acts

1. Annan K. (2004) The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies. (Ch. III Articulating a common language of justice for the United Nations) Report of the UN Secretary General., UN, S/2004/616* (Distr: General 23 August 2004)
2. The UNO. (1948) The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly dated December 10, 1948 https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed on: 23.06.2022)

С. В. Изместьев

ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
GLOBAL ALTERNATIVE

С переводом на английский

МОНОГРАФИЯ

Компьютерная вёрстка: Н.Г. Шабанова
Художник: М.А. Соломатина
Корректор: А.С. Левина

На обложке:
Спутниковый снимок планеты Земля от 20.03.2020 05:00 UTC, сделанный Национальным спутниковым метеорологическим центром (NSMC, Китай);
Астрономический символ планеты Земля (крест в круге).

Издательство «ТРИУМФ»
http://www.triumph.ru
e-mail: books@triumph.ru

Подписано в печать 17.01.2023 г.
Формат 60x90/16, Гарнитура «Таймс»,
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 500 экз. Заказ 1150

ISBN 978-5-94422-115-0

С. Изместьев
ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

S. Izmestyev
GLOBAL ALTERNATIVE